

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Дибиров Магомедрасул Галбацдибирович

ПРИВИЛЕГИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент
Кобзева Елена Васильевна

Саратов – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Понятие привилегий в уголовном праве России	17
§ 1. Зарождение и развитие привилегий в отечественном уголовном праве	17
§ 2. Понятие, значение и классификация привилегий в современном уголовном праве России	46
§ 3. Привилегии и принципы российского уголовного права	68
Глава 2. Виды привилегий в уголовном праве России	97
§ 1. Привилегии, обусловленные демографическими признаками виновного	97
§ 2. Привилегии, обусловленные социально-биологическими признаками виновного	127
§ 3. Привилегии, обусловленные постпреступным поведением виновного	153
Заключение	180
Библиографический список	190
Приложение	224

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется тем, что сам тезис о наличии уголовно-правовых привилегий и их системе нельзя считать не только в полной мере осмысленным, но и в должной степени сформулированным. Традиционный взгляд на уголовное право как отрасль карательную (наказательную) во многом исключает постановку вопроса о привилегиях: уголовное право не предоставляет льготы и преференции лицам, совершившим преступления, но, напротив, устанавливает для них некоторые дополнительные обременения. Между тем подобный подход представляется лишь внешним, формальным и потому поверхностным. Содержательный анализ всего массива уголовно-правовых норм, а также механизма уголовно-правового регулирования, убедительно свидетельствует, что здесь в полной мере применяются все основные приемы правового воздействия на общественные отношения, в том числе поощрение, стимулирование, предоставление льгот и т.д. Набор приемов правового регулирования не имеет принципиальных различий в отраслях права, и в этом отношении феномен уголовно-правовых привилегий не только имеет право на существование, но и существует в действительности как некая объективная реальность.

Другое дело, что уголовно-правовые привилегии в силу отраслевой специфики обладают некоторыми характеристиками, существенно отличающими их от привилегий в иных отраслях права. Главное отличие здесь состоит в том, что привилегии в уголовном праве ограничены сферой реализации уголовной ответственности, распространяются только на лиц, совершивших преступление, и не предоставляют дополнительных прав и преимуществ лицам, не причастным к совершению преступлений, по отношению к иным категориям граждан. Соответственно, и механизм предоставления этих привилегий непосредственно связан с механизмом уголовно-правового регулирования, подчинен его принципам и задачам.

Такой механизм, поскольку он связан с предоставлением преференций одним преступникам по отношению к другим, должен иметь убедительное теоретическое обоснование, прочный конституционный фундамент, внутриотраслевое единство, межотраслевую согласованность, правовую определенность. Вместе с тем констатировать неукоснительное соблюдение этих начал в настоящее время вряд ли возможно: создание и включение в уголовный закон предписаний привилегированного содержания зачастую происходит бессистемно, под влиянием сиюминутных факторов, уголовно-правовой ангажированности и ведомственной заинтересованности. Это порождает значительные проблемы в правоприменительной практике, которая, реализуя уголовно-правовые привилегии, оказывается в состоянии недопустимого выбора между соблюдением начал законности, равенства и справедливости.

Оптимизации ситуации может служить надежная теоретическая концепция привилегий в уголовном праве. Однако на сегодняшний день доктрина уголовного права такой концепцией не располагает, а сами привилегированные предписания еще не подвергались анализу с точки зрения теоретико-правового учения о привилегиях.

Совокупность указанных факторов обуславливает необходимость проведения самостоятельного теоретико-прикладного анализа феномена привилегий в уголовном праве, оправдывает выбор темы диссертации и определяет основные направления ее анализа.

Степень научной разработанности проблемы. В последние годы вопросы льгот и привилегий стали привлекать повышенное внимание специалистов в области общей теории права. Значительный вклад в их разработку внесли, в частности, М.Н. Козюк, В.В. Лапаева, А.В. Малько, И.С. Морозова, С.Е. Суменков.

В отраслевой юридической литературе проблематика правовых льгот и привилегий в приоритетном порядке разрабатывается специалистами в области трудового права и права социального обеспечения (Н.В. Артамонов,

И.А. Камаев, В.С. Михеев, Г.Г. Пашкова и др.); некоторое внимание ей уделено представителями налогового права (М.В. Титова, О.А. Черкашина и др.), процессуального права (М.А. Буданова, А.В. Красильников и др.), международного права (Б.Б. Алексиева, В.В. Афанасьев и др.).

На этом фоне уголовно-правовая теория демонстрирует практически полное невнимание к целостному, системному анализу привилегий. Вместе с тем нашей наукой накоплен достаточно богатый опыт исследования близких к проблематике привилегий проблем, составляющих ее часть или отдельный аспект. Так, *вопросы равенства граждан перед уголовным законом* поднимались в работах Н.Н. Бабаян, С.Г. Келиной, Т.В. Кленовой, В.Н. Кудрявцева, В.В. Мальцева, А.Ю. Лактаевой, Н.А. Лопашенко, С.С. Пирвагидова, Ю.Е. Пудовочкина, Т.Р. Сабитова, И.С. Семеновой, Э.Л. Сидоренко, П.А. Фефелова, В.Д. Филимонова, Е.Е. Чередниченко и др.; *проблемы теории дифференциации уголовной ответственности и наказания* анализировались в произведениях А.В. Бриллиантова, А.В. Васильевского, Г.В. Вериной, М.Н. Каплина, Л.Л. Кругликова, Т.А. Лесниевски-Костаревой, Е.В. Роговой и др.; *уголовно-правовые стимулы и поощрения* были предметом изучения, в частности, Х.Д. Аликперова, Ю.В. Голика, И.Э. Звечаровского, А.В. Кайшева, Р.А. Сабитова, И.А. Семенова, И.А. Тарханова, А.И. Терских, А.П. Фильченко.

Кроме того, доктрина уголовного права достаточно успешно реализовала себя в тех конкретных направлениях, которые рассматриваются в нашей работе через призму уголовно-правовых привилегий. Речь идет о *возрасте субъекта преступления, его дифференциации и влиянии на уголовную ответственность* (Н.Г. Андрюхин, Ю.М. Антонян, Р.И. Бабиченко, А.А. Байбарин, О.В. Барсукова, Л.В. Боровых, Т.Н. Волкова, Г.И. Забрянский, Р.А. Колониченков, М.И. Кольцов, Р.А. Леонов, Е.М. Луничев, А.И. Мамедов, Р.И. Михеев, В.Г. Павлов, П.В. Разумов, В.И. Руднев, О.Д. Ситковская, Н.Ю. Скрипченко, Б.А. Спасенников и др.); *уголовной ответственности женщин* (В.А. Андриенко, Т.С. Буякевич,

П.К. Гаджирамазанова, С.А. Кацуба, Е.Ю. Сергеева, Г.А. Стеничкин, О.В. Тюшнякова, Л.Ю. Чернышкова и др.); *специальных правил назначения наказания* (П.В. Агапов, Е.В. Благов, М.И. Качан, С.С. Ключников, О.А. Мясников, К.Д. Николаев, Р.А. Ниценко, В.Б. Мишкин, В.М. Степашин, Г.И. Чечель и др.); *институтов и отдельных видов освобождения от уголовной ответственности* (А.Г. Антонов, А.В. Бриллиантов, Е.В. Давыдова, А.В. Ендольцева, Е.Д. Ермакова, А.А. Князьков, А.Г. Кудрявцев, Р.К. Плиско, Э.Л. Сидоренко, Е.А. Симонова, О.Г. Соловьев, В.В. Тарасенко и др.) и *освобождения от наказания* (О.В. Жданова, Э.Н. Жевлаков, В.В. Кухарук, К.В. Михайлов, Ю.М. Ткачевский и др.).

Значение достигнутых научных результатов трудно переоценить. Однако учитывая, что наука имеет, среди прочего, свойство развиваться маятникообразно: от аналитических исследований к синтетическим, полагаем, что в настоящее время не только ощущается потребность, но и сложились все необходимые предпосылки для интеграции отдельных представлений о привилегиях в уголовном праве на основе некоей целостной концепции. Именно ее отсутствие составляет тот теоретический пробел в науке уголовного права, на восполнение которого направлена диссертация.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, связанные с нормативно-правовым установлением и практической реализацией уголовно-правовых привилегий.

Предмет исследования образуют нормы действующего и ранее действовавшего отечественного уголовного законодательства о привилегиях, предоставляемых лицам, совершившим преступление, а также относящиеся к объекту исследования данные официальной статистики, материалы судебной практики и результаты проведенного экспертного опроса.

Цель диссертации состоит в разработке концепции привилегий в уголовном праве, позволяющей определить их понятие, сущность, систему и содержание, и в формулировании на ее основе предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Задачи диссертационного исследования заключаются в том, чтобы:

- выявить основные тенденции эволюции отечественного уголовного законодательства в части установления льгот и привилегий;
- раскрыть характерные признаки уголовно-правовых привилегий и сформулировать их дефиницию;
- обнаружить нормы, закрепляющие уголовно-правовые привилегии, провести их систематизацию, классификацию и типизацию;
- определить соотношение категории привилегий с принципами уголовного права;
- установить соответствие (несоответствие) конкретных уголовно-правовых привилегий конституционным началам уголовно-правового регулирования и принципам уголовного права;
- выявить недостатки в практике нормативного закрепления уголовно-правовых привилегий и обосновать предложения по ее оптимизации.

Правовую основу диссертации образуют Конституция РФ, международные правовые акты, отечественные уголовно-правовые акты дореволюционного и советского периодов, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, иные федеральные законы и подзаконные акты по состоянию на 01 ноября 2015 г., постановления Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, нормы и положения которых были подвергнуты осмыслению с позиции темы исследования и которые способствовали в конечном итоге формированию концепции уголовно-правовых привилегий.

Эмпирическая база исследования включает:

- сведения официальной судебной статистики о состоянии судимости, в том числе составе осужденных и назначаемых судами мерах уголовного наказания, за период с 2006 г. по первое полугодие 2015 гг.;
- результаты изучения 135 правоприменительных актов Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции субъектов РФ за период с 2006 г. по первое полугодие 2015 г., касающихся вопросов назначения наказания,

освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и размещенных в Государственной автоматизированной системе РФ «Правосудие» и Справочно-правовой системе «Право.Ру»;

- данные, полученные при проведении экспертного опроса 96 специалистов, работающих в сфере уголовного судопроизводства (судей, прокуроров, следователей) Республики Дагестан, Московской и Саратовской областей.

Теоретическая основа диссертационного исследования, помимо трудов ученых, упомянутых при определении степени разработанности проблемы уголовно-правовых привилегий, представлена большим массивом работ, посвященных общим вопросам уголовного права и уголовно-правового воздействия, таких авторов, как: З.А. Астемиров, М.В. Бавсун, О.Н. Бибик, А.И. Бойцов, Ю.И. Бытко, Р.Р. Галиакбаров, Ю.В. Грачева, В.К. Дуюнов, Г.А. Есаков, А.Э. Жалинский, Н.Г. Иванов, А.В. Иванчин, А.Н. Игнатов, Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Кибальник, Е.В. Кобзева, И.Я. Козаченко, В.С. Комиссаров, В.П. Коняхин, А.И. Коробеев, Ю.А. Красиков, Н.М. Кропачев, Н.Ф. Кузнецова, А.В. Наумов, К.В. Ображиев, Н.И. Пикуров, Т.Г. Понятовская, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Рарог, Ф.Р. Сундуров, Ю.И. Ляпунов, А.И. Чучаев, П.С. Яни и др.

При написании диссертации также были изучены труды *философского и общеправового характера* (Е.Н. Бырдин, В.М. Ведяхин, И.Я. Дюрягин, А.Ф. Колодий, В.С. Нерсисянц, С.В. Поленина, Е.В. Тилежинский, В.А. Четвернин, И. М. Шапиро и др.); работы, проливающие свет на *историю развития права в целом и уголовного права в частности* (Л.С. Белогриц-Котляревский, М.Ф. Владимирский-Буданов, Э.В. Георгиевский, Б.Н. Миронов, Э.Я. Немировский, А.А. Рожнов, В.И. Сергеевич, Е.С. Соколова, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др.); источники *криминологического* (А.И. Долгова, Г.Х. Ефремова, Н. Кристи, Е.Б. Кургузкина, М.С. Крутер и др.) и *пенитенциарного* (Г.А. Аванесов, Л.В. Бакулина, Ю.М. Ткачевский и др.) *содержания*.

Методологическую основу диссертации составляют положения всеобщего диалектического метода познания процессов и явлений окружающей действительности. При подготовке диссертации также использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, классификация, системный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, правового моделирования, статистический, документальный, экспертных оценок и др.) исследовательские методы.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разработке и аргументации концепции уголовно-правовых привилегий, включающей в себя обобщение исторического опыта нормативной фиксации уголовно-правовых привилегий, раскрытие признаков и формулировку дефиниции уголовно-правовых привилегий, их классификацию и типизацию, обоснование правовой природы привилегий и условий их соответствия конституционно-правовым началам и уголовно-правовым принципам. С опорой на данные теоретические выводы и положения сформирован новый научный подход к пониманию уголовно-правовых предписаний, устанавливающих привилегии для лиц, совершивших преступления, и аргументированы предложения по совершенствованию практики их нормативного закрепления.

Научная новизна диссертации определяется также **положениями, выносимыми на защиту**, которые сформулированы на основе результатов проведенного диссертационного исследования:

1. Развитие отечественного уголовного законодательства определялось, среди прочего, значимым диалектическим противоречием между потребностью в построении лично-ориентированной системы мер уголовно-правового воздействия и необходимостью соблюдения принципа равенства граждан перед законом. Такое противоречие со временем обусловило корректировку механизма предоставления уголовно-правовых

привилегий – от индивидуализации наказания в суде к дифференциации уголовной ответственности непосредственно в законе. В содержательном отношении привилегии менялись в соответствии с взглядом государства на человека и его достоинство: преференции, обусловленные исключительно сословно-классовой принадлежностью, были элиминированы, а их место заняли факторы, связанные исключительно с личностными особенностями правонарушителя.

2. Привилегии в уголовном праве имеют следующую отраслевую специфику:

- привилегии содержательно больше связаны с личностью виновного, нежели с совершенным преступлением, они не дифференцируют основания уголовной ответственности, не входят в число признаков состава преступления, а направлены на дальнейшую дифференциацию содержания, формы и объема уже установленной уголовным законом ответственности;

- привилегии сопровождают весь процесс реализации уголовной ответственности и находят свое выражение в дифференциации ответственности, не отражаясь на наказании, а также в дифференциации самого уголовного наказания;

- привилегии корректируют правовой статус лица, который выступает субъектом уголовно-правовых отношений и который совершил преступное деяние, они не могут создавать преференций по сравнению с положением лиц, не совершавших преступлений, и облегчают положение виновного лишь в сравнении с «ординарным» субъектом, совершившим аналогичное преступление;

- привилегии могут и должны фиксироваться далеко не во всех источниках уголовного права, но лишь в Уголовном кодексе РФ, Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах РФ;

- привилегии в уголовном праве имеют материально-правовое содержание, они изменяют содержание, форму, объем уголовной

ответственности, но не дают гарантий от нее самой, отличаясь тем самым от иммунитетов.

3. Привилегия в уголовном праве – это установленное в уголовном законе или правовых источниках более высокого уровня юридическое средство дифференциации содержания и формы уголовной ответственности, направленное на уменьшение объема и интенсивности правоограничений и обязанностей либо предоставление некоторых дополнительных прав и преимуществ лицу, совершившему преступление, продиктованное гуманистическими или утилитарными соображениями в интересах сбалансированного удовлетворения интересов личности, общества и государства.

4. Уголовно-правовые привилегии выполняют компенсаторную и стимулирующую функции. Компенсаторная функция позволяет облегчить переживание тягот и бремени уголовной ответственности лицами, обладающими теми или иными свойствами, в силу которых эти тяготы переживаются особенно тяжело. Стимулирующая функция проявляется в достижении задач уголовного права посредством «обмена» желаемого позитивного постпреступного поведения виновного на сокращенный объем уголовно-правовых последствий.

5. Привилегии в уголовном праве, будучи по своей природе исключительно правовыми образованиями, не противоречат принципу равенства не только в его ограничительной отраслевой трактовке, но и в общетеоретическом понимании. Они ориентированы на то, чтобы обеспечить равенство в социально-психологическом восприятии ответственности неравными субъектами, а также чтобы стимулировать субъектов к социально полезной деятельности. В этом отношении привилегии компенсируют и неравные возможности в переживании бремени ответственности, и усилия, затраченные виновным лицом на достижение социально полезного результата.

6. Классификация привилегий в уголовном праве может быть проведена в зависимости от: уровня нормативного акта, в котором они установлены; степени конкретизации уголовно-правового содержания; основного метода регулирования; предмета регулирования, на который направлены привилегии; формы реализации; субъектов, на которых распространяются привилегии; характера применения; продолжительности действия; основной функции.

7. Привилегированные предписания в уголовном праве всегда являются исключительными, но по характеру действия должны быть классифицированы на специальные и дополнительные. Такая градация непосредственно отображается в механизме правового регулирования: специальные нормы обладают приоритетом по отношению к общим и применяются вместо них, тогда как дополнительные привилегированные предписания применяются вместе с общими. Отсюда – специальные нормы привилегированного содержания всегда императивны, а объем судебного усмотрения в их применении сведен к минимуму; дополнительные предписания применяются в большинстве случаев в зависимости от конкретной ситуации, и область дискреции правоприменителя здесь относительно высока.

8. Соблюдение конституционных требований объективности, целесообразности и соразмерности привилегий предполагает необходимость корректировки действующих уголовно-правовых предписаний в направлении унификации условий предоставления льгот в идентичных ситуациях, разграничения оснований предоставления различных льгот, устранения различий в субъектах предоставления привилегий.

9. Основные направления совершенствования уголовного закона, базирующиеся на сформулированных теоретических положениях о понятии и сущности уголовно-правовых привилегий, могут быть представлены следующим образом:

- при регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы необходимо дифференцировать в зависимости от возраста несовершеннолетнего лица;

- положение части второй статьи 88 УК РФ о возможности уплаты штрафа родителями несовершеннолетнего исключить;

- установить возможность помещения подростка в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа не только в порядке освобождения от наказания при его назначении, но и в порядке освобождения от его отбывания, в том числе в процессе такого отбывания, при этом отказаться от такого условия, как предварительное назначение наказания в виде лишения свободы, и предусмотреть механизм замены пребывания в учреждении всеми или большей частью видов наказаний, предусмотренных для несовершеннолетних;

- привилегии для несовершеннолетних дополнить механизмом возможной отмены в случае, когда уровень развития несовершеннолетнего превосходит формальные возрастные характеристики,

- молодежный возраст (от 18 до 24 лет) признать самостоятельным привилегирующим основанием и дополнить закон главой, устанавливающей виды и содержание мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам молодежного возраста;

- закрепить правило о возможности исключать ответственность лиц пожилого возраста (старше 70 лет), которые в силу личностных изменений, не связанных с психическим расстройством, не могли во время совершения общественно опасного деяния осознавать характер и степень общественной опасности своих действий (бездействия) либо руководить ими;

- исключить ограничения, связанные с неназначением лицам, достигшим 65-летнего возраста, наказания в виде пожизненного лишения свободы и одновременно с этим предусмотреть возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания лиц старше 75 лет, даже

если не выполнено условие о фактическом отбытии определенной части наказания;

- предусмотреть механизм назначения беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, «исключенных» для них видов наказаний (обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ) при наличии согласия самой женщины, исключить запрет на применение к женщинам пожизненного лишения свободы;

- унифицировать правовые последствия обнаружения у лица тяжелой болезни на момент совершения им преступления и после его осуждения, исключить императивный характер освобождения от наказания больных военнослужащих;

- распространить механизм лечения, установленный в статье 82¹ УК РФ, на всех лиц, больных наркоманией или токсикоманией, совершивших преступления небольшой или средней тяжести;

- статью 76¹ УК РФ исключить, статью 76 УК РФ дополнить частью второй следующего содержания: «В случае если при совершении преступления причиняется вред исключительно интересам общества или государства, освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным частью первой настоящей статьи, не допускается»;

- в примечании к статье 127¹ УК РФ условие в виде содействия раскрытию преступления исключить, в примечаниях к статьям 205⁵, 282¹, 282² УК РФ указать такое условие, как добровольное сообщение в орган, уполномоченный на возбуждение уголовного дела, о факте участия в прошлом в преступной группе, в примечаниях к статьям 204, 210, 228, 228³, 291, 291¹ УК РФ исключить оценочный признак «активность» в характеристике содействия раскрытию преступления.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработанные нами положения о понятии, сущности, основаниях, функциях, видах и содержании уголовно-правовых привилегий, предоставляемых лицам, совершившим преступления, развивают учение об уголовной

ответственности, а также могут составить основу дальнейших научных исследований проблем установления и реализации привилегий в уголовном праве.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в практике совершенствования нормативно-правовой основы дифференциации уголовной ответственности и уголовного наказания; в деятельности по применению уголовно-правовых норм о назначении наказания, а также об освобождении от уголовной ответственности и от уголовного наказания; в процессе преподавания курса уголовного права студентам, курсантам и слушателям юридических вузов и факультетов (институтов).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы докладывались на заседании кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, становились предметом обсуждения на 4 научно-практических форумах: круглом столе «Современные тенденции развития российского уголовного законодательства» (Москва, Академия Генеральной прокуратуры РФ, 10 июня 2014 г.); VI научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых» (Москва, Академия Генеральной прокуратуры РФ, 27 июня 2014 г.); международной научно-практической конференции «Уголовно-правовое воздействие: проблемы понимания и реализации» (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 29 сентября 2014 г.), II Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Москва, Российский государственный университет правосудия, 22 октября 2014 г.).

Выводы и положения диссертации опубликованы в 9 научных работах, в том числе в 4 статьях, размещенных в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных положений диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Результаты диссертационного исследования используются в учебном процессе Саратовской государственной юридической академии, а также внедрены в деятельность органов прокуратуры и правосудия Республики Дагестан, что подтверждается соответствующими актами внедрения.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава 1. ПОНЯТИЕ ПРИВИЛЕГИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

§ 1. Зарождение и развитие привилегий в отечественном уголовном праве

С момента своего появления исторический метод познания права прочно вошел в методологический арсенал изучения уголовного законодательства. Он стал одновременно и предшественником, и необходимым важным дополнением аналитического или формально-логического метода, позволяющего более или менее полно уяснить актуальное состояние уголовного закона. Однако, как верно отмечал ирландский юрист и политик Р.Р. Черри: «Аналитический метод исследования имеет много важных пробелов, и тот, кто придерживается исключительно его, редко или никогда не станет действительно знающим юристом: закон является скорее искусством, нежели наукой, и юрист нуждается более в знании тех способов, с помощью которых следует применять начала права, чем в одном только поверхностном знакомстве с самими этими началами. Изучение права по одним только учебникам, без знакомства с историей его, способно вызвать на практике один из крупнейших недостатков, именно поспешность обобщения»¹.

Эти слова приобретают особое звучание в современных российских условиях, когда изменения уголовного законодательства происходят порой неоправданно быстро и зачастую под давлением или в ответ на конкретные обстоятельства жизни. Уголовное законодательство (и это звучит рефреном во многих сегодняшних публикациях) становится хаотичным и «точечным». В такой ситуации именно исторический метод познания дает уникальную возможность выяснить истоки того или иного уголовно-правового предписания (причем не только собственно правовые, но также политические, социальные, международные и т.д.), исследовать его аналоги в

¹ Черри Р.Р. Развитие карательной власти в древних общинах: пер. с англ. / предисл. и примеч. П.И. Люблинского. – 2 изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 12.

прошлом, определить роль и назначение, смысл включения в систему отрасли, прогнозировать желаемые социальные результаты и последствия реализации. Исторический метод позволяет до известной степени обособленно от конкретного содержания динамичных уголовно-правовых норм выявить некую общую схему или, как писал Р.Р. Черри, способ или принцип действия права в той или иной жизненной ситуации². Именно этот принцип может стать руководством к познанию и практическому применению существующих уголовно-правовых норм, именно он может стать основой для оценки их актуального содержания и определения перспектив дальнейшего развития.

В поисках такого принципа, обобщающего в себе многочисленные положения закона, создающие привилегии и отступления от общих стандартов разрешения уголовно-правового конфликта, обратимся к содержанию письменных памятников права, сознавая, однако, что оно далеко не всегда и далеко не в полной мере отражало реальное содержание уголовно-правовых отношений и уголовно-правовой политики, как любая письменная форма далеко не всегда адекватно отражает содержание права.

Анализ первых памятников русского права показывает, что уголовное право как таковое, выражая равный масштаб ответственности для объективно неравных людей, тем не менее, с первых моментов своей истории не было лишено идеи смягчения этой ответственности для некоторых категорий лиц. Так, например, уже Договор Руси с Византией 911 г. в ст. 5 предусматривал правило о смягчении имущественных наказаний для лиц с малым достатком: «Если (кто) ударит мечом или побьет (кого) каким-либо орудием, то за тот удар или избиение пусть даст 5 литров серебра по обычаю русскому. Если же совершивший это окажется неимущим, то пусть даст сколько может вплоть до того, что даже снимет с себя те самые одежды, в которых ходит, а (что касается) недостающего, то пусть присягнет согласно своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть судебное преследование с целью взыскания (с

² См.: Там же. С. 12.

него) штрафа на этом кончается»³. Это же правило повторялось в ст. 14 русско-византийского Договора 944 г.

Объективно эти предписания содержат в себе некоторые «послабления» в ответственности лиц, не обладающих имуществом, достаточным для уплаты штрафа, и гарантируют (допустимую в последующей истории) невозможность замены имущественного наказания личным (в частности, телесным). Признавая их различительный и смягчающий характер, тем не менее, вряд ли можно утверждать, что данные нормы создавали привилегию в собственном смысле этого слова. Предписания не были направлены на сознательную дифференциацию ответственности и создание ее особого режима. Они, по большому счету, определяли исход уголовно-правовых отношений при невозможности исполнения уголовного наказания. Однако сам факт установления различных правовых последствий для лиц с различным имущественным статусом представляется весьма важным.

Необходимо отметить, что анализируемые предписания были едва ли не единственными в своем роде. Древнерусское право в гораздо более значительной степени уделяло внимание дифференциации ответственности за посягательства на лиц, обладающих различным имущественным и в целом социальным статусом, то есть в зависимости от признаков потерпевшего (достаточно обратиться к ст. ст. 19–27 Краткой редакции Русской Правды⁴), при этом объем ответственности в зависимости от признаков субъекта преступления не различался. Новгородская судная грамота в ст. 10 фиксирует лишь различия в размере судной пошлины в зависимости от социально-имущественного статуса участника процесса: «Если выиграют у кого-либо процесс (по обвинению) в нападении и грабеже, то великим князьям и

³ Памятники русского права. Вып. первый: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. – С. 11–12.

⁴ См.: Памятники русского права. Вып. первый: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. – С. 83.

Великому Новгороду (следует) взыскать с осужденного 50 рублей, если он будет боярин, 20 рублей, если он будет житий (человек), и 10 рублей, если он будет бедняк; при этом (осужденный) должен возместить убытки истцу»⁵. Признавая значимость этого положения, нельзя не отметить, что пошлина в пользу князя, строго говоря, не являлась составной частью материального отношения ответственности, носила в большей степени процессуальный характер. В ее основе – не обычные представления о сути, основаниях, содержании кары и ответственности, а волевое решение публичной власти, имеющее иные социально-политические, психологические, экономические предпосылки.

Специфически неравновесная дифференциация ответственности наблюдалась и при решении некоторых иных вопросов уголовно-правового регулирования. Так, уголовное законодательство Древней и Средневековой Руси практически не содержит предписаний, определяющих нормы ответственности женщин. Об этом можно делать лишь предположительные суждения⁶. В Новгородской судной грамоте, к примеру, содержится указание на неполноценный статус женщины как участницы процессуальных отношений, которая имела право приносить присягу в судебном деле лишь в крайнем случае и в особых внешних условиях: «Если у кого-либо будет тяжба со вдовой знатного человека или житего, у которой есть сын, то ее сыну (следует) хотя бы однажды присягнуть в верности этим законам за себя и за свою мать; если сын не присягнет за (свою) мать, то матери один раз присягнуть у себя дома в присутствии (другой) тяжущейся стороны и перед

⁵ Памятники русского права. Вып. второй: Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – С. 220.

⁶ Специальные исследования показывают, что большинство уголовно-правовых норм были и остаются гендерно-нейтральными. Но при этом специалисты отмечают наличие в истории права некоторой асимметрии, характер и интенсивность которой на разных этапах эволюции уголовного законодательства были неоднородными. В целом же процесс изменения отношения законодателя к женщине шел в направлении «от жестокой дискриминации до предоставления привилегий». – См.: Сергеева Е.Ю. Уголовная ответственность и наказание женщин по российскому законодательству: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 19.

новгородскими приставами» (ст. 16)⁷. Учитывая объективные возможности и социальный статус женщины, в качестве исключения из правил, установленных для мужчин, ей предоставлялась возможность выставить вместо себя «наймита» (специальное наемное лицо) для участия в судебных ордалиях и поединках в качестве истца или ответчика. Это было допустимо в тех случаях, когда интересы женщины не мог представлять ее отец или муж. Псковская судная грамота в ст. 119 делает лишь одно исключение: «В тяжбах между женщинами (следует) присуждать поединок, причем ни одна из них не может выставлять вместо себя наймита»⁸. Комментируя данное положение, Н.А. Семидеркин пишет, что «очевидно, граждане Пскова не желали лишать себя столь любопытного зрелища, как поединок двух женщин»⁹. Вряд ли смысл и основание нормы именно в этом. Вероятнее всего, анализируемое предписание было обусловлено специфическими представлениями о равенстве женщин: в суде они равны между собой, но далеко не равны мужчинам. В подтверждение – известное положение древнерусского уголовного права об установлении за убийство женщины вдвое пониженной, по сравнению с убийством мужчины, ставки штрафа (ст. 88 Пространной редакции Русской Правды).

Весьма схожая ситуация складывалась и в области ответственности малолетних. Не признавая их полноценными участниками процессуальных отношений¹⁰, древнерусское законодательство, тем не менее, не выработало специальных норм, устанавливающих льготы и привилегии для них в

⁷ Памятники русского права. Вып. второй: Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – С. 221.

⁸ Памятники русского права. Вып. второй: Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – С. 324.

⁹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 386.

¹⁰ В подтверждение тому – статья 58 Псковской судной грамоты, согласно которой «На суде присутствие лиц, помогающих сторонам вести процесс, не допускается; в помещение суда допускаются только тяжущиеся; ни одной из сторон не (следует) выставлять вместо себя ходатаев, кроме женщин, подростка, монаха или монахини, очень старого или глухого человека, вместо которых (могут) выступать (в суде) ходатаи».

реализации уголовной ответственности. Как пишет М.Ф. Владимирский-Буданов, «отсюда нельзя, однако, заключить, что уголовные взыскания применялись одинаково и к малолетним всякого возраста»¹¹. Смягчение их ответственности было вполне возможно, но оно зависело, скорее, от конкретных обстоятельств совершенного преступления и личности виновного, нежели выступало в качестве общей нормы¹².

Совершенно особая ситуация наблюдается при исследовании уголовно-правовых норм древнерусского права, посвященных ответственности зависимого населения (холопов). В ст. 17 Краткой редакции Русской Правды сказано: «Если холоп ударит свободного человека и убежит в хоромы, а господин не захочет его выдать, то господину холопа забрать себе и заплатить за него 12 гривен». Еще более ясно мысль выражена в статье 46 Пространной редакции Русской Правды: «Если окажутся холопы ворами – княжеские, боярские или церковные, – то их князь штрафом не наказывает, поскольку они не свободны, но пусть их хозяин платит вдвойне вознаграждение потерпевшему истцу»¹³. Цитируемые нормы, на первый взгляд, создают ощущение безнаказанности холопов за совершенные им преступления и проступки. Однако Т.Е. Новицкая верно и аргументированно объясняет эти предписания: «холоп не субъект права – за свои действия он не отвечает и отвечать не может, поскольку имущественные санкции к нему даже и применить нельзя, т.к. он не имеет собственности. За холопа отвечает его господин»¹⁴. Это, конечно, не исключало личной ответственности холопа перед своим господином и, кроме того, не исключало возможности осуществления частной мести в отношении холопа. Таким образом, он

¹¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 312.

¹² См. об этом подробнее: Пудовочкин Ю.Е. Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты. – М.: Изд-во «Глобус», 2001. – С. 37.

¹³ Памятники русского права. Вып. первый: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. – С. 126.

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 57.

являлся особым субъектом ответственности, изъятым в некотором отношении от подсудности государственной власти.

Изложенные примеры установления и неустановления различий в ответственности отдельных категорий средневекового населения России позволяют выявить вполне определенную закономерность, восходящую к началам социально-исторической обусловленности любого законодательства. *Сознательная дифференциация ответственности, основанная на использовании признаков и критериев, раскрывающих те или иные аспекты характеристики личности (в том числе установление привилегированных режимов уголовной ответственности), становится потенциально возможной лишь при определенном, сложившемся и устойчивом отношении к личности – прежде всего в общесоциальной, а затем и в правовой сфере.* Древнерусское же право отражало структуру социальных отношений, связей и ролей, сложившихся в обществе IX–XIV вв., для которого общим правилом и нормой было строгое ранжирование и фиксация неравновесных социальных статусов личности. И поскольку уголовная ответственность есть ответственность социальная, она могла быть элементом правового статуса лишь полноценного члена общества, которым признавался, прежде всего, а точнее исключительно, взрослый и лично свободный мужчина. Он – главный член семьи, общины и государства, следовательно, он – главный субъект правоотношений и главный субъект ответственности. Причем он несет ответственность не только за свои личные поступки, но и за поведение лиц, находящихся под его властью и контролем (слуги, домочадцы и т.д.)¹⁵. В крайних случаях, когда личная ответственность главы семьи была по каким-

¹⁵ Как свидетельствуют историки, вплоть до XVII столетия в России имела место коллективная ответственность, при которой реальный правонарушитель мог оказаться безнаказанным, тогда как бремя ответственности перекладывалось на общину, семью или родителей. Лишь в 1782 г. закон отменил ответственность родителей и детей друг за друга, а принцип личной ответственности окончательно утвердился в уголовном праве лишь в 1803 г. – См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – В 2 т. Т. 2. – 2 изд., испр. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 17.

либо причинам невозможной, в уголовно-правовых и процессуальных отношениях требовалось участие лиц, не обладающих равным правовым статусом, что в свою очередь, предполагало создание для них некоторых специальных правил, в том числе льготного характера. Однако создание этих правил в некоторой степени встречало сопротивление в виде противоборства, с одной стороны, объективно необходимой для правового регулирования, но социально-психологически сложно воспринимаемой идеи равенства и личной ответственности, а с другой – жесткой стратификации общества, которая отражала и твердо фиксировала реальные и мнимые различия в социальных ролях и несвободу значительной части населения, для которой собственно и требовались некоторые отступления от общих правил ответственности.

Неспособность создать механизм привилегий в реализации ответственности представителей отдельных социальных групп компенсировалась в древнерусском праве тремя возможностями:

а) индивидуализацией ответственности по принципу *ad hoc*, то есть в каждом конкретном случае в зависимости от особенностей личности виновного и обстоятельств содеянного;

б) «переносом» ответственности на иных лиц, обладающих полноценным правовым, имущественным, социальным статусом;

в) возложением бремени ответственности на общину, то есть на коллективного субъекта.

Представляется, что до определенной степени компенсации такого рода позволяли древнему обществу решать задачи совмещения, на первый взгляд, сложно совместимых идей и концепций: неравновесного социально-правового статуса личности и равенства личной ответственности, а также равенства ответственности и необходимости ее дифференциации на началах справедливости. Однако в условиях средневековой социальной структуры продвинуться дальше было вряд ли возможно. Это были одновременно и

вершина, и предел русского уголовного права IX–XIV столетий в части создания привилегий.

Значительным компонентом рассматриваемой системы, во многом определяющим отношение уголовного права к привилегиям, была также господствующая концепция уголовного наказания. Очевидно, что она не была официально объявлена и теоретически обоснована, ее воссоздание и теоретическое моделирование – результат многочисленных исследований и обобщений¹⁶. Они же убедительно доказывают, что концепция эта носила так называемый абсолютный характер и оправдывала сам факт наказания, его содержание и размер необходимостью удовлетворения элементарных начал справедливости, при которой наказание становилось неизбежной реакцией, имеющей характер возмездия и вознаграждения. Основание наказания и его содержание коренилось исключительно в преступлении – «обиде», личность обидчика при этом имела второстепенное значение. В любом случае наказание не преследовало каких-либо утилитарных целей, обращенных к личности виновного. Можно говорить о том, что наказание было «лично неориентированным», поэтому личные особенности преступника были, по большому счету, безразличны для системы наказаний, что также не способствовало установлению начал дифференциации ответственности и развитию системы привилегий.

И, тем не менее, определенные предпосылки для создания норм-привилегий в уголовном праве древнерусского государства были сделаны. Их последующее развитие можно наблюдать уже в иную эпоху и в иных нормативных памятниках.

Важно отметить, что развитие это никогда не было линейным. Оно всегда определялось соотношением, с одной стороны, идей равенства и гуманизма, состоянием нравов, а с другой стороны – реальной социальной структурой общества, сословным принципом его организации. Как

¹⁶ См., напр.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – М.: Добросвет-2000, Городец, 2000. – С. 56; Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений Древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 214.

следствие, в характеристике уголовного законодательства отражались все противоречия исторической эпохи, ее особенности и достижения.

Прежде всего, необходимо обратить внимание, что нормы о порой весьма существенных уголовно-правовых привилегиях сочетались в законе и на практике с равным и, как правило, жестким подходом к реализации ответственности. Весьма показательны в этом отношении ст. ст. 15 и 16 Уставной книги Разбойного приказа 1616–1617 гг. (такие книги, как известно, служили дополнением к Судебнику 1550 года и отражали, если так допустимо выразиться, текущее казуальное уголовное нормотворчество). В ст. 15 указано: «А про самих дворян, и приказных людей, и про детей боярских в уставной книге имянно не написано, и от иных воров ничем не отведены». И следующая норма: «...и тех дворян, или приказных людей, и детей боярских самих пытать и указ им чинити по тому же, как и иным вором, хто до чего доведетца»¹⁷. Как видим, в законе было установлено единство оснований для возбуждения уголовного преследования за разбой независимо от социальной принадлежности обвиняемого. Единственное исключение состояло в том, что боярский приговор предусматривал применение к дворянам допроса под пыткой лишь после того, как донос на них будет подтвержден под пыткой их сообщниками-крестьянами. В остальном – никаких различий. Специальные исследования многократно доказывают эту особенность русского права периода Московского царства. В.И. Сергеевич пишет: «в Московском государстве не было привилегированных лиц, которые были бы освобождены от некоторых наказаний по их унизости или мучительности»¹⁸. А.А. Рожнов приводит на этот счет многочисленные свидетельства иностранцев-современников и утверждает, что русское уголовное право XVI–XVII

¹⁷ Памятники русского права. Вып. пятый: Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / под ред. Л.В. Черепнина – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – С. 192–193.

¹⁸ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред., с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – С. 295.

столетий «базировалось на принципе равенства всех перед законом и судом – «чтобы Московского Государства всяких чинов людем, от большого до меньшаго чину, суд и расправа была во всяких делех всем ровна»¹⁹.

Признавая справедливость этих свидетельств и убедительность доказательств, нельзя, тем не менее, игнорировать то очевидное обстоятельство, что законодательство по определению не могло оставаться вне контекста реальных социальных отношений. Оно не только отражало, но и стремилось закрепить существующие социальные и иные различия между людьми. Поэтому равенство, о котором говорят источники и исследователи, – это равенство лишь в одной своей ипостаси, а именно равенство оснований, но не содержания и объема уголовной ответственности. Соответствующие предписания нормативных актов по своей идее гораздо ближе к уравнивающим аспектам справедливости, нежели собственно к равенству перед законом.

Реальные различия в содержании уголовной ответственности в период XVI–XVII столетий можно наблюдать на примере нормативных предписаний, определяющих ответственность представителей различных социальных групп за однотипные преступления. Внимательный анализ показывает, что применительно к исследуемой сфере уголовно-правового регулирования различия эти диктовались, как минимум, тремя группами обстоятельств.

Прежде всего, стоит отметить отчетливо выраженные в законе начала патриархальности русского общества. Ярким подтверждением различия ответственности в данном случае могут служить нормы Соборного Уложения 1649 г., которые существенным образом смягчают наказание родителей за убийство детей и ответственность господ за убийство подвластных им людей. Некоторые специалисты усматривают в этом отражение уголовно-правовых привилегий. В частности, комментируя Уложение, С.И. Штамм

¹⁹ Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 367.

замечает: «Отражая принципы феодального права – права привилегии, статьи 1–9 закрепляют неограниченное право отца и матери по отношению к детям и господина к зависимому от него человеку, полное бесправие и подчиненность детей по отношению к родителям и зависимых по отношению к господину. Так, если убийство отца или матери влекло за собой смертную казнь «безо всякия пощады», как для непосредственных виновников – сына или дочери, так и для тех, «которые с ними такое дело учинят» (ст. 1–2), то убийство сына или дочери влекло для родителей лишь тюремное заключение на год, а по отбытии – церковное покаяние (ст. 3)»²⁰. Представляется все же, что тезис о привилегиях в рассматриваемых статьях может быть оспорен. Смягчение ответственности, как представляется, было обусловлено не столько статусом виновного лица (родитель, господин), сколько системой отношений «преступник – потерпевший», особым, зависимым положением потерпевшего. Убийство детей, с одной стороны (причем их убийство только родителями, но никем иным), и убийство родителей или господ рассматривались законодателем как вполне самостоятельные преступления, различающиеся характером и степенью общественной опасности (в первом случае вред причинялся только жизни человека, причем убийство зачастую рассматривалось как превышение воспитательной власти или злоупотребление воспитательными обязанностями; во втором случае убийство посягало также на дополнительный объект – иерархические отношения). Поэтому, строго говоря, данные статьи Уложения отражают не представление привилегий родителям и господам, а дифференциацию ответственности в зависимости от опасности преступления. Последующая история привела к переоценке опасности этих убийств, и соответствующие положения закона были элиминированы.

Вторая группа обстоятельств, в связи с которыми проводится различие ответственности, имеет гораздо более тесное отношение к

²⁰ Памятники русского права. Вып. шестой: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – С. 434–435.

привилегиям. Они связаны с социальным и должностным статусом виновного лица. Так, уже Боярский приговор 17 февраля 1625 г. об ответственности за неумышленное убийство различал наказания в зависимости от социального статуса преступника: зависимые лица, виновные в причинении смерти по неосторожности, передавались от своего хозяина хозяину потерпевшего, свободные лица в аналогичной ситуации не могли быть обращены в холопы²¹.

Еще более рельефно мысль выражена в ст. ст. 3, 4 и 5 Судебника 1550 г., где особо оговаривается ответственность за нарушение служебных обязанностей высшими и низшими чинами правительственной администрации из корыстных соображений. В соответствии со статьей 3 «боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду, а обыщетца то в правду, и на том ... взята исцев иск, а пошлины ... взяти втрое, а в пене что государь укажет». Согласно статье 4: «А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, ... а обыщетца то в правду, что он от того посул взял, и на том дьяке взяти перед боярином вполы да вкинути его в тюрьму». И, наконец, согласно статье 5: «А подьячей, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казни торгового казнью, бити кнутьем»²². В этих предписаниях уже отчетливо находит свое выражение принцип права привилегии. Подьячий - «лихоимец» карается более позорным наказанием, чем совершивший подобное преступление дьяк; дьяк несет вполне определенную личную ответственность в виде тюремного заключения, тогда как для представителей верхушки государственного аппарата четко определены лишь меры финансового характера (в остальном – «что государь укажет»).

²¹ См.: Памятники русского права. Вып. пятый: Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – С. 204.

²² Памятники русского права. Вып. четвертый: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – С. 233.

Явственно привилегированное положение представителей высших слоев социальной и служебной иерархии представлено и в более позднем памятнике – Артикуле воинском Петра I. Согласно положениям артикула 10: «Если офицер без важной причины при молитве присутствен не будет, тогда надлежит за каждую небытность по полтине штрафу с него в шпиталь брать, а рядового в первые и вдругорядь ношением ружья, а в третие заключением в железа на сутки наказать»²³.

Именно этот путь – путь создания различий в ответственности лиц, занимающих различное социальное положение – станет основой для формирования особой разновидности уголовно-правовых привилегий, а именно привилегий сословных. Однако в завершенном виде эти привилегии можно будет наблюдать чуть позже, в XVIII столетии, когда процесс юридического оформления сословий станет явственным и завершенным.

В период Московского царства мы встречаем зарождение еще одной, третьей по счету, группы привилегированных предписаний, которые, как представляется, были продиктованы совершенно иными предпосылками, а именно укреплением гуманистических начал в регулировании общественных и уголовно-правовых отношений. Так, в ст. 15 Главы XXI Соборного Уложения читаем: «А которая женка приговорена будет к смертной казни, а в те поры она будет беременна; и тоя женки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ее в те поры, как она родит, а до тех мест держати ее в тюрьме: или за крепкими приставами, чтобы она не ушла»²⁴. Создание механизма отсрочки применения смертной казни в отношении беременных женщин вполне может рассматриваться как начало многих последующих мероприятий, направленных на создание системы привилегий и льгот в реализации уголовной ответственности. В этой же плоскости расположены

²³ Памятники русского права. Вып. восьмой: Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. – С. 323.

²⁴ Памятники русского права. Вып. шестой: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – С. 432.

правила, согласно которым к женщине, совершившей преступление, не применялась ссылка (тогда как в случае совершения преступления мужчиной, он подлежал ссылке, а жена с детьми следовали вместе с ним²⁵), а при исполнении наказания в виде торговой казни число ударов кнутом сокращалось, как свидетельствуют источники, с 20-26 до 16²⁶. Продиктованные гуманистическими соображениями и идеей целесообразности, подобные правила в рассматриваемый период находились в «зачаточном» состоянии, но именно они во многом станут основой современной практики дифференциации уголовной ответственности и создания механизма уголовно-правовых привилегий.

Оценивая в целом уголовное законодательство периода Московского царства, можно отчетливо наблюдать *оформление двух основных направлений конструирования привилегий в уголовном праве: одно основано на использовании социально-ролевой, статусной характеристики виновного, второе продиктовано гуманистическими соображениями. В первом случае привилегия изначально и априори распространялась на некоторую группу людей, а отсюда – и на всех, кто к этой группе принадлежал. Вторая ситуация имела обратный порядок и формирования, и реализации: привилегия предоставлялась конкретному лицу и в обобщенном виде распространялась на всех лиц, обладающих соответствующими признаками и характеристиками.*

Эти два направления, начиная с XVIII столетия, сосуществовали и развивались параллельно. Однако принимая во внимание их социально-политическое значение, вполне можно утверждать: на первых порах приоритет оставался за социально-статусными привилегиями, что было связано с укреплением сословной стратификации общества, тогда как в XIX

²⁵ См.: Памятники русского права. Вып. седьмой: Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – С. 443.

²⁶ См.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1986. – С. 194.

в. и позже на смену сословным привилегиям приходят послабления гуманистического и утилитарного характера.

Правовое оформление статуса сословий в российском обществе происходит постепенно, на протяжении нескольких веков. Но, пожалуй, в наиболее зрелом, совершенном и законченном виде статус сословий можно наблюдать по законодательству времен Екатерины II. В сфере уголовного права сословные различия населения находили свое выражение, в первую очередь, в подсудности уголовных дел, особенностях вынесения и утверждения приговора²⁷, а также в особенностях применения некоторых видов уголовных наказаний. Разумеется, уголовно-правовые привилегии создавались лишь для представителей так называемых привилегированных и полупривилегированных сословий. В обмен на службу всем членам таких сословий, независимо от происхождения, были обещаны гарантированные законом преимущества в области гражданского и уголовного права, необходимые для поддержки профессиональной годности, рентабельности их хозяйства и повышения значимости в глазах низших сословий²⁸.

Так, Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. («Жалованная грамота дворянству») устанавливала для дворян в качестве сословных льгот:

- изъятие из сферы телесных наказаний (статья 16: «Телесное наказание да не коснется до благородного»);

- лишение прав состояния только на основании приговора за совершенные преступления (ст. ст. 5, 6: «Да не лишится дворянин или дворянка дворянского достоинства, буде сами себя не лишили онаго

²⁷ К примеру, приговор суда по делу любого дворянина обязательно подлежал рассмотрению в Сенате (высшей судебной инстанции Империи), причем приговор обвинительный вступал в законную силу только после его утверждения императрицей, которая могла освободить дворянина от наказания независимо от тяжести совершенного им преступления.

²⁸ Соколова Е.С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированного и полупривилегированных сословий (середина XVII – середина XIX веков): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1995. – С. 13.

преступлением, основаниям дворянского достоинства противным. Преступления, основания дворянского достоинства разрушающая и противная, суть следующие: 1. Нарушение клятвы. 2. Измена. 3. Разбой. 4. Воровство всякого рода. 5. Лживыя поступки. 6. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7. Буде доказано будет, что других уговаривал или научал подобныя преступления учинить»²⁹);

- установление срока давности в десять лет за совершенные преступления (ст. 14); подобная норма Общей части уголовного права устанавливалась как своеобразная привилегия и не распространялась на другие сословия, причем срок давности не зависел от тяжести совершенных деяний.

Аналогичные привилегии устанавливались и для зажиточных представителей торгового сословия (купцов). Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. («Жалованная грамота городам») провозглашала освобождение купцов первой и второй гильдий от телесных наказаний (ст. ст. 107, 113) и десятилетний срок давности по совершенным ими преступлениям независимо от тяжести последних (ст. 89)³⁰.

К привилегированным сословиям относилось и духовенство. Несмотря на то, что еще со времен Древней Руси церковные уставы великих князей четко разграничивали подсудность лиц светского и духовного сословий, в большинстве случаев освобождая представителей духовенства от гражданского суда, православное духовенство долгое время не пользовалось почти никакими привилегиями, потому что вплоть до начала XVIII в. причислялось к неинтеллигентным классам. Поэтому указания на какие-либо исключительные права духовенства в России можно находить не в XI–XII

²⁹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 27.

³⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 93–94.

вв., а только в первой половине XVIII столетия³¹. В частности, для повышения нравственного авторитета духовенства среди паствы законодатель закрепил за монашествующими и священнослужителями «дворянские» преимущества личного характера в сфере уголовного права (от телесных наказаний священники были освобождены в 1796 г.).

Сословные привилегии в сфере уголовного права сохранялись значительный промежуток времени и окончательно были отменены лишь с октябрьской революцией 1917 г.³² Важно отметить, что предписания о сословных привилегиях формулировались законодателем в нормативных актах, которые с отраслевой точки зрения были гораздо ближе к конституционным или административно-правовым. Собственно в уголовном законодательстве они не фиксировались, очевидно, по причине того, что не имели уголовно-правовой природы и не были ориентированы или предназначены для решения отраслевых задач уголовного права. Это привилегии, которые привносились в уголовное право извне и обуславливались общей социально-политической характеристикой российского государства и общества. Они выступали элементом общеправового статуса личности представителя того или иного сословия и, будучи неотъемлемой частью этого статуса, сохранялись неизменными в сфере уголовно-правовых отношений.

Принципиально иной характер, природу и значение имели привилегии, которые фиксировались непосредственно в уголовно-правовых актах. Это вторая из ранее выделенных групп привилегий, которые диктовались гуманистическими и утилитарными соображениями.

³¹ Керенский В.А. Духовенство как сословие: его права и привилегии [Электронный ресурс] // Богослов.ru. Научно-богословский портал. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1079223.html> (дата обращения: 01.08.2014).

³² Предусмотренные екатерининским законодательством изъятия привилегированных сословий от телесных наказаний были уничтожены при Павле и такие наказания стали общими для всех. Однако уже при Александре I эти привилегии были восстановлены. – См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев: Типо-литография И.И. Чоколова, 1903. – С. 262.

Так, начиная с XVIII столетия, активно развивалась группа норм, создающих привилегированное положение несовершеннолетних в сфере уголовного права. Еще в толковании к 195 артикулу Петр I установил возможность замены публичного наказания несовершеннолетних мерами родительского воспитания и указал, что «наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма отставляется, ежели ... вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть»³³. Большой шаг вперед в развитии ювенальных норм уголовного права был сделан при Елизавете Петровне, когда на основании Сенатского Указа от 23 августа 1742 г. впервые в России была создана весьма совершенная для своего времени система мер дифференциации уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия, в зависимости от тяжести совершенного преступления³⁴; а также при Екатерине II, когда Указ от 26 июня 1765 г. «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и о различии наказания по степени возраста преступника» продолжил эту линию развития уголовного законодательства³⁵.

Гуманистические и сугубо утилитарные начала прослеживаются в стремлении законодателя и в отношении взрослых лиц, по возможности, заменить жестокие и не приносящие пользу государству наказания более «совершенными». К примеру, Указ от 17 ноября 1680 г. утверждал «о нечинении вора за две татьбы казни – отсечения рук, ног, пальцев и ссылке их вместо того в Сибирь на пашню с женами и детьми»; Указом от 03 октября 1703 г. предписывалось «баб и девок», которые смертной казни не будут подлежать, «посылать в прядильный двор», либо в частные кампании – полотняные или мануфактурные заводы, с указанием «сколько которой лет в

³³ Памятники русского права. Вып. восьмой: Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. – С. 365.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1830. – Т. 11, ст. 8601.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1830. – Т. 17, ст. 12424.

той работе быть или по смерти»³⁶. Меры такого рода изначально мыслились как исключения из общего правила и привилегии. Однако очень скоро замена смертной казни и телесных наказаний ссылкой и принудительными работами приобрела характер общей нормы. «В XVI веке, – пишет С.В. Познышев, – ссылка далеко не влекла за собою того тяжелого и несправного положения, которое соединялось с ней позднее. ... Ссылка Московского периода, в общем, принесла некоторую пользу государству, которое нуждалось в колонизации и укреплении окраин, в усилении там русского влияния. ... Заняв довольно видное место в карательной практике России XVII в., ссылка, в известной степени, способствовала сокращению объема применения смертной казни и наиболее жестоких телесных наказаний»³⁷.

Утилитарные соображения в уголовно-правовой сфере определялись не только общегосударственными задачами пополнения казны, освоения новых земель и использования дешевого труда. Утилитаризм диктовался и сугубо уголовно-правовыми предпосылками. Подспудно и неявно, но в уголовном законодательстве формировался принцип экономии уголовной репрессии и «бережного расходования» уголовного наказания. В рассматриваемую эпоху это находило свое выражение, прежде всего, в развитии системы мер уголовно-правового реагирования на позитивное постпреступное поведение виновных. Действия по урегулированию возникшего правового конфликта и возмещению вреда, содействие правосудию – все это объективно вызывало к жизни некоторые предписания, отличные от стандартных правил разрешения уголовно-правовой ситуации, причем предписания именно привилегированные, направленные на смягчение положения виновных лиц. В частности, с XV века в законодательстве фиксируется тенденция, а затем и устойчивая практика освобождения от уголовного наказания в случае

³⁶ См.: Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. – С. 202, 208.

³⁷ Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. – М: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1908. – С. 56.

примирения виновного с потерпевшим³⁸ (статьи 4, 5 Судебника 1497 г.³⁹, статьи 9, 10 Судебника 1550 г.⁴⁰); со второй половины XVII в. вполне отчетливо действует принцип уменьшения наказания при явке с повинной⁴¹.

Таким образом, можно наблюдать, что к XIX столетию в русском праве были апробированы и внедрены в законодательство самые различные механизмы уголовно-правовых привилегий: сословные, гуманистические, утилитарные. Этот опыт, как известно, был обобщен, систематизирован и теоретически обработан в процессе реформирования правовой системы России в первой половине XIX века. Его итогом можно считать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁴² Анализ этого документа показывает, что предписания, которые можно отнести к разряду уголовно-правовых привилегий, были: во-первых, в определенной степени расширены; во-вторых, сведены в рамки единого кодифицированного уголовно-правового акта; в-третьих, классифицированы в несколько групп, сообразно структуре и систематике уголовного закона.

Гуманистические привилегии были представлены положениями:

- о запрете наложений клейм на лиц, достигших семидесятилетнего возраста, и женщин (ст. 28);
- о замене наказания в виде пребывания в арестантских ротах помещением в работные дома для лиц, которые «по старости, дряхлости или иным причинам» были нетрудоспособны, а также для женщин (ст. 83);

³⁸ См.: Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV – XVII вв.). – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 129.

³⁹ См.: Памятники русского права. Вып. третий: Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. Л.В. Черепнина – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. – С. 346.

⁴⁰ См.: Памятники русского права. Вып. четвертый: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – С. 235.

⁴¹ См.: Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. – С. 203.

⁴² См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845.

- о замене для женщин каторжной работы в рудниках или в крепостях работами на заводах из расчета год за полтора (ст. 75);
- о замене каторжных работ лицам, достигшим семидесятилетнего возраста, ссылкой в отдаленные местности Сибири (ст. 76);
- о ненаказуемости родственников в случае недонесения о совершенных преступлениях (ст. 134);
- о последовательной градации наказаний для малолетних и несовершеннолетних, о возможности замены наказания иными мерами воздействия (ст. ст. 142–150).

Сословные привилегии находили свое выражение в нормах:

- об изъятии некоторых категорий населения от телесных наказаний⁴³ (их перечень устанавливался приложением 1 к статье 19 Уложения 1845 г. и включал в себя, прежде всего, дворян, священнослужителей, монахов, почетных граждан, купцов первой и второй гильдий. Однако важно отметить, что контингент изъятых от телесных наказаний в Уложении был существенно расширен и включал в себя всех престарелых лиц, малолетних, лиц, имеющих определенный образовательный ценз, занимающих некоторые должности на государственной службе, и некоторых других. Тем самым собственно сословная привилегия была расширена на весьма широкий круг лиц, причем таким образом, что к 60-м годам XIX в. телесные наказания могли быть применимы едва ли не только к крестьянам. Как следствие

⁴³ Классифицируя виды наказаний по особенностям наказываемого лица, Н.С. Таганцев писал, что различие наказаний по сословному и государственному положению виновного было известно древнему миру, римскому праву, оно «красною ниткою проходит через средние века и переносится в новую историю. Великая революция, разрушая сословные привилегии, не могла не затронуть и принцип сословности наказаний, но исчезнув из французского права, это различие долго держалось в кодексах германских, а в нашем праве, в связи с телесным наказанием, просуществовало до закона 1900 г., создав совершенно своеобразный тип параллельных наказаний». Автор также отмечает, что сословные различия в уголовных наказаниях по российскому праву были все же не столь существенны («сословное различие наказуемости встречается в слабых зачатках») и сводились фактически лишь к изъятию некоторых сословий от телесных наказаний. Устранение же сословных различий шло в направлении распространения сословных привилегий на все население и общей гуманизации уголовных наказаний и карательных практик. – См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Общая часть. – В 2 т. Т. 2. – 2 изд., пересм. и доп. – СПб.: Гос. типография, 1902. – С. 959, 962.

общего развития уголовного права и гражданского общества, телесные наказания отменяются вовсе к 1903 г.);

- о различном режиме труда в местах заключения для представителей различных сословий (мещане и крестьяне могли привлекаться к работам по распоряжению начальства, тогда как представители дворянского сословия могли работать лишь по собственному желанию – ст. 58);

- об отбытии кратковременного ареста по общему правилу в тюрьме или специальных помещениях при полиции и о возможности отбытия этого наказания дворянами по месту жительства (ст. ст. 59, 60);

- о возможности замены для священнослужителей пребывания в местах временного заключения отсылкой к епархиальному начальству для исправления (ст. 91);

- о возможности смягчения наказания для лиц нехристианского вероисповедания, принявших православную веру во время следствия или суда (ст. 153, это положение закона было отменено в 1866 г.).

Привилегии, имеющие своей основой обеспечение задач уголовного права и целей уголовного наказания, состояли:

- в смягчении наказания при наличии явки с повинной, раскаяния, способствования раскрытию преступления, изобличения соучастников (ст. 140);

- в смягчении наказания при минимизации последствий преступления и возмещении ущерба (ст. 140);

- в освобождении от наказания при примирении с потерпевшим по некоторым категориям преступлений (ст. 162).

Уголовное законодательство XIX столетия, во многих отношениях являющееся для своего времени и социальных условий образец глубокой проработки нормативного материала, естественно, не оставалось неизменным. Его доработка и совершенствование начались практически сразу по вступлении в силу Уложения 1845 г., а своеобразным итогом эволюции российского дореволюционного уголовного права можно считать

Уголовное Уложение 1903 г. (хотя, оно, как известно, так и не было полностью введено в действие на территории страны)⁴⁴. Применительно к исследуемой тематике основные, принципиальные характеристики последнего Уложения состояли в следующем:

- в нем уже вовсе не наблюдаются следы сословных привилегий;
- привилегии, обусловленные соображениями уголовно-правовой целесообразности, были развиты и дополнены (в частности, в ст. 49 устанавливалось правило о смягчении наказания за покушение на преступление; в ст. 51 провозглашалась ненаказуемость поведения при добровольном отказе от преступления; в ст. 53 формулировалось правило о неназначении наиболее строгого вида наказания при наличии смягчающих обстоятельств).

Анализ Уголовного Уложения 1903 г., а равно сопоставление его с текстами уголовного законодательства России, действовавшего в период до начала XX в., позволяет установить основные характерные черты развития уголовно-правовых норм о привилегиях. Как представляется, они заключались в следующем:

во-первых, в осознании необходимости и нормативной фиксации привилегий в уголовном законе в качестве весомого средства дифференциации уголовной ответственности, обеспечения справедливости и гуманизма, средства, которое выступало важным дополнением известных правил индивидуализации уголовного наказания;

во-вторых, в создании разветвленной системы привилегий, которые диктовались обстоятельствами, восходящими к социальной обусловленности закона (прежде всего, сословной структурой общества), к началам гуманизма и человечности, к утилитарным соображениям использования уголовного закона для решения общесоциальных и сугубо уголовно-политических задач;

⁴⁴ Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Сенатская типография, 1903.

в-третьих, в неравновесном развитии системы привилегий, при котором сословные привилегии постепенно элиминировались, тогда как привилегии, связанные с уголовно-правовым поощрением, напротив, расширялись и множились.

Необходимо признать, что последующее развитие уголовного права на короткий срок внесло существенные коррективы в эту логику. Революционная ломка общества, государства и права, начавшаяся с октября 1917 г., неизбежно сказалась на социально-политическом содержании уголовного законодательства, которое было призвано отображать и поддерживать уже принципиально иное соотношение классовых и политических сил. Новая социальная структура общества⁴⁵, новое соотношение этой структуры и структуры власти, а именно провозглашенное и реально осуществляемое уничтожение (вплоть до физического) сословий, переход политической власти в стране к представителям рабочего класса и крестьянства с необходимостью, характерной для любой революции, потребовали уголовно-правовых гарантий. Гарантии эти приобрели характер прямых уголовно-правовых привилегий для нового правящего класса. В итоге тенденция внесословности уголовного закона была фактически остановлена, а законодательство приобрело выраженный классовый характер. Он выразался двояким образом: в установлении преференций для рабочих и крестьян и в усилении ответственности представителей бывших привилегированных классов.

Убедительными свидетельствами «обратного хода» в эволюции уголовного права могут служить следующие предписания нормативных актов того периода:

⁴⁵ Здесь важно отметить факт ликвидации сословного деления русского общества Декретом ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Декрет провозглашал: «Все существовавшие донныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются» (ст. 1); «Все соответствующие статьи донныне действовавших законов отменяются» (ст. 6). – См.: Декреты Советской власти. Т. I. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – С. 72.

- Декрет Совета народных комиссаров от 08 мая 1918 г. «О взяточничестве» прямо предписывал: «Если лицо, виновное в даче или принятии взятки, принадлежит к имущему классу..., то оно приговаривается к наиболее тяжким, неприятным и принудительным работам, и все его имущество подлежит конфискации» (ст. 5)⁴⁶;

- Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. устанавливали, что «при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу ... или неимущим» (ст. 12)⁴⁷;

- Основные начала уголовного законодательства СССР и Союзных Республик от 31 октября 1924 г. определяли, что суд применяет более строгую меру социальной защиты, если «преступление совершено лицом, в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд» (ст. 31), и напротив, определяет более мягкую меру, когда «преступление совершено рабочим или трудовым крестьянином» (ст. 32)⁴⁸; эти предписания дублировались в ст. ст. 47 и 48 УК РСФСР 1926 г.⁴⁹

Столь откровенно дискриминационные начала в уголовном законодательстве, конечно, не могли существовать долгое время. Они исключались по мере укрепления советской власти и строя. В частности, в УК РСФСР 1922 г. уже не содержалось указаний на привилегии для неимущих (в ст. 25 отмечалось лишь, что «для определения меры наказания различается: совершено ли преступление в интересах восстановления власти

⁴⁶ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – С. 25.

⁴⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – С. 62.

⁴⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – С. 205.

⁴⁹ СУ РСФСР. – 1926. – № 80, ст. 600.

буржуазии или в интересах чисто личных совершившего преступление»⁵⁰), а дискриминационные предписания ст. ст. 31 и 32 Основных начал уголовного законодательства были отменены Постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г.⁵¹

Относительно непродолжительный, но вполне явный период создания в уголовном законодательстве привилегий для представителей класса, пришедшего к власти в результате революции, являет собой, с одной стороны, безусловный шаг назад в общей линии развития уголовного права, а с другой – наглядно демонстрирует обусловленность многих предписаний уголовно-правового характера реальным раскладом политических и социальных сил, зависимость уголовного права от господствующих отношений, отражает использование возможностей и силы этой отрасли в создании, поддержке и укреплении необходимых для господствующего класса отношений. В конечном итоге наличие классовых преференций лишь подтверждает общую мысль о социальной обусловленности уголовного права и его подчиненности решению более общих социальных и политических задач.

Укрепление советского строя и, как утверждалось ранее, «победа над классовыми врагами», построение «общенародного государства» сделали потребность в классовых привилегиях излишней⁵². Уголовное право

⁵⁰ СУ РСФСР. – 1922. – № 15, ст. 153.

Хотя, стоит отметить, что, по мнению современников - специалистов в области уголовного права, ст. ст. 24 и 25 УК РСФСР представляли собой «ту область, в которой суду нужно проявить свое социалистическое правосознание именно при выборе меры наказания, учитывая классовую принадлежность и социальное положение подсудимого». – См.: Немировский Э.Я. Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного Кодекса СССР. Части Общая и Особенная. – Одесса: Вторая гос. типография, 1924. – С. 204.

⁵¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – С. 220.

⁵² Однако отголоски этих привилегий имели место на практике еще в 60-70-е годы прошлого столетия и выражались в признании смягчающим ответственность обстоятельством партийной принадлежности виновного. Критикуя такое положение дел, Г.И. Чечель писал: «принадлежность к партии ни в коем случае не может быть судом расценена как особая привилегия, позволяющая смягчить наказание в том случае, если

отреагировало на это, как не покажется странным, возвратом к прежней, дореволюционной традиции конструирования привилегий на основе лишь двух групп обстоятельств, обусловленных соответственно гуманистическими и утилитарными соображениями.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.⁵³ устанавливал привилегии:

- для несовершеннолетних, ограничивая сферу их ответственности, виды наказаний и допуская возможность освобождения от ответственности с применением замещающих наказание мер (ст. ст. 10, 23, 24, 25, 26, 63);

- для некоторых категорий женщин, не допуская применение к ним смертной казни (ст. 23), ссылки (ст. 25), высылки (ст. 26) и признавая беременность смягчающим ответственность обстоятельством (ст. 38);

- для лиц, возмещающих причиненный ущерб, раскаивающихся в содеянном, способствующих раскрытию преступлений (ст. ст. 38, 52).

Как видим, это вполне традиционный, стандартный набор льгот, который фактически не зависит от социально-политической обстановки в стране. Рассматривая их с точки зрения институциональной характеристики уголовного права, важно обратить внимание на наличие весьма четкой корреляции между основанием привилегии и ее ролью в определении меры ответственности виновного. Дело в том, что гуманистически обусловленные привилегии обладали свойством дифференцировать уголовную ответственность, поскольку они не были связаны с поведенческими характеристиками личности, не влияли на содержание уголовных правоотношений и распространялись на всех людей, обладавших тем или иным признаком (сословные привилегии обладали этим свойством по определению). В то же время привилегии, вызванные к жизни соображениями уголовно-правового утилитаризма, служили основанием не

членом КПСС (членом ВЛКСМ) совершается преступление. Подобный «учет» принадлежности к КПСС противоречит принципу демократизма советского уголовного права и не соответствует требованиям партии». – См.: Чечель Г.И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания / науч. ред. И.С. Ной. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – С. 58.

⁵³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 591.

дифференциации ответственности, а ее индивидуализации, то есть их реальное воплощение, сам факт и объем льгот во многом зависели от конкретной правоприменительной ситуации и судебного усмотрения.

Такое соотношение оснований и роли привилегий стало, с одной стороны, итогом длительной эволюции уголовного права, а с другой стороны, исходной точкой его развития уже в наше время. Уже первый обзор нормативных предписаний действующего Уголовного кодекса показывает отчетливое стремление законодателя заранее и едва ли не с математической точностью определить меру возможных преференций для виновного при наличии «утилитарных» льготных оснований (показательна в этом отношении ст. 62 УК РФ). Представляется, что такое усиление значимости этих оснований демонстрирует важный аспект деполитизации закона, его сосредоточение на решении собственных, внутриотраслевых задач, а именно – ориентацию на предупреждение преступлений и минимизацию их последствий. И в этом тоже проявляется некая общая логика развития уголовного права – от использования его в качестве инструмента для решения политических и общесоциальных задач к более экономному и скромному использованию уголовной репрессии для достижения задач отраслевых.

Подводя итог исследованию вопросов зарождения и развития привилегий в отечественном уголовном праве, можно сформулировать несколько обобщенных выводов, способствующих лучшему пониманию современного законодательства. *Привилегии в уголовном праве возникают, утверждаются и во многом определяются социальным и правовым статусом личности, связаны с осознанием индивидуальной и индивидуализированной ответственности на началах равенства и дифференциации. В силу этого гуманизм привилегий состоит не только (а возможно, и не столько) в самом факте установления льгот и преференций для некоторых категорий правонарушителей, сколько в создании лично ориентированной системы мер уголовно-правового воздействия. В силу*

того, что на всем протяжении истории статус личности не был неизменным, а взгляд на человека во многом эволюционировал от сословно-классовой призмы к личностно-индивидуальной, привилегии, отражая эту динамику, развивались в направлении от сословных к персональным. При этом построение личностно-ориентированной системы уголовно-правовых мер с необходимостью вступало в определенное противоречие с принципом равенства граждан перед законом, что потребовало корректировки механизма предоставления привилегий – от индивидуализации наказания в суде к дифференциации уголовной ответственности непосредственно в законе. В содержательном отношении привилегии также менялись в соответствии с взглядом на человека и его достоинство: преференции, обусловленные исключительно сословно-классовой принадлежностью, были постепенно элиминированы, а их место заняли факторы, связанные исключительно с личностными особенностями правонарушителя, которые продиктованы сегодня нравственно-гуманистическими и уголовно-утилитарными соображениями. Эти предпосылки и тенденции стали историческим фоном и предтечей современного уголовного законодательства, которое в целом выдержано в русле общей логики развития уголовно-правовых привилегий.

§ 2. Понятие, значение и классификация привилегий в современном уголовном праве России

Определение объема и содержания исходных понятий служит, как известно, одним из необходимых условий адекватного анализа и восприятия результатов исследования любой темы, обязательной предпосылкой сопоставления собственных научных данных с аналогичной информацией иных авторов и корректной критики авторской позиции в последующем. Именно поэтому вопрос о понятии привилегий в уголовном праве требует самостоятельного исследования, особенно принимая во внимание тот факт,

что в отечественной науке на сегодняшний день не существует более или менее крупных работ, посвященных этой проблеме.

Начать исследование целесообразно с уяснения словарного значения слова «привилегия». Специализированные словарные издания, в частности Большой юридический словарь и Словарь по уголовному праву, определений понятия «привилегии» не содержат⁵⁴, что, вероятно, можно объяснить и общей неразработанностью темы, и достаточно узкой специализированностью термина, и его отсутствием непосредственно в тексте уголовного закона. В общеупотребительной лексике, согласно Толковому словарю русского языка, привилегия означает «преимущественное право, льготу»⁵⁵. Словарь иностранных слов, определяя происхождение искомого слова от латинских «privilegium» – особый и «legis» – закон, также указывает, что привилегия – это «исключительное право на что-либо, преимущество, предоставленное кому-либо»⁵⁶.

Уже в этих кратких дефинициях подчеркиваются главные признаки привилегий – исключительный, особый характер предписаний, отличный от общих положений, и их тесная связь с правом (субъективным и объективным). Между тем в сосуществовании этих признаков нельзя не заметить наличие некоторого противоречия: привилегия есть исключение из общего порядка, привилегия связана с правом, тогда как право и есть, собственно, общий порядок. Создается впечатление, что привилегия, либо, будучи правом, находится вне права, либо не является правом вовсе.

Неоднозначность отношения к привилегиям подтверждается и результатами опроса практикующих юристов. Согласно категоричному мнению 27% из них, любые привилегии в уголовном праве являются

⁵⁴ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2002; Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. – М.: Изд-во «Бек», 1997.

⁵⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 588.

⁵⁶ Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е.С. Зенович. – М.: Агентство «КРПА «Олимп»; Изд-во АСТ, 2002. – С. 492.

недопустимыми, 43% признали возможность привилегий при наличии некоторых условий и гарантий, только 10% безоговорочно согласились с допустимостью привилегий, оставшиеся 20% затруднились с ответом.

Такая же ситуация неоднозначного отношения к привилегиям имеет место и в юридической науке. В частности, С.В. Поленина пишет, что «существование привилегий противоречит идее формирования правового государства, подрывает как принцип равноправия граждан, так и принцип социальной справедливости»⁵⁷. И.Я. Дюрягин категорично утверждает, что «привилегии в своей основе так же противозаконны, как, допустим, кража или грабеж»⁵⁸. Эмоционально негативное отношение к привилегиям последовательно проводит и А.В. Малько. Он указывает: «привилегия – отрицательное отклонение, облегчение, не установленное в законе, зачастую неправомерное, призванное улучшить положение каких-либо субъектов с одновременным ухудшением положения других. В общественном сознании привилегия ассоциируется с чрезмерным получением блага начальниками (номенклатурой) в обход закону. Привилегии создаются тихо – либо по неписанному решению, либо на основе всевозможных закрытых нормативных актов»⁵⁹.

Не углубляясь сейчас в анализ соотношения привилегий с принципами права (этому будет посвящен следующий параграф диссертации), отметим, что, будучи «равной мерой», право не может не учитывать неоднородность юридического и фактического положения различных субъектов. В противном

⁵⁷ Поленина С.В. Закон как средство реализации задач правового государства // Теория права: новые идеи. Вып. 3 / редкол.: Завадская Л.Н., Малеин Н.С., Славин М.М. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. – С. 16.

⁵⁸ Дюрягин И.Я. Гражданин и закон. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 44–45. Критикуя отождествление привилегий с правонарушением, С.Ю. Суменков пишет: «Отождествление привилегии и правонарушения некорректно, так как правонарушение является отдельной правовой категорией, имеющей собственные, характерные только для нее черты. Общее между ними только то, что обе категории – исключения из единого, установленного нормами права порядка. Но если привилегия соответствует праву, то правонарушение – противоречит ему». – См.: Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 10.

⁵⁹ Малько А.В. Льготы в праве: общетеоретический аспект // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 39–40.

случае из действенного регулятора общественных отношений оно рискует превратиться в аморфную, реально «не работающую» и даже тормозящую общественное развитие систему юридических норм. Совершенно прав в этом отношении М.В. Баглай, когда пишет: «равноправие не означает, что право вообще не может устанавливать привилегий и льгот», «содержание равенства и равноправия предполагает отсутствие незаконных привилегий и запрет дискриминации по любым основаниям», тогда как «узаконенные льготы выражают признанные обществом стандарты социальной справедливости»⁶⁰.

Легитимируя привилегии в праве «распределяющей» справедливостью, большинство специалистов все же признает их допустимость и оправданность. «Привилегия представляет собой сложный социальный феномен, обусловленный как объективными, так и субъективными различиями в фактическом и юридическом положении субъектов, не противоречит юридическим нормам», – выражает распространенную в общей теории права позицию С.Ю. Суменков⁶¹.

Между тем вопрос о понятии привилегий, их характерных чертах и видах остается одним из малоисследованных. В российской юридической науке предложено лишь несколько определений искомого понятия.

Одно из наиболее распространенных сформулировано А.В. Малько и И.С. Морозовой. Авторы пишут, что «привилегии есть специальные (во многом исключительные, монопольные) льготы для конкретных субъектов и, в первую очередь, для властных органов и должностных лиц, необходимые им в целях наиболее полного и качественного осуществления своих определенных обязанностей»⁶². Через категорию льгот определяет привилегии М.Н. Козюк, который пишет, что «привилегия – разновидность льготного способа регулирования общественных отношений, когда

⁶⁰ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и факультетов. – М.: Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 170, 173.

⁶¹ Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 9.

⁶² Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Известия вузов. Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 143–156.

преимущество устанавливается, как правило, исключительной нормой и когда законодатель вольно или невольно допускает чрезмерное улучшение положения субъектов»⁶³. На связь привилегий с властной элитой указывает В.П. Казимирчук, отмечая, что привилегии «могут распространяться только на тех, кто находится у власти и вершит власть»⁶⁴.

Как видим, тезис о том, что привилегии есть особые льготы для властных субъектов является весьма распространенным в науке. Проведенный при подготовке настоящей работы опрос практикующих юристов подтвердил его привлекательность. По мнению 65% сотрудников правоохранительных органов, привилегии – это нечто, что государство устанавливает для обладающих властью или приближенных к власти лиц. Представляется, что именно это обстоятельство и объясняет эмоционально негативное отношение к привилегиям.

Однако видеть в привилегиях лишь исключительно льготы для властной элиты, причем льготы необоснованные, завышенные, чрезмерные, на наш взгляд, вряд ли верно. Это, пожалуй, искусственное ограничение, призванное не столько выявить природу и особенности привилегий, сколько показать различия между необоснованными (привилегии) и обоснованными (льготы) отступлениями от общего порядка.

Именно на различиях в привилегиях и льготах создают научные построения многие специалисты. «Между льготами и привилегиями то существенное отличие, – пишет В.М. Межуев, – что первые в какой-то мере смягчают существующее фактическое неравенство, тогда как вторые добавляют к последнему еще и формальное неравенство, как бы возводят это неравенство в закон»⁶⁵. Привилегии, в отличие от льгот, отмечают А.В.

⁶³ Козюк М.Н. Правовое равенство и привилегия депутатской неприкосновенности // Личность и власть. Межвузовский сборник научных работ. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ВШ МВД РФ, 1995. – С. 166.

⁶⁴ Казимирчук В.П. Выступление на «круглом столе» по теме «Власть, демократия, привилегии» // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 55.

⁶⁵ Межуев В.М. Выступление на «круглом столе» по теме «Власть, демократия, привилегии» // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 51.

Малько и И.С. Морозова, сориентированы не на массовые социальные слои, а на политическую элиту, властные органы и должностные лица; они устанавливаются не только для соответствующих групп и слоев населения, но могут характеризовать и индивидуальный статус личности»⁶⁶.

Суждения такого рода, как представляется, продиктованы не столько собственно юридическим анализом привилегий, сколько обыденным их восприятием. В них не усматриваются правовые различия между привилегиями и льготами, а потому они не могут быть положены в основу наших дальнейших рассуждений.

Попытку провести сущностные разграничения между привилегиями и льготами предприняла Г.Г. Пашкова. Она пишет: «Льготы и привилегии имеют и общие черты, и существенные различия. И те, и другие являются исключением из общих правил, однако привилегии – более высокий уровень дифференциации правового регулирования, «исключения из исключений». И привилегии, и льготы позволяют улучшить положение соответствующих субъектов, но разными способами: льготы – посредством облегчения положения субъекта, снижения бремени несения обязанностей с целью выровнять фактическое неравенство; привилегии – с помощью дополнительных предоставлений. ... Конечный результат привилегий и льгот совпадает – какое-либо конкретное благо. Однако различны условия, способы предоставления такого блага, а также его объем». И далее автор резюмирует: «Разграничение льгот и привилегий ... необходимо, в первую очередь, для того, чтобы под эгидой льгот не вуалировались зачастую необоснованные, нецелесообразные, противоречащие принципам социальной справедливости привилегии»⁶⁷.

Между тем и эта концепция представляется нам несколько искусственной. В частности, такой предложенный Г.Г. Пашковой критерий

⁶⁶ Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Известия вузов. Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 143–156.

⁶⁷ Пашкова Г.Г. Льготы в праве социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – С. 19.

различия, как «более или менее высокий уровень дифференциации правового регулирования», является крайне субъективным и не имеет объективных предпосылок для оценок, поскольку шкала уровней дифференциации вряд ли когда-нибудь будет создана. Что касается механизма действия (льготы освобождают от обязанностей, привилегии предоставляют права), то и этот критерий не может быть использован. Он не подтверждается ни этимологическим, ни историческим, ни догматическим, ни социологическим анализом, и являет собой итог субъективных рассуждений автора. В подтверждение приведем позицию специалистов, которые полагают, что льгота – это правомерное облегчение положения субъекта, выражающееся «как в предоставлении дополнительных особых прав (преимуществ), так и в освобождении от некоторых обязанностей»⁶⁸. Да и в словарном значении льгота так же, как и привилегия, означает «преимущественное право, облегчение, предоставляемое кому-нибудь как исключение из общих правил»⁶⁹.

Умозрительной представляется также концепция разграничения привилегий и льгот, предложенная Е.В. Тилежинским. Он пишет, что льготы облегчают положение некоторых категорий лиц, которые в силу определенных обстоятельств не могут удовлетворить свои нужды, и тем самым выравнивают в какой-то степени их фактическое положение, а привилегии, напротив, «выделяют» субъекта из общества, улучшают ему условия именно по сравнению с общим уровнем⁷⁰.

⁶⁸ Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Известия вузов. Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 145. Г.Г. Пашкова тоже пишет, что «в широком смысле слова под правовой льготой понимается улучшение положения субъекта по сравнению со стандартным путем наделения его дополнительными правомочиями либо путем освобождения от исполнения некоторых обязанностей». – См.: Пашкова Г.Г. Льготы в праве социального обеспечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – С. 17.

⁶⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 335.

⁷⁰ Тилежинский Е.В. Равенство как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – С. 14.

Таким образом, попытки на содержательном уровне разграничить привилегии и льготы нельзя признать удачными. Стоит обратить внимание на позицию специалистов, которые усматривают единую природу привилегий и льгот. Так, И.И. Кравченко отмечает, что «льготы и привилегии – это одна система... В принципе они друг от друга мало отличаются...»; «не так-то просто, а часто и невозможно провести четкую грань между льготами и привилегиями»⁷¹. С.Ю. Суменков пишет, что «правовая привилегия так же, как и льгота, относится к нормативным отклонениям от принципа равноправия» и делает вывод о единой природе данных категорий: «привилегии и льготы представляют собой юридические средства, направленные на более полное удовлетворение интересов и потребностей субъектов путем предоставления дополнительных прав либо освобождения от соответствующих обязанностей»⁷². На тождество понятий «льгота» и «привилегия» указывают некоторые иностранные авторы (Л. Мейзер, Д. Гупта), как тождественные рассматривает их международное право и законодательство ряда зарубежных государств⁷³.

Полагаем, что именно этот подход и должен быть взят в качестве теоретической основы для последующих рассуждений о привилегиях в сфере уголовного права. Между льготами и привилегиями нет принципиальных различий, эти слова вполне могут использоваться в качестве синонимов, в том числе в юридической, нормативной лексике⁷⁴.

⁷¹ Кравченко И.И. Выступление на «круглом столе» по теме «Власть, демократия, привилегии» // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 49, 63.

⁷² Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 9–10. Хотя отметим, что в дальнейшем автор все же пытается провести грань между привилегией и льготой, указывая: «Льгота – базовая, основополагающая категория, носящая более демократический характер, нежели привилегия. Связано это, прежде всего, с достаточно узкой и весьма специфичной сферой распространения привилегий, их качеством исключительных преимуществ, имеющих максимальные, наивысшие пределы и объемы».

⁷³ См. об этом: Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Известия вузов. Правоведение. – 1999. – № 4.

⁷⁴ Некоторые специалисты, указывая на необходимость проводить различие между понятиями «льгота» и «привилегия», пишут, что эти категории соотносятся как целое и его часть. – См., напр.: Назаренко Н.А. Категория «таможенная льгота» в современном

Учитывая это, выделим характерные общие признаки привилегий и льгот, которые имеют значение для понимания привилегий в уголовном праве. Подчеркнем, в частности, что:

- привилегии – это особое юридическое средство, форма проявления дифференциации правового регулирования общественных отношений;
- привилегии состоят в полном или частичном освобождении от исполнения определенных обязанностей, предоставлении некоторых преференций, дополнительных прав и преимуществ;
- привилегии являются правомерными исключениями, основания, объем и порядок предоставления которых определены в нормативных правовых актах с соблюдением всех демократических процедур нормотворчества;
- привилегии устанавливаются в специальных (исключительных) нормах, блокируют, дополняют или изменяют общие предписания;
- привилегии могут использоваться как для «сглаживания» фактического неравенства отдельных субъектов правоотношений, в создании для них более благоприятных условий, так и для стимулирования и поощрения определенного поведения.

Преломляя эти свойства и признаки сквозь призму уголовного закона и уголовно-правового регулирования, важно обратить внимание на следующие положения.

1. Привилегии есть средство уголовно-правовой дифференциации. В уголовном праве дифференциация практически всегда и исключительно связывается с ответственностью и наказанием, все рассуждения о ней ведутся в контексте дифференциации уголовной ответственности и (или) уголовного наказания⁷⁵. В связи с тем, что эти понятия весьма близки, возникает

таможенном праве // Юридическая библиотека ЮРИСТЛИБ. – URL: http://www.juristlib.ru/book_4044.html (дата обращения: 06.08.2014).

⁷⁵ См., напр.: Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. – М.: Юрлитинформ, 2014; Евлоев Н.Д. Дифференциация уголовной ответственности и наказания за неосторожные преступления: проблемы теории и практики. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009; Сундурова О.Ф. Усиление уголовного наказания: вопросы

необходимость уточнить их содержание и выяснить, как они соотносятся с привилегиями.

Несмотря на существенное сходство, отождествлять дифференциацию уголовной ответственности и дифференциацию наказания не следует. Как справедливо отмечает В.М. Волошин, «дифференциация ответственности является более широким понятием, предполагающим установление на законодательном уровне различных мер реагирования на совершенное преступление, в то время как дифференциация наказания есть законодательно установленные различия лишь одной из возможных мер уголовной ответственности»⁷⁶. Стоит напомнить также авторитетное суждение Т.А. Лесниевски-Костаревой о том, что дифференциация уголовной ответственности может выражаться как в дифференциации оснований уголовной ответственности, так и в дифференциации самой уголовной ответственности⁷⁷. При этом дифференциация ответственности, по мысли С.А. Маркарян, может иметь два направления (два вида): связанное с дифференциацией наказаний (например, дифференциация ответственности несовершеннолетних в ст. 88 УК РФ) и не связанное с ней (к примеру, сокращение для несовершеннолетних сроков погашения судимости в ст. 95 УК РФ)⁷⁸. Дифференциация наказания, в свою очередь, традиционно анализируется в двух аспектах: уголовно-правовом (дифференциация

дифференциации и индивидуализации / науч. ред. В.А. Якушин. – Тольятти: ВУиТ, 2006; Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003; Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003; Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000.

⁷⁶ Волошин В.М. Некоторые проблемы дифференциации уголовного наказания несовершеннолетних // Российский судья. – 2008. – № 2. – С. 11.

⁷⁷ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 23.

⁷⁸ Маркарян С.А. Мотивы как основание дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (проблемы конструирования квалифицирующих признаков): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 30.

назначения наказания) и уголовно-исполнительном (дифференциация исполнения наказания)⁷⁹.

Учитывая эти теоретические наработки, которые воспринимаются нами в качестве обоснованных исходных суждений, применительно к теме исследования следует заметить:

- привилегии в уголовном праве не включают в свою область дифференциацию оснований уголовной ответственности. В этой части привилегии необходимо отграничивать от такого уголовно-правового феномена, как привилегирующие признаки состава преступления. Будучи признаком состава преступления, такие обстоятельства, свидетельствующие о пониженной степени общественной опасности преступления и (или) личности виновного, выступают необходимой частью основания уголовной ответственности, дифференцируют само это основание, лежат в основе различения преступлений более и менее опасных⁸⁰. Исследуемые же нами привилегии направлены на дальнейшую дифференциацию содержания и объема уже установленной уголовным законом ответственности. Они «включаются в работу» при наличии равных оснований ответственности различных лиц, а потому в содержательном отношении гораздо больше связаны именно с личностью виновного, нежели с совершенным преступлением. Привилегии не дифференцируют основания уголовной ответственности и не входят в число признаков состава преступления, и это существенное обстоятельство во многом позволяет согласовать наличие привилегий с требованиями правового принципа равенства⁸¹;

⁷⁹ См.: Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России, 1998. – С. 18–19.

⁸⁰ См., напр.: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 176, Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 62; Иванчин А.В. Состав преступления: учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – С. 94–95.

⁸¹ Важно обратить внимание, что гипотетически в качестве привилегий могут быть рассмотрены и специальные правила, направленные на усиление уголовно-правовой охраны некоторых категорий граждан (должностных лиц, сотрудников

- привилегии как средство дифференциации содержания уголовной ответственности могут быть связаны со всеми аспектами ее реализации (формой, содержанием) и находят свое выражение в дифференциации ответственности, не отражаясь на наказании (в ситуации, например, сокращения сроков давности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних или освобождения от ответственности в связи с позитивным постпреступным поведением), и в дифференциации самого уголовного наказания (при назначении наказания несовершеннолетним, женщинам, отсрочке отбывания наказания больным наркоманией и др.). Что же касается участия привилегий в дифференциации исполнения наказания, которое имеет место, например, при определении вида исправительного учреждения для несовершеннолетних и женщин, то оно, по нашему убеждению, имеет малое отношение собственно к уголовно-правовой проблематике. Наличие в тексте уголовного закона положений об определении вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы не соответствует, как представляется, границам уголовно-правового регулирования⁸². Дифференциация видов исправительных учреждений в большей степени входит в предмет отрасли уголовно-исполнительного права, поэтому в дальнейшем изложении данный аспект останется за рамками специального анализа.

правоохранительных органов, судей, беременных женщин, детей и т.д.). Эти правила посредством соответствующих квалифицирующих признаков и специальных составов преступлений ставят таких лиц в особое, привилегированное положение по отношению ко всем другим. Однако такое различие в охране необходимо анализировать и оценивать с использованием категории «правовые гарантии», нежели «привилегии». Это близкие категории, в некоторой степени они могут рассматриваться как парные, поскольку характеризуют особый статус того или иного субъекта с двух противоположных, но взаимосвязанных сторон: с точки зрения создания специальных условий для выполнения той или иной функции (гарантии) и с точки зрения защиты от бремени уголовной ответственности (привилегии). В настоящей работе уголовно-правовые гарантии остаются за рамками объекта исследования.

⁸² Здесь уместным будет привести слова Э.Л. Сидоренко о том, что уголовно-правовое регулирование не следует отождествлять с иным отраслевым регулированием. «Особенности предмета, методов и задач обеспечивают цельность и определенность границ уголовного права, являются важным фактором, препятствующим превращению его системы в аморфное социальное тело». – См.: Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 27.

2. Будучи средством правовой дифференциации, привилегии меняют содержание, объем, форму уголовной ответственности лишь в одном направлении – в сторону облегчения правового статуса лица, совершившего преступление. В связи с этим надо обратить внимание на два аспекта:

- привилегии смягчают положение виновного лишь в сравнении с «рядовым», «ординарным» субъектом, совершившим аналогичное преступление. Не могут рассматриваться в качестве привилегий: а) случаи дифференциации отягчающих обстоятельств (к примеру, не являлось привилегией установление более льготных правил назначения наказания при «простом» рецидиве преступлений по сравнению с рецидивом опасным и особо опасным⁸³); б) отсутствие тех или иных отягчающих обстоятельств или квалифицирующих признаков. Категорией, парной привилегиям, может служить лишь условная категория стандарта ответственности. Она выступает «мерилом» по отношению и к привилегиям, и к ситуациям усиления ответственности. Противопоставлять привилегии и отягчающие обстоятельства методологически неверно;

- правовой статус лица, совершившего преступление, будучи модусом правового статуса личности в целом, формируется, как это правильно отмечается в литературе, двумя основными способами: лишением, ограничением прав, законных интересов, наложением дополнительных обязанностей либо наделением дополнительными правами⁸⁴. Таким образом, правовой статус совершившего преступление может рассматриваться как

⁸³ Подобная дифференциация была исключена из уголовного закона в декабре 2003 года. – См.: Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (с изм. и доп. от 07 декабря 2011 г., № 420-ФЗ) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50, ст. 4848; 2011. – № 50, ст. 7362.

⁸⁴ См.: Луничев Е.М. Статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. – М.: Проспект, 2012. – С. 69. Это обстоятельство в полной мере учтено Л.В. Бакулиной, которая определяет правовой статус осужденного как «совокупность нормативно закрепленных его обязанностей, прав, свобод, законных интересов, возникающих в результате изъятия, ограничения, дублирования, конкретизации и дополнения общего правового статуса». – См.: Бакулина Л.В. Правовой статус и обеспечение личных и социально-экономических прав осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000. – С. 10.

некоторого рода исключение из общего правового статуса личности. Привилегии же, в свою очередь, представляют собой исключения из этого исключения. Если формируя статус лица, совершившего преступление, законодатель, в первую очередь, исходит из необходимости ограничения гражданских прав и свобод, то привилегии позволяют ограничить силу этих ограничений и тем самым сохранить, насколько это допустимо и целесообразно, изначальный правовой статус. Привилегии не создают режим благоприятствования общегражданскому статусу личности, они не «работают» до момента признания лица виновным в совершении преступления. Поэтому не может рассматриваться в качестве привилегии отсутствие уголовной ответственности для лиц, не достигших четырнадцати (шестнадцати) лет, или для невменяемых. Привилегии корректируют статус лица, который выступает субъектом уголовно-правовых отношений и который совершил преступное деяние. Ограничивая ограничения, они не могут создавать преференций по сравнению с положением лиц, не совершавших преступлений, и тем более не могут выходить за пределы общегражданского статуса личности. В этом отношении максимально допустимый предел привилегии в уголовном праве – освобождение от уголовной ответственности, при котором уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, и статус лица, не совершавшего его, остаются одинаковыми⁸⁵.

3. Как и любое исключение, привилегия может и должна фиксироваться непосредственно в тексте закона. Сложно согласиться с юристами, допускающими обратное и предлагающими классифицировать правовые льготы по форме нормативного закрепления на нормативно объективированные, то есть те, функциональное значение которых получило прямое выражение в нормах права, и латентные, функция которых

⁸⁵ Подчеркнем, речь идет именно об уголовно-правовом статусе лица. В данном случае мы не вторгаемся в сферу ограничений, которые накладываются на лицо, совершившее преступление, иным законодательством, вне зависимости от того, было такое лицо осуждено или нет.

выявляется путем толкования норм права⁸⁶. Толкование, сколько бы строгим и последовательным оно не было, остается все же результатом субъективного восприятия текста закона, а любой субъективизм в определении правового статуса личности неприемлем. Нигде не зафиксированные привилегии могут поставить участников уголовно-правовых отношений в неравное положение, поэтому существование подобных преимуществ недопустимо. Нормативно незакрепленная привилегия, то есть преимущества и льготы, предоставляемые исключительно в силу усмотрения правоприменителя, представляет собой, как правило, коррупционно мотивированное злоупотребление правом, отступление от принципа законности, правонарушение.

Рассматриваемый признак привилегий заставляет обратить внимание на некоторые важные с точки зрения теории уголовного права моменты:

- уголовно-правовые привилегии, поскольку они корректируют правовой статус личности, могут фиксироваться далеко не во всех источниках уголовного права. Признавая справедливость тезиса о полиисточниковом характере отрасли и иерархичности уголовно-правовых источников⁸⁷, подчеркнем, что особое содержание и назначение привилегий требует столь же особого уровня их нормативной фиксации. Представляется, что основной массив привилегий должен быть закреплен в тексте Уголовного кодекса. Это главный источник отрасли, определяющий основания и пределы наказуемости общественно опасных деяний. Между тем, учитывая, что привилегии разрабатываются во многом для наилучшего обеспечения специфических прав и потребностей лиц, совершающих преступления, то есть несут в себе некоторый гуманитарно-правовой заряд,

⁸⁶ Буданова М.А. Процессуальные льготы в доказывании в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – С. 9.

⁸⁷ См. об этом подробнее: Коняхин, В. П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002; Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006; Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. – М.: Юрлитинформ, 2011; Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015.

они вполне могут быть установлены в источниках общего и более высокого уровня, нежели уголовный закон. К таковым потенциально могут быть отнесены Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ. Все остальные нормативные акты, как равные по месту в иерархии УК РФ, так и, тем более, подчиненные ему, не могут содержать в себе предписаний, формирующих уголовно-правовые привилегии. Обратное будет нарушением принципа соответствия содержания нормативного предписания надлежащей форме и искажением системно-иерархического строения источников уголовного права;

- привилегии, образуя изъятия из статуса лица, совершившего преступление, в содержательном отношении могут быть представлены либо корректировкой (в сторону уменьшения) объема и интенсивности правоограничений и обязанностей, либо предоставлением некоторых дополнительных прав и преимуществ. В связи с этим правовые предписания, которые содержат привилегии, всегда являются исключительными, но по характеру действия должны быть классифицированы на специальные (в первом случае) и дополнительные (во втором). Такая градация непосредственно отражается и в механизме правового регулирования: специальные нормы обладают приоритетом по отношению к общим нормам и применяются вместо них, тогда как дополнительные привилегированные предписания применяются вместе с общими. Отсюда – специальные нормы всегда императивны, а объем судейского усмотрения в их применении сведен к минимуму (например, предписания закона о видах и сроках наказаний для несовершеннолетних). Дополнительные предписания привилегированного содержания применяются в большинстве случаев в зависимости от конкретной ситуации, а область дискреции правоприменителя здесь

относительно высока (например, нормы об освобождении от ответственности в связи с примирением с потерпевшим)⁸⁸.

4. *Привилегии в уголовном праве имеют материально-правовое содержание.* Они корректируют содержание, форму, объем ответственности, но не дают гарантий от самой уголовной ответственности. В этом отношении представляется крайне важным провести разграничение привилегий и иммунитетов в уголовном праве.

В науке была высказана мысль о том, что иммунитет является «исключительным правом не подчиняться некоторым правилам», а в сфере уголовного права означает «право не подлежать уголовной юрисдикции»⁸⁹. При этом в специальных исследованиях убедительно доказывается, что иммунитет в уголовном праве «регулирует порядок наступления уголовной ответственности, отличный от общепринятого»⁹⁰; что он представляет дополнительные права либо освобождает от обязанностей только в сфере реализации юридической ответственности, не подразумевая при этом никаких иных материальных и социальных благ и преследуя единственно цель обеспечение повышенной охраны определенного круга лиц в силу осуществляемых ими государственных обязанностей⁹¹. Эти научные результаты позволяют в целом оспорить мысль о материально-правовой природе иммунитетов и согласиться со специалистами, которые говорят об

⁸⁸ Сказанное позволяет оспорить тезис о том, что льготы (они же привилегии) всегда обязательны для суда. – См.: Буданова М.А. Процессуальные льготы в доказывании в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – С. 9–10.

Этот тезис, кстати, противоречит и представленной ранее позиции его автора о том, что некоторые льготы могут быть выведены из закона лишь путем толкования.

⁸⁹ См.: Даев В.Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 48; Кибальник А.Г. Иммунитеты в уголовном праве. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. – С. 9.

⁹⁰ Кибальник А.Г. Иммунитеты в уголовном праве. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. – С. 8; Елизарова И.А. Уголовно-правовое значение международных иммунитетов: лекция. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. – С. 13.

⁹¹ Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 9–10; Шелевер Н.В. Соотношение правового иммунитета с льготами и привилегиями по законодательству Украины // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2013. – № 6. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jurnal.org/articles/2013/uri84.html> (дата обращения: 06.08.2014).

их процессуальной природе⁹². Поэтому, даже если усматривать в иммунитетах элемент привилегий, относить их к области привилегий уголовно-правовых весьма сложно. Иммуниет не влияет на объем и содержание ответственности, он не исключает самого материально-правового отношения ответственности; он лишь устанавливает преодолимые или непреодолимые барьеры от юрисдикции государства, при этом не исключая возможности осуществления в отношении обладающего иммунитетом лица юрисдикции другой страны. В силу отмеченного иммунитета, хотя и представляют несомненный научный интерес, не входят в предметную область настоящего исследования.

5. Привилегии должны быть функциональны, в противном случае они утрачивают качество социальной обусловленности и превращаются в неоправданные и субъективные преференции. В литературе по общей теории права отмечается, что льготы (а привилегии мы относим к этой разновидности юридических средств) выполняют две основные функции: компенсаторную, создавая хотя бы примерно равные возможности для развития неравных в силу биологических и социальных причин лиц; а также стимулирующую, побуждая к отдельным видам общественно полезной деятельности, создавая благоприятные условия для удовлетворения собственных интересов лица⁹³. В области уголовного права эти функции сохраняются, но наполняются несколько специфичным содержанием:

- компенсаторная функция уголовно-правовых привилегий ориентирована на то, чтобы облегчить переживание тягот и бремени уголовной ответственности лицами, обладающими теми или иными демографическими или социальными признаками, в силу которых тяготы эти переживаются особенно тяжело. Компенсация в данном случае состоит не в

⁹² См., напр.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Изд-во юридич. фак-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – С. 276 – 278; Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 215.

⁹³ См.: Малько А.В. Льготы в праве: общетеоретический аспект // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 39–40.

выравнивании возможностей этих лиц по сравнению с иными, не в укреплении их защитных сил, а в сокращении самого бремени ответственности. В этом неравенстве объема содержания и форм как раз и проявляются гуманистические начала и справедливость уголовно-правового регулирования;

- стимулирующая функция⁹⁴ уголовно-правовых привилегий тесно связана с утилитарными началами в правовом регулировании, со стремлением достичь целей и задач уголовного права посредством «обмена» определенного (желаемого) позитивного постпреступного поведения виновного на сокращенный объем уголовно-правовых последствий. Такие стимулы способствуют не только (и даже не столько) наилучшему удовлетворению интересов субъекта преступления, сколько приоритетному обеспечению интересов потерпевшего и государства как сторон уголовного правоотношения. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на совершившее преступление лицо в определении характера и направления его деятельности, «побуждают субъекта к более высокому уровню активности правомерного поведения, к выполнению действий, в которых заинтересовано государство»⁹⁵.

Таковы, как представляется, общие и наиболее существенные признаки и свойства привилегий в уголовном праве, позволяющие, с опорой на

⁹⁴ В общей теории права под правовыми стимулами понимают «правовые нормы, поощряющие развитие нужных для общества, государства в данный момент общественных отношений, нормы, стимулирующие как обычную, так и повышенную правомерную деятельность людей и ее результаты». – См.: Ведяхин В.М. Правовые стимулы: понятие, виды // Известия вузов. Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 50–55.

В уголовно-правовой литературе под правовым стимулированием предложено понимать «процесс целенаправленного воздействия на личность, осуществляемый посредством системы взаимосвязанных государственно-правовых мер, закрепленных в запрещающих, обязывающих и поощрительных нормах права, основанный на учете различных уровней внутренней регуляции и того содержания потребностей и интересов, которые формируются под влиянием условий жизнедеятельности». – См.: Звечаровский И.Э. Стимулирование в праве: понятие и структурные элементы // Известия вузов. Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 112–117.

⁹⁵ Морозова И.С. Льготы в российском праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – С. 13.

фундаментальные наработки в области общей теории права, предложить для обсуждения следующую дефиницию искомого понятия.

Привилегия в уголовном праве – это установленное в уголовном законе или правовых источниках более высокого уровня юридическое средство дифференциации содержания и формы уголовной ответственности, направленное на уменьшение объема и интенсивности правоограничений и обязанностей либо предоставление некоторых дополнительных прав и преимуществ лицу, совершившему преступление, продиктованное гуманистическими или утилитарными соображениями в интересах сбалансированного удовлетворения интересов личности, общества и государства.

Это определение, возможно, не лишено недостатков, охватывает все ключевые признаки привилегий и подчеркивает их назначение в уголовно-правовом регулировании.

Направленные на дифференциацию ответственности, привилегии сами по себе также весьма неоднородны и могут быть дифференцированы по различным основаниям. Учитывая, что вопрос о привилегиях в уголовном праве и их классификации практически не поднимался в отечественной науке, предлагаемая ниже градация привилегий основывается, прежде всего, на наработках общей теории права, а также на содержании нормативных предписаний действующего уголовного законодательства.

Итак, привилегии можно разграничить на следующие группы:

- в зависимости от уровня нормативного акта, в котором они установлены: на предписанные национальными законами (таковы все льготы и преимущества, установленные УК РФ) и международными актами (например, ст. 37 Конвенции ООН о правах ребенка определяет, что ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не

предусматривающее возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет⁹⁶);

- в зависимости от степени конкретизации уголовно-правового содержания: на абстрактные (к примеру, ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. предписывает, что матерям в течение разумного периода до и после родов должна предоставляться особая охрана) и конкретные (например, ч. 2 ст. 57 УК РФ прямо устанавливает, что пожизненное лишение свободы женщинам не назначается);

- в зависимости от основного метода регулирования: на императивные, применение которых является обязательным во всех случаях и не зависит от усмотрения суда (таковы, к примеру, все правила об ограничении видов наказаний для женщин и несовершеннолетних), и диспозитивные, в применении которых возможно усмотрение правоприменителя (к этой разновидности может быть отнесено правило о возможной уплате штрафа, назначенного несовершеннолетнему, его родителями);

- в зависимости от предмета регулирования, на который направлены привилегии, они могут быть классифицированы по соответствующим институтам уголовного права: привилегии в институте видов наказания, в институте назначения наказания, в институте освобождения от ответственности и т.д.;

- по форме реализации следует выделять привилегии в виде предоставления дополнительных прав (например, права на отсрочку отбывания наказания при наличии ребенка) и в виде освобождения от какой-либо обязанности или перераспределения обязанности (привилегии в части сокращения минимально необходимого срока отбытия наказания при условно-досрочном освобождении для несовершеннолетних, привилегии подросткам в части уплаты штрафа);

⁹⁶ См.: Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – М., 1993.

- по субъектам, на которых распространяются привилегии, последние подразделяются на адресованные всем лицам, которые обладают тем или иным специфическим признаком (например, льготы для женщин, подростков, больных, предпринимателей и т.д.), и предназначенные для лиц, содействующих осуществлению правосудия, независимо от их социально-демографических и иных характеристик (таковы привилегии, установленные, к примеру, ст. 62 УК РФ);

- по характеру применения – условные, действие которых сопряжено с определенным условием (таковы, к примеру, привилегии, установленные ст. 82¹, ст. 90 УК РФ), и безусловные, результат реализации которых не ставится в зависимость от каких-либо условий и наступает непосредственно после начала их применения (таковы все предписания ст. 88 УК РФ);

- в зависимости от продолжительности действия – постоянные (таковы все привилегии в части ограничения видов и сроков наказаний для подростков, женщин, лиц пенсионного и иного, более старшего, возраста) и временные (например, отсрочка наказания на период беременности или до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста);

- в зависимости от основной функции привилегии могут быть разделены на привилегии-компенсации и привилегии-стимулы.

Предложенная классификация позволяет глубже проникнуть в сущность и механизм действия привилегий, систематизировать все их многообразие. Признавая ее значимость, наряду с ней стоит предложить и типологию привилегий. Как известно, типология в качестве особого метода научного познания предполагает расчленение систем объектов и их группировку с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. В отличие от классификации типология не предполагает жесткой и исчерпывающей дифференциации объекта, но она позволяет свести изучаемое многообразие в группы, наиболее удачные с точки зрения научного наблюдения.

В рамках исследуемой темы типология привилегий строится, исходя из формальных оснований их предоставления. Все привилегии связаны с особенностями личности и поведения виновного субъекта, но в структурном отношении они вполне отчетливо распадаются на три основных блока: привилегии, обусловленные социально-демографическими признаками (возрастом и полом), социально-биологическими признаками (состоянием здоровья и родом деятельности) и постпреступным поведением субъекта. Именно такой подход и будет положен в основу юридического анализа уголовно-правовых привилегий во второй главе диссертационного исследования.

§ 3. Привилегии и принципы российского уголовного права

Ранее нами было установлено, что привилегии представляют собой предусмотренные законом социально оправданные изъятия из правового статуса лица, совершившего преступление, продиктованные началами гуманизма или утилитаризма. Уже в самом этом определении содержится указание на связь исследуемого юридического феномена с исходными началами уголовно-правового регулирования: равенства, законности, справедливости, гуманизма, которые позиционируются наукой и законом в качестве принципов уголовного права⁹⁷. Именно эта связь и станет предметом специального анализа в рамках настоящего параграфа.

Под принципом в праве понимается руководящая идея, основополагающее начало, отражающее сущность социально-правовой действительности и закрепляющее основные философские, нравственно-этические и социально-правовые положения, на которых строятся и формируются правовая доктрина, законотворчество, правоприменительная

⁹⁷ Оставим за рамками обсуждения вопрос о том, являются ли отмеченные идеи принципами права, закона или ответственности. Для познания темы он не имеет решающего значения. – См. по этому вопросу, напр.: Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 27–47.

практика и поведение людей⁹⁸. Таковыми идеями, пронизывающими сферу уголовного права, действующий УК РФ признает законность (ст. 3), равенство граждан перед законом (ст. 4), ответственность при наличии вины (ст. 5), справедливость (ст. 6) и гуманизм (ст. 7). Закрепление уголовно-правовых принципов непосредственно в тексте уголовного закона есть серьезное достижение правовой мысли и юридической техники. Значимо оно и для реализации последовательной уголовно-правовой политики, причем, что важно, и на правоприменительном, и на правотворческом уровнях. Как верно пишет В.В. Мальцев, «провозглашая указанные идеи-принципы, законодатель ... возлагает на себя обязанность воплотить их в уголовно-правовых нормах. Отсюда следует, что и после принятия Уголовного кодекса с законодателя не снимается обязанность изменить или отменить всякую норму при обнаружении ее несоответствия с этими принципами. Поэтому сфера действия этих принципов охватывает не только правоприменительный, но и законотворческий процесс»⁹⁹.

Учитывая это, представляется возможным, не углубляясь в практику реализации уголовно-правовых норм, на теоретическом уровне обсудить вопрос о том, насколько установленные уголовным законом привилегии для некоторых категорий граждан соответствуют основным, руководящим идеям уголовно-правового регулирования.

Должно быть очевидным, что сама постановка этого вопроса возможна лишь при условии, что привилегии понимаются как феномен права, как нечто, обладающее правовой природой. В предшествующем изложении мы не затрагивали этот вопрос. Между тем стоит заметить, что в науке на этот счет высказаны весьма острые и категоричные суждения. Так, если С.В. Поленина, А.В. Малько, И.С. Морозова просто пишут, что существование привилегий противоречит идее формирования правового государства и

⁹⁸ Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф.Р. Сундунова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. – С. 33.

⁹⁹ Мальцев В.В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 98–99.

подрывает, «торпедирует» принципы права¹⁰⁰, то В.А. Четвернин последовательно доказывает неправовую природу привилегий в целом. Исходя из положений либертарной концепции правопонимания, усматривающей в праве «равную меру», «равный стандарт», применяемый к объективно неравным субъектам, В.А. Четвернин доказывает, что социальное государство в целом и принимаемое им социальное законодательство, устанавливающее льготы и привилегии для социально слабых слоев общества, носят неправовой характер. Осуществляя такую политику, государство, по его мнению, действует вопреки праву, руководствуясь совершенно иными соображениями, связанными с гуманизмом, целесообразностью, справедливостью и т.д.¹⁰¹ И хотя сказанное не относится напрямую к привилегиям в области уголовного права, учитывая общий пафос авторской концепции, можно обоснованно предположить, что любые привилегии как отклонения от формального равенства не принадлежат к области права и являются, хотя, возможно, и обоснованными, но неправовыми феноменами.

Однако если привилегии существуют и, как показывает историко-правовой анализ, в той или иной форме существовали всегда и везде, возникает резонный вопрос об основаниях и природе соответствующих постановлений.

Если привилегии не являются правом (поскольку нарушают требования «равной меры»), но вне сомнений обладают свойством нормативности, то остается единственно возможным вариантом их теоретического обоснования – признать, как это делает В.А. Четвернин, что привилегии существуют благодаря наличию иных систем нормативной регуляции, прежде всего,

¹⁰⁰ Поленина С.В. Закон как средство реализации задач правового государства // Теория права: новые идеи. Вып. 3 / Редкол.: Завадская Л.Н., Малеин Н.С., Славин М.М. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. – С. 16; Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Известия вузов. Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 143–156.

¹⁰¹ Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2003. – С. 47.

благодаря морали. Но тогда, будучи последовательным, надо признать, что источниками уголовно-правового регулирования выступают не только правовые нормы, но еще и нормы морали. Далее при таком подходе возникает необходимость примирить наличную моральную регуляцию уголовно-правовых отношений с требованиями принципа законности. Выход только один – обосновать, что уголовный закон содержит в себе и правовые, и моральные нормы. Представляется, именно об этом говорит В.А. Четвернин, когда различает правовое законодательство и не относящееся к правовому социальное законодательство. Исключительно ссылками на нормативность привилегий оправдывает их наличие и И.М. Шапиро, когда пишет: «Законодатель, закрепляя ограничения, льготы и привилегии в нормах права, фактически отступает от принципа равноправия. Тем не менее, поскольку в основе юридического равенства, характерного для права в целом, остается правовая норма и формально определенный характер ее содержания, юридическое равенство не нарушается»¹⁰².

В итоге перед нами предстает явно или неявно оформленная позиция, с одной стороны, отрицающая правовую природу привилегий, а с другой стороны, оправдывающая их наличие в законе ссылками на моральные нормы и нормативность самих привилегий. В рамках этой позиции закон предстает как форма выражения и правовых, и неправовых социальных норм.

Полагаем, что серьезная критика таких рассуждений – удел специалистов в области общей теории права. Со своей стороны сделаем лишь несколько замечаний:

- признание возможности единой формы для выражения различных по природе своей сущностей вряд ли допустимо даже с позиций формальной логики, в связи с чем закон (в том смысле, какой в него обычно вкладывают юристы) может рассматриваться исключительно как форма выражения права, но не морали;

¹⁰² Шапиро И.М. Юридическое равенство как правовая реальность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2012. – С. 9.

- жесткое противопоставление права и морали, возможное и необходимое в некоторых ситуациях, все же не снимает вопроса о моральном (нравственном) содержании тех или иных правовых норм, эти две соционормативные системы относятся к числу перекрещивающихся;

- наличие у правовой нормы морального основания, ее обусловленность нравственными представлениями общества, не меняет и не может изменить правовой природы этой нормы.

Таким образом, мы можем признать несостоятельным тезис о привилегиях как о неправовом, но морально-нравственном социальном феномене. С позиций нормативного правопонимания (легизма) специальные доказательства здесь не требуются. При отождествлении права и закона любая отраженная и зафиксированная в законе идея становится идеей правовой, становится собственно правом. Как указывает в связи с этим Е.В. Тилежинский, «привилегии и льготы, как определенного рода преимущества, находят свое выражение в праве и, как следствие, с объективной точки зрения не могут иметь противоправную природу»¹⁰³. Достаточно свидетельств в пользу правовой природы установленных в законе привилегий предоставлено и самой либертарной концепцией правопонимания. Признавая право «равной мерой», ее сторонники усматривают в этой «мере» не чистое равенство между деянием и воздаянием, а равенство, скорректированное с учетом биологических и социальных различий субъектов права. В этом случае система привилегий и льгот выступает необходимым элементом обеспечения равенства правовых субъектов, гарантируя им равные стартовые возможности для удовлетворения гарантированных правом интересов¹⁰⁴.

¹⁰³ Тилежинский Е.В. Равенство как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – С. 14.

¹⁰⁴ См.: Лапаева В.В. Содержание формального принципа правового равенства // Права человека и современное государственно-правовое развитие: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Светланов. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2007. – С. 153–154.

Итак, будем считать установленным, что *привилегии обладают правовой природой, и предусмотренные уголовным законом привилегии в реализации ответственности отдельных категорий граждан являются частью уголовного права, элементом устанавливаемого и поддерживаемого им общественного и правового порядка.* Такой вывод, тем не менее, следует рассматривать не столько в качестве итога, сколько в качестве исходной точки в анализе вопроса о соответствии привилегий принципам уголовного права.

При этом важно сделать одну оговорку теоретического характера. В уголовно-правовой литературе распространенной является точка зрения, согласно которой привилегии представляют собой нарушение одних принципов права (в первую очередь, принципа равенства), оправданное требованиями иных принципов. Так, В.Д. Филимонов «исключает» из сферы действия принципа равенства в уголовном праве несовершеннолетних¹⁰⁵, А.Н. Игнатов и А.Г. Кибальник исключением из принципа равенства признают особый порядок привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц (депутатов, консулов, судей и др.)¹⁰⁶, С.С. Пирвагидов в качестве отступления от принципа равенства приводит особые правила ответственности, предусмотренные в УК РФ для несовершеннолетних, женщин, лиц, достигших пенсионного возраста, лиц, пользующихся иммунитетом, должностных лиц, лиц, выполняющих определенные функции¹⁰⁷. При этом, В.В. Мальцев и В.А. Андриенко полагают, что основанием, которое обуславливает установление различных льгот и преимуществ в сфере реализации уголовной ответственности,

¹⁰⁵ Филимонов В.Д. Принцип равенства граждан перед законом в уголовном праве // Уголовное право в XXI веке: матер. междунар. науч. конф. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 226.

¹⁰⁶ Уголовное право России: учебник для вузов. – В 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Норма, 1999. – С. 11; Уголовное право. Практический курс. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Р.А. Адельханяна, под науч. ред. А.В. Наумова. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 12.

¹⁰⁷ Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран-участниц Содружества Независимых Государств: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002. – С. 144.

является принцип гуманизма¹⁰⁸, а С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев пишут, что отступления от формального равенства при реализации ответственности объясняются принципом справедливости, «применение которого при избрании меры уголовно-правового воздействия позволяет учесть индивидуальные особенности конкретного случая и лица, совершившего конкретное преступление»¹⁰⁹. О том, что именно принцип социальной справедливости требует установления в отдельных случаях определенных изъятий из принципа равноправия граждан, пишет и А.В. Малько¹¹⁰; А.Ф. Колодий вовсе объявляет правовой принцип справедливости «главным виновником» заложенных в законе «оснований для неравенства»¹¹¹.

Теоретическим фундаментом таких рассуждений, как представляется, служит неверное представление о том, что принципы уголовного права, при всей их значимости, не являются системным и непротиворечивым образованием, воздействующим на всю область уголовно-правового регулирования. По этому поводу В.Т. Томин прямо пишет: «Принципы уголовной ответственности, сформулированные в ст. 3–7 УК, при воздействии их на конструирование более частных норм или в конкретных случаях правоприменения могут вступать в противоречие как друг с другом, так и с поименованными в ст. 2 задачами УК. Способом разрешения этих противоречий выступает компромисс, конструируемый в случае принятия новых норм законодателем, а в конкретных случаях правоприменения – судьей, следователем, прокурором, дознавателем»¹¹². В.А. Андриенко, хотя и

¹⁰⁸ Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2001. – С. 138; Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин: дис. ... канд. юрид. наук. – Пятигорск, 2007. – С. 43–46.

¹⁰⁹ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М.: Наука, 1988. – С. 88.

¹¹⁰ Малько А.В. Льготы в праве: общетеоретический аспект // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 41.

¹¹¹ Колодий А.Ф. Социальная справедливость и ее проявления через отношения равенства и неравенства: теория, уроки государственно-административного социализма, перспективы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1992. – С. 7.

¹¹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин. – М.: Юрайт, 2002. – С. 22.

критикует эту позицию, тем не менее, заключает в итоге, что каждый принцип уголовного права имеет строго определенный участок правового воздействия¹¹³.

Полагаем, что сама постановка вопроса о возможных противоречиях или ограничениях в сфере действия принципов уголовного права в корне не верна. Критикуя данную позицию, Н.А. Лопашенко верно указывает, что не может быть признана нормальной или рядовой ситуация, при которой принципы противоречат друг другу и задачам уголовного законодательства. Противоречивость закона, тем более в принципиальных положениях, означает его низкое качество¹¹⁴.

Согласимся с этим авторитетным мнением. Действительно, если какое-либо положение или идея претендует на статус отраслевого принципа права, она должна пронизывать собой и подчинять себе все содержание правовых норм и практику их применения. Кроме того, эта идея должна предполагать системное единство с иными принципами права, которое, в свою очередь, по точному выражению Э.Л. Сидоренко, исключает «подгонку» содержания одного требования к другому¹¹⁵. В противном случае она не может и не должна иметь принципиального значения для всей отрасли.

Принимая во внимание эти теоретические посылки, в исследовании вопроса о соответствии привилегий принципам уголовного права основное внимание стоит уделить проблеме их согласования с принципом равенства граждан перед законом, учитывая, что привилегии расцениваются, как правило, в качестве исключения из этого принципа.

Дело в том, что если признать привилегии исключением из требований равенства, но при этом соглашаться с их наличием в тексте закона, то это с

¹¹³ Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин: дис ... канд. юрид. наук. – Пятигорск, 2007. – С. 51.

¹¹⁴ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 164.

¹¹⁵ См.: Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 107.

необходимостью потребует пересмотра и уточнения некоторых важных положений теории уголовного права. В частности, это заставит принять одно из двух возможных теоретических решений: либо отказать равенству в статусе принципа уголовного права, либо признать привилегии неправовым включением в закон. Только при таких методологических предпосылках можно будет оправдать сам факт наличия привилегий в тексте уголовного закона.

Надо признать, что такие решения встречаются в науке. О допущении неправовой природы привилегий мы писали ранее и пришли к выводу о несостоятельности самой этой идеи. Что касается исключения равенства из перечня уголовно-правовых принципов, то и такие высказывания присутствуют в литературе. В частности, Н.А. Лопашенко пишет (хотя и очень осторожно), что, учитывая многочисленные изъятия из принципа равенства, имеет смысл отказаться от его провозглашения в уголовном законодательстве¹¹⁶. Более категоричен Н.Г. Иванов, когда указывает, что «этот принцип в рамках уголовного закона предстает не только как декларативный, но и явно излишний, поскольку дублирует принципы законности и виновной ответственности, создавая, прямо скажем, вредную иллюзию вуалирования истинного равенства всех перед УК»¹¹⁷. Считает нецелесообразным закрепление принципа равенства в уголовном законе и Т.Р. Сабитов¹¹⁸.

Однако нам представляется, что такие предложения вряд ли могут быть поддержаны. Полагаем, в этом вопросе правда в большей степени на стороне Ю.Е. Пудовочкина, который указывает, что «в обществе, претендующем на то, чтобы быть (или считаться) демократическим и правовым, речь

¹¹⁶ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 212; Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право: учебное пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 56.

¹¹⁷ Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – С. 20.

¹¹⁸ Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 156–157.

необходимо вести не об исключении начал равенства в регулировании правовых отношений, а напротив, о повсеместном их укреплении и корректировке уголовного права в направлении последовательного соблюдения принципа равенства граждан»¹¹⁹. На наш взгляд, принцип равенства является не просто идеей, пронизывающей ту или иную отрасль права или право в целом. Это фундаментальное требование, продиктованное всем предшествующим опытом развития права, а также современными международно-правовыми и конституционными установками; требование, которое отражает природу права, его сущность. В отличие от всех иных соционормативных систем, которые допускают регуляцию на началах неравенства людей, и уже поэтому не могут претендовать на статус универсальных и всеобщих, именно право предполагает равенство субъектов правового общения, создает равные условия и единые последствия тех или иных поступков. Равенство – это и принцип, и категория, и задача, и содержание права, а потому принцип равенства в уголовном праве должен быть не только сохранен, но и надежно гарантирован.

Однако если признавать правовую природу привилегий и поддерживать статус правового принципа за идеей равенства граждан, то требуется решить весьма непростую интеллектуальную задачу – согласовать привилегии с принципом равенства¹²⁰.

В современной уголовно-правовой литературе этот вопрос решается обычно за счет ограничительного толкования самого принципа равенства. В

¹¹⁹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 113.

¹²⁰ Стоит заметить, что в науке иногда недооценивается масштабность и значимость этой проблемы. К примеру, А.А. Примаченок, рассуждая о содержании принципа равенства граждан перед законом, пишет, что в законе «иногда предусмотрены особенности ответственности должностных лиц (чаще более строгие), лиц женского пола (неприменение смертной казни и др.), но это существенно не влияет на общую тенденцию». – См.: Примаченок А.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть. 7-е изд., изм. и доп. – Минск: Молодежное, 2010. – С. 7.

Полагаем, что «существенность» влияния в данном случае явно занижена. Об этом свидетельствует, прежде всего, содержание уголовного закона, а также основные тенденции его развития.

одной из первых специальных монографий по проблемам принципов уголовного права С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев писали: «Марксистская концепция различает две формы равенства – формальное (или юридическое) и фактическое (или социальное). Уголовно-правовой принцип равенства граждан перед законом имеет в виду закрепление юридического равенства, т.е. равноправия граждан. Смысл этого юридического аспекта в данном случае состоит в том, чтобы обеспечить равную для всех граждан обязанность понести ответственность за совершение преступления, вид и размер которой предусмотрен уголовным законом. Уголовно-правовой принцип равенства отражает ту характерную черту права, которая отличает его как «равную меру», «одинаковый масштаб». Что касается фактического равенства, то его достижению в сфере уголовного права служат другие уголовно-правовые принципы, и в частности принцип справедливости». И далее: «В широком смысле равенство граждан в сфере уголовного права обеспечивается практическим осуществлением в законодательстве и правоприменительной деятельности двух уголовно-правовых принципов – принципа равенства граждан перед законом и принципа справедливости ответственности»¹²¹.

Такой подход, с одной стороны, может рассматриваться как продолжение высказанной еще П.А. Фефеловым идеи, согласно которой равенство граждан, не составляя самостоятельного уголовно-правового принципа, выступает, тем не менее, важным компонентом принципа неотвратимости ответственности¹²². С другой стороны, он стал основой для одновременного позиционирования равенства в качестве отдельного принципа, но имеющего ограниченное содержание.

Именно такой подход можно считать в отечественной науке традиционным. «Принцип равенства граждан перед уголовным законом

¹²¹ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. - М.: Наука, 1988. – С. 88, 89.

¹²² Фефелов П.А. Понятие и система принципов советского уголовного права. – Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1970. – С. 98.

предполагает равенство оснований для уголовной ответственности и ее неотвратимость», – пишет Т.В. Кленова¹²³. Р.Р. Галиакбаров вторит: «Принцип равенства перед законом при разрешении уголовных дел проявляется только в одном – все лица, совершившие преступления, одинаково подлежат уголовной ответственности»¹²⁴. «Сущность принципа равенства перед уголовным законом заключается в равной для всех обязанности нести ответственность за совершенное преступление», – заключает И.Э. Звечаровский¹²⁵. «Равная для всех обязанность нести уголовную ответственность за совершение преступления составляет сущность рассматриваемого уголовно-правового принципа», – дословно воспроизводит мысль И.А. Волошин¹²⁶. Все лица, независимо от каких бы то ни было обстоятельств, в равной степени подлежат уголовной ответственности в случае нарушения обязанности по воздержанию от совершения преступления, – раскрывает равенство в уголовном праве И.С. Семенова¹²⁷. «Принцип равенства в уголовном законодательстве – это отражение конституционного принципа равноправия, который выражен в формальном (юридическом) равноправии», – формулирует свою позицию Н.Н. Бабаян¹²⁸.

Нет нужды продолжать перечень цитат. Общая позиция вполне понятна: содержательная часть принципа равенства ограничена сферой оснований и критериев ответственности и не включает в себя определение

¹²³ Кленова Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. – 1997. – №1. – С. 56.

¹²⁴ Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 1999. – С. 17.

¹²⁵ Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 50.

¹²⁶ Волошин И.А. Принцип равенства граждан в уголовном праве: сравнительный анализ законодательства Украины и России // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – Т. 25 (64). – 2012. – № 2. – С. 196.

¹²⁷ Семенова И.С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – С. 8.

¹²⁸ Бабаян Н.Н. Реализация принципа равенства перед законом в Российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 7.

содержания и объема ответственности. Поэтому привилегии в уголовном праве не противоречат принципу равенства, напротив, они согласуются с ним в той мере, в какой эти привилегии распространяются на всех поименованных в соответствующих нормативных предписаниях лиц. Отчетливо эта мысль выражена Ю.И. Ляпуновым и А.Ф. Истоминым, которые указывают, что исследуемые нами положения уголовного законодательства «ни в коем случае не противоречат конституционному принципу равенства граждан перед законом, ибо право всего лишь равный масштаб оценки аналогичных поступков, которые, однако, совершаются разными людьми, действующими в разных жизненных ситуациях и при несовпадающих обстоятельствах»¹²⁹.

При всей привлекательности и широкой распространенности изложенной позиции, полагаем, что *оправдывать наличие привилегий в уголовном праве ограничительным толкованием принципа равенства не вполне правильно с методологической точки зрения*. Честнее отказаться от этого принципа (Н.А. Лопашенко, Н.Г. Иванов, Т.Р. Сабитов), чем подводить принципиальное положение закона под его отдельные, частные предписания.

На наш взгляд, объем требований принципа равенства не должен искусственно ограничиваться в отраслевых уголовно-правовых исследованиях. Общая теория права трактует равенство граждан перед законом и судом как равный правовой статус всех субъектов¹³⁰; конституционное право, разграничивая равноправие и равенство, понимает под равенством полное совпадение всего комплекса прав и обязанностей у всех лиц¹³¹. Существенных оснований к тому, чтобы исказить эти требования, в уголовном праве нет, а потому задача согласования привилегий с требованиями равенства становится еще более актуальной и значимой.

¹²⁹ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, КноРус, 1997. – С. 51.

¹³⁰ Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – С. 322. Автор – А.Н. Головистикова.

¹³¹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и факультетов. – М.: Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 170.

Попытки ее решения встречаются в литературе не так часто. В основном, как было показано, специалисты оправдывают привилегии принципами гуманизма и справедливости при одновременном ограничительном толковании требований равенства в уголовном праве. Между тем некоторые суждения уже озвучены.

Так, А.И. Бойцов, различая формальное (юридическое) и фактическое (социальное) равенство, пишет: «Учет этого обстоятельства неизбежно приводит к мысли, что зачастую требование формального равенства обращено к фактически неравным людям. Стало быть, уголовный закон, предоставляющий некие преференции той или иной категории лиц, вошел бы в противоречие с принципом равенства в его формальном аспекте. Однако в аспекте материальном принцип равенства должен сопрягаться с «социальным» характером уголовного права, компенсирующим фактическое неравенство при посредстве закрепляющих привилегии норм»¹³².

К сожалению, автор не пошел в своих рассуждениях дальше и не определил механизм такого согласования. Кстати, не совсем понятна и суть задачи, что требуется: согласовать правовой и социальный характер уголовного права или согласовать в рамках права формальный и материальный аспекты равенства.

Более точна и конкретна в своих аргументах А.Ю. Лактаева. Она пишет, что запрет на личные уголовно-правовые привилегии не исключает возможность законодательного установления привилегий для категорий лиц. И далее: «Изыятия из принципа равенства перед уголовным законом, прежде всего, соответствуют принципам справедливости и гуманизма. Вместе с тем, привилегии и иммунитеты не являются основанием для отказа от принципа равенства, так как они направлены на то, чтобы формальное равенство приблизить к фактическому равенству для категорий лиц, нуждающихся в усиленной правовой защите, либо в ответ на позитивные постпреступные

¹³² Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Изд-во Юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. – С. 89 – 90.

действия участников преступления, а также в соответствии с нормами морали»¹³³.

Эти верные тезисы, как представляется, нуждаются в более развернутом анализе и обосновании.

Исходной точкой должно стать априорное утверждение о том, что в реальной жизни нет и не может быть одинаковых людей, одинаковых жизненных ситуаций, одинаковых преступлений. Жизнь многообразна во всех своих проявлениях. Более того, реальное фактическое равенство является противным человеческой природе, а его достижение, если таковое было бы возможно, заметно обеднило бы человеческое существование, сделало его монотонным, абсолютно предсказуемым и, что особенно важно, несправедливым, поскольку фактическое равенство нивелирует естественные различия, блокирует человеку возможность полноценно использовать свои ресурсы и свой талант. Фактическое равенство всегда на деле выливается в уравниловку, а следовательно и в игнорирование ценности личности, пренебрежение ею. Вот почему фактическое равенство противоречит самой идее права, в центре которой стоит человек. «Любые попытки заменить формальное равенство «реальным (фактическим) равенством», – пишет М.Н. Козюк, – ведут, в конце концов, к отказу от равенства вообще, так как подразумевают отказ от правовой формы регулирования общественных отношений»¹³⁴.

Сознавая, что фактическое равенство не может быть отражено в праве, полагаем, тем не менее, что право предстает в качестве особой сферы общественных отношений, в которой люди позиционированы как равные; им гарантированы равное отношение, равные условия для деятельности, равное воздаяние за ее результаты, равная ответственность. Право признает фактическое неравенство, исходит из него, но все же оно не консервирует, не

¹³³ Лактаева А.Ю. Принцип равенства перед законом, его реализация при назначении наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2010. – С. 8, 12.

¹³⁴ См.: Козюк М.Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования: учебное пособие. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 14.

закрепляет, не поддерживает его. Напротив, оно искусственно создает «пространство равенства». В этом отношении право не совпадает с социальной действительностью. Оно может быть сравнимо с искусственно моделируемой системой, в которой конструируется возможная действительность, основанная на началах равенства всех субъектов социального взаимодействия. Искусственность выражается в том, что реальная личность в сфере права подменяется правовым статусом, совокупностью прав, обязанностей и ответственности. Такая система встраивается в реальное общество посредством правоотношений и правоприменения, она призвана скорректировать, изменить это общество в соответствии с его стандартами и идеалами. Суть правового регулирования, таким образом, состоит в том, чтобы внедряя и утверждая начала равенства, создать равные условия и гарантии каждому человеку для полноценной реализации личностного потенциала.

Создавая правовой статус личности, моделируя возможную и желаемую реальность, право, как было сказано, не может игнорировать реальных различий между людьми, а потому в целях создания равных правовых статусов оно вынуждено ограничивать возможности одних и, напротив, усиливать возможности других людей. Такие ограничения и привилегии (льготы) являются необходимым компонентом в механизме создания и поддержания равных правовых статусов, они «работают» на принцип равенства. Можно полностью поддержать Д.Е. Зайкова, который в связи с этим пишет: «законное неравенство представляет собой механизм преодоления фактического неравенства, а также установления правовых ограничений посредством применения правовых способов выравнивания (ограничения) правового положения субъектов правоотношений, обусловленных объективными обстоятельствами (например, пол, возраст, уровень образования, занимаемая должность) и соответствующих существу регулируемых отношений, который направлен на реализацию принципа

социальной справедливости и обеспечение исполнения важнейших функций общества и государства»¹³⁵.

При таком подходе точка зрения на привилегии и льготы смещается. Они рассматриваются не как изъятия из принципа равенства, не как внеправовой феномен, обусловленный началами гуманизма и справедливости, а как неотъемлемая часть права, как элемент создаваемого правом механизма, который направлен на то, чтобы обеспечить равенство всех участников правоотношений. Привилегии, таким образом, не подрывают, но создают равенство в праве.

Такой подход в полной мере согласуется с пониманием равенства, которое выработано в трудах В.С. Нерсесянца. Он писал, что право как равная мера означает «не только всеобщий масштаб свободы и единую для всех норму правовой регуляции, но также и соблюдение эквивалента, соразмерности и равномерности в отношениях между субъектами права»¹³⁶. Правовое равенство в его трактовке не есть «чистое» равенство между деянием и воздаянием за него, это есть равенство, скорректированное с учетом естественных различий субъектов права, с тем, чтобы обеспечить им равенство возможностей в использовании своих прав.

Применительно к сфере уголовного права и привилегий в реализации уголовной ответственности возникает закономерный вопрос о том, что именно уравнивает законодатель, предоставляя те или иные преференции. В ответе на него следует различать характер, основания и механизм самих привилегий. В предшествующем изложении было установлено, что часть привилегий продиктована гуманистическими соображениями, часть – утилитарными. Эти виды привилегий отчетливо коррелируют с разработанными в общей теории права представлениями о компенсаторной функции привилегий. В.В. Лапаева, развивая идеи В.С. Нерсесянца, пишет,

¹³⁵ Зайков Д.Е. Правовое (формальное) равенство и законное неравенство в современных условиях // Saldo.ru: бухгалтерский сервер. – URL: http://saldo.ru/article.ru.html?pub_id=9541 (дата обращения: 18.04.2014).

¹³⁶ Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 1999. – С. 30.

что компенсаторно-правовой характер преимуществ означает, что они являются компенсацией либо личных усилий человека, затраченных на получение социально полезного результата, либо уязвимости его статуса¹³⁷.

В ситуации, когда уголовный закон предоставляет привилегии для лиц, предпринявших позитивные постпреступные действия, направленные на минимизацию и возмещение причиненного ущерба, сотрудничество с государством на уровне расследования и предупреждения преступлений, привилегии состоят в компенсации затраченных усилий. Единственное, что необходимо учитывать в данном случае, это тот факт, что уголовное право – по сути своей, карательная отрасль права, а потому компенсации в ней не могут носить «прибавочного» характера. Государство не создает какой-либо награды, дополняющей ответственность виновного лица. Привилегии носят, если будет допустимо так выразиться, «отрицательный» характер. Они не прибавляют что-либо, а напротив, уменьшают объем того, что уже есть у субъекта, уменьшают объем его ответственности.

Такой механизм сопрягается с принципом равенства двояким образом:

- во-первых, уголовное право не создает препятствия для кого бы то ни было в совершении позитивных постпреступных действий и получении на этой основе привилегий (другое дело, что одни и те же действия могут создавать различные по объему привилегии в зависимости от тяжести совершенного преступления: для лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести позитивные постпреступные действия могут стать основой для освобождения от ответственности, для иных – основой для смягчения наказания);

- во-вторых, компенсируя посредством уменьшения объема правоограничений позитивные действия субъектов преступлений, государство фактически (хотя, вероятно, и не стремится к этому сознательно) «подтягивает» статус правонарушителя к статусу законопослушного

¹³⁷ Лапаева В.В. Содержание формального принципа правового равенства // Права человека и современное государственно-правовое развитие: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Светланов. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2007. – С. 140.

гражданина, уравнивает (в известных пределах, естественно) эти статусы, также способствуя обеспечению равенства всех участников общественной жизни.

Несколько иная ситуация складывается, когда привилегии носят подчеркнуто гуманистический характер. Вопрос о равенстве здесь должен решаться иначе. Традиционная позиция, согласно которой привилегии исключают равенство в определении объема ответственности, основывается, на наш взгляд, на столь же традиционном понимании самой ответственности как принимаемых государством в отношении правонарушителя мер. В этом случае, действительно, меньшее количество и качество правоограничений в отношении отдельных категорий граждан свидетельствует о нарушении равенства. Однако такой взгляд на ответственность может быть и, вероятнее всего, должен быть скорректирован. Он не учитывает крайне важного социально-психологического аспекта уголовной ответственности, ее субъективной составляющей.

О необходимости различения объективного и субъективного в уголовной ответственности пишет З.А. Астемиров. Он отмечает: «Понятие уголовной ответственности в широком смысле определяется, исходя из двух начал: объективного и субъективного. Объективное начало ... содержит исходящее от высшей инстанции в обществе (государства) веление и императивное требование, жесткое правило, сопряженное с угрозой суровой санкции, с одной стороны, учинение строгого спроса и взыскательности, отрицательную оценку и порицание, осуждение и наказание, с другой стороны. Субъективное начало уголовной ответственности предполагает осознание правосубъектными лицами этой объективной реальности»¹³⁸. Такой подход позволяет автору акцентировать внимание на субъективных предпосылках и субъективном восприятии ответственности виновным лицом, рассмотреть ответственность как свойство личности и как ее

¹³⁸ Астемиров З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания: учебное пособие. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2000. – С. 17.

реальные переживания по поводу предпринимаемых государством правоограничительных мер. З.А. Астемиров формулирует важный в контексте нашего исследования вывод: «по мере формирования, социализации личности, по мере ее зрелости, расширения кругозора и свободы та или иная форма ответственности, тот или иной ее уровень становится человеку внутренне присущей, а соответственно с этим и посильной «ношей»¹³⁹.

Последнее принципиально важно: ответственность в ее объективном выражении (как мера правоограничений), будучи неодинаково воспринимаемой разными людьми, может составлять для них посильную либо непосильную «ношу». Такой взгляд удачно согласуется с теорией Н. Кристи о наказании как о «боли» и о применении наказания как о «раздаче боли»¹⁴⁰. Ответственность в целом вполне может рассматриваться как преднамеренное причинение боли и ее переживание виновным субъектом.

При таком подходе должно быть очевидным, что при равном объеме «раздаваемой боли», уровень ее восприятия и переживания, уровень тяжести возлагаемой «ноши» будет далеко неодинаковым у людей, обладающих различными физиологическими, социальными признаками. Объем боли, которую человек способен перенести, всегда соответствует свойствам и качествам этого человека. Когда он превышает некоторый порог, вполне могут возникнуть необратимые последствия в виде личностной деградации или даже физического уничтожения. Следовательно, объем раздаваемой государством боли должен быть не выше того, какой способен перенести субъект.

Переводя сказанное на язык математики, можно вывести формулу коэффициента переживания боли в виде отношения объема причиняемой боли к возможностям человека. Чем выше объем причиняемой боли и меньше возможности человека ее пережить, тем значение коэффициента

¹³⁹ Там же. – С. 26.

¹⁴⁰ См.: Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я.И. Гилинского. – СПб.: Алетейя, 2011.

выше; и наоборот: чем меньше объем боли и выше возможности человека, тем показатель коэффициента ниже.

Представляется важным заметить, что, по нашему убеждению, представленный коэффициент носит характер константы, его параметры одинаковы у самых разных людей. Это своеобразное число π , которое, вероятно, характеризует саму природу человека.

Исходя из этого, надо заключить, что раздавая боль и привлекая виновных к уголовной ответственности, государство, если оно ставит человека в качестве мерила собственной деятельности, должно гарантировать эту константу, должно обеспечить незыблемость коэффициента переживания боли каждому лицу, находящемуся в сфере его юрисдикции, для того чтобы гарантировать сохранность человеческой природы.

Математика предлагает, пожалуй, единственный вариант создания такого механизма. Принимая во внимание объективно неравные возможности людей пережить причиняемую боль и перенести бремя ответственности, государство и право в стремлении сохранить коэффициент переживания боли в каждом конкретном случае, а следовательно и обеспечить равный подход к определению ответственности граждан, должны предусмотреть возможность сокращения боли и уменьшения объема правоограничений. При пропорциональном сокращении числителя и знаменателя в описанной ранее формуле значение коэффициента будет неизменным.

Именно на сокращение объема ответственности и объема «раздаваемой боли» и направлены привилегии, предусмотренные в законе для несовершеннолетних, женщин, лиц пенсионного и, иного, более старшего возраста. Вводя для этих категорий ограничения объемов ответственности, уголовное право обеспечивает равенство граждан в объемах переживаемой ими боли и страданий. Сокращение объективного выражения ответственности (конкретных правоограничений) обеспечивает соблюдение равенства субъективного, социально-

психологического аспекта ответственности. Таким образом, и в ситуации с гуманистически обусловленными привилегиями равенство граждан (если иметь в виду равенство субъективных аспектов уголовной ответственности) не нарушается, но напротив, гарантируется.

Сказанное позволяет заключить, что привилегии в уголовном праве, будучи по природе своей исключительно правовыми образованиями, не противоречат принципу равенства не только в его ограничительной отраслевой трактовке, но и в общетеоретическом понимании. Они ориентированы на то, чтобы обеспечить равенство в социально-психологическом восприятии ответственности неравными субъектами, а также на то, чтобы стимулировать субъектов к социально полезной деятельности. В этом отношении привилегии компенсируют и неравные возможности в переживании бремени ответственности, и усилия, затраченные виновным лицом на достижение социально полезного результата.

Гарантирующие равенство и соответствующие принципу равенства привилегии достаточно органично сочетаются и с иными принципами уголовного права: гуманизмом, справедливостью, законностью. Этот вопрос весьма неплохо исследован в отечественной литературе, а потому, на наш взгляд, нет особой необходимости уделять ему дополнительное внимание в рамках настоящей диссертации. Остановимся лишь на одном его аспекте, который до настоящего времени ускользал от внимания отраслевых специалистов. Речь идет о социальной обоснованности привилегий. Значимость этой проблемы подчеркивается, прежде всего, тем, что обоснованность привилегий тесно связана с гуманизмом и справедливостью. Соответствие привилегий этим принципам делает их обоснованными и, наоборот, обоснованность привилегий делает их справедливыми и гуманными. Наконец, только обоснованность, гуманизм и справедливость придают тем или иным исключениям из правового статуса личности характер правовых и тем самым обеспечивают режим законности.

Важность социального обоснования привилегий и льгот давно осознана общей теорией права. «Оценивая социальную сущность привилегий, – пишет С.Ю. Суменков, – было бы точнее пользоваться такими понятиями, как обоснованность и целесообразность»¹⁴¹. Развивает мысль Е.Н. Бырдин: «Исключения из принципа равноправия (льготы, привилегии, ограничения и т.д.) должны быть социально оправданными. В противном случае, это подрывает демократические основы общественной и государственной жизни»¹⁴².

Общие требования к социальной обоснованности привилегий сформулированы Конституционным Судом РФ, который в одном из постановлений указал: «Любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться законодателем с соблюдением требований Конституции РФ, в том числе вытекающих из принципа равенства (ч. 1, 2 ст. 19), в силу которых различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им. Соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях)»¹⁴³.

¹⁴¹ Суменков С.Ю. Привилегия как политико-правовая категория // Право и политика. – 2002. – № 5. – С. 65–66.

¹⁴² Бырдин Е.Н. Правовое равенство граждан и его обеспечение в Российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 9.

¹⁴³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации" (в ред. ст. 12 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации") в связи с запросом Верховного Суда

Анализ этой важнейшей правовой позиции позволяет прийти к выводу, что *обоснованность привилегий обеспечивается, как минимум, тремя конституционно значимыми признаками: объективностью, целесообразностью и соразмерностью*. Исходя из этого, в общей теории права аргументирована следующая формула: «правовые привилегии являются обоснованными и целесообразными лишь тогда, когда общественная полезность деятельности субъекта прямо пропорциональна привилегиям, которыми он обладает»¹⁴⁴. Не оспаривая этого вывода по существу, полагаем, что применительно к сфере уголовно-правового регулирования он справедлив лишь в части и не может объяснить наличия всех привилегий в уголовном законе.

Действительно, там, где привилегии продиктованы утилитарными соображениями наилучшего, оперативного и наименее затратного достижения задач уголовного права, объем преференций является (должен являться) пропорциональным тем позитивным постпреступным действиям, которые выполнил виновный. Основная проблема в этом случае состоит в том, чтобы определить содержание целей и задач уголовно-правового воздействия применительно к той или иной конкретной ситуации. Должно быть очевидным, что в каждом отдельном случае соотношение этих задач, их приоритетность могут варьироваться. Одно дело, когда требуется определить необходимый объем уголовно-правового воздействия в отношении лица, возместившего вред потерпевшему и искренне раскаявшегося в содеянном, другое дело, когда надо установить меру воздействия в отношении лица, виновного в тяжком преступлении и обладающего туманными перспективами в части исправления. Конечно, социальная практика еще не изобрела весы для точного измерения степени соответствия деяния и воздаяния. Многие в этой области носят оценочный, субъективный характер,

Российской Федерации и жалобой граждан М.Ш. Орлова, Х.Ф. Орлова и З.Х. Орловой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 26, ст. 2876.

¹⁴⁴ Суменков С.Ю. Привилегия как политико-правовая категория // Право и политика. – 2002. – № 5. – С. 65 – 66.

многое диктуется соображениями уголовной политики. Однако в качестве общей точки можно предложить следующее правило обоснования утилитарных привилегий: в той мере и объеме, в которых действия лица, совершившего преступление, способствуют достижению задач уголовного права, мера и объем государственного принуждения должны быть сокращены. Опять же используя математические выражения, сказанное можно представить формулой: $C = ДГ + ДВ$, где «C» – цель уголовно-правового воздействия, «ДГ» – действия государства по ее достижению, «ДВ» – действия виновного лица, предпринятые в этом направлении. Если цель – константное значение (а это так), то при увеличении значения одного слагаемого (действий виновного), значение второго (действий государства) должно пропорционально сокращаться.

При таком подходе наличие привилегий будет, на наш взгляд, вполне оправданно конституционными критериями. В рамках настоящей диссертации, полагаем, этих общих рассуждений достаточно. Хотя в действительности обоснование привилегий требует обсуждения еще одного серьезного вопроса – о содержании и целях уголовно-правового воздействия, поскольку очевидно, что именно от них будет зависеть содержание и объем предоставляемых привилегий. Учитывая самостоятельный характер этой научной проблемы¹⁴⁵, оставим ее за рамками предлагаемого анализа. Отметим лишь, что в нашем представлении основная цель уголовно-правового воздействия состоит в поддержании определенного существующего в обществе порядка, обеспечиваемого несовершенством

¹⁴⁵ См.: Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. – М., 2003; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004; Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. – М.: Норма, 2011; Бавсун М.В. Методологические основы уголовно-правового воздействия. – М.: Юрлитинформ, 2012; Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2013; Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие. – М.: Проспект, 2013; Жалинский А.Э. Избранные труды. – В 4 т. / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – Т. 2: Уголовное право; и др.

преступлений, и в его восстановлении в случае совершения преступления. Это предполагает сосуществование в уголовном праве карательных, восстановительных, социально-реабилитационных механизмов, различное сочетание и интенсивность которых определяются конкретной ситуацией.

Несколько иное обоснование требуется для оправдания конституционности привилегий, которые не обусловлены позитивной постпреступной деятельностью лица, совершившего преступление.

Начала уголовно-правового утилитаризма здесь исключаются по определению. Однако в науке было предложено считать, что некоторые из этих привилегий (в частности, установленные в отношении беременных женщин и лиц с детьми) также стимулируют позитивное постпреступное поведение виновных лиц, в частности связанное с надлежащим исполнением материнских и родительских обязанностей. В.А. Андриенко пишет, что «тот социальный эффект, который дает полноценная забота о ребенке (формирование социально адаптированной личности, укрепление института семьи, сокращение социального сиротства, безнадзорности и беспризорности и, в конечном счете, предупреждение преступности) значительно ценнее и существеннее того результата, которого можно достичь, обрушивая на женщину-мать всю мощь карательного потенциала уголовного закона»¹⁴⁶. Представляется все же, что использовать привилегии для достижения более широких, выходящих за уголовно-правовые рамки целей вряд ли допустимо. Это объясняется относительно узким и специфическим предметом уголовно-правового регулирования и прочным убеждением в недопустимости использования средств уголовного права в целях так называемой позитивной регуляции (то есть регуляции отношений, не связанных с совершенным преступлением). Стимулирование ответственного материнства и родительства – вполне благородная задача, однако решаться она должна средствами семейного, социального, жилищного, образовательного и иного

¹⁴⁶ Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин: дис. ... канд. юрид. наук. – Пятигорск, 2007. – С. 46.

законодательства. Уголовное право здесь ничего стимулировать не может и не должно.

Полагаем возможным поддержать точку зрения Т.Р. Сабитова, который пишет, что в рассматриваемых ситуациях «основанием для отступления от общего правила в сторону смягчения уголовной репрессии является не юридический, а нравственный критерий. Виновный не совершает какого-либо юридически значимого положительного поступка, но его положение улучшается за счет реализации социально-нравственных установок, господствующих в обществе, выражающихся в милосердном отношении к определенному кругу лиц»¹⁴⁷.

Вопрос о правовом, формально-юридическом закреплении нравственных нормативов общества является весьма непростым, особенно в области установления привилегий. С одной стороны, право исходит из начал равенства всех субъектов правоотношений, с другой стороны, как было установлено, закрепляет это равенство с учетом нравственных представлений общества о слабости и уязвимости тех или иных отдельных его членов, об их способности переносить бремя и тяготы уголовной ответственности, о необходимости щадящего применения к ним репрессивных мер.

Такие представления формируются в обществе исторически, медленно и постепенно (о чем свидетельствует историко-правовой и сравнительно-исторический анализ, предпринятый в первом параграфе); они несут на себе отпечаток той или иной эпохи и всегда ограничены во времени и пространстве. В современной России считается, что наиболее уязвимыми категориями населения являются дети, женщины, лица с ограниченными возможностями и престарелого возраста. Полагаем, что при всех высоких и правильных рассуждениях о равноправии мужчины и женщины, о необходимости равного подхода к больным и здоровым людям, о самостоятельности ребенка в качестве субъекта всех отношений и т.д.,

¹⁴⁷ Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 143–144.

объективные реалии таковы, что отмеченные категории граждан являются более слабыми в сравнении с так называемым «средним человеком», на которого собственно и рассчитана основная часть уголовно-правовых предписаний.

Отсюда конституционные стандарты привилегий должны наполняться особым содержанием. В частности, целесообразность и соразмерность привилегий будут определяться с учетом двух основных критериев: уже упоминавшейся ранее возможности переносить тяготы уголовной ответственности и достаточности предпринимаемых мер для исправления виновного, которая прямо пропорциональна степени общественной опасности личности и обратно пропорциональна величине ее позитивного потенциала. Последнее особенно важно. Схематично формулу достаточности можно изобразить следующим образом:
$$Д = \frac{\text{Общественная опасность личности}}{\text{Позитивный потенциал}}$$
.

Получаемый посредством деления коэффициент существенно корректирует общий подход к определению меры воздействия в отношении правонарушителя, а потому формула обоснования привилегий может звучать так: привилегии являются обоснованными, когда объем установленной с их учетом ответственности достаточен для достижения задач уголовно-правового воздействия.

Здесь надо учитывать, что позитивный потенциал личности, ее способности и возможности к исправлению, как правило, не зависят от тех критериев, на основании которых мы делаем вывод о возможности лица перенести тяготы уголовной ответственности. Пожалуй, только в отношении несовершеннолетних лиц в науке и на практике сложилось устойчивое представление о возможности установления привилегий лишь на основании одного возраста. Престарелый возраст, наличие заболеваний, принадлежность к женскому полу сами по себе еще не гарантируют того, что предпринимаемые в отношении соответствующих лиц меры воздействия должны быть ограничительными и привилегированными. Это объясняет тот

факт, что именно в отношении несовершеннолетних законом предусматривается наиболее развернутая система привилегий, применение которых не обуславливается какими-либо иными признаками и обстоятельствами. Да и степень влияния этих привилегий на объем ответственности значительно выше, нежели корректировка объема ответственности на основании иных гуманистических критериев.

Что касается целесообразности гуманистически обусловленных привилегий, то она объясняется, во-первых, сама собой, поскольку такие привилегии не только отражают гуманистические ориентиры общества, но и способствуют утверждению гуманистических начал в наиболее суровой сфере общественных отношений – в уголовном праве. Во-вторых, и это тоже крайне важно, целесообразность гуманистических привилегий определяется соображениями экономного расходования средств уголовной репрессии.

Таким образом, подводя итог исследованию вопроса о соответствии привилегий принципам уголовного права, можно заключить, что они находятся в системном единстве со всеми исходными положениями отрасли; отражают и обеспечивают равенство граждан, гуманизм и справедливость уголовно-правового регулирования; являются социально обоснованными и целесообразными с точки зрения оперативного и эффективного достижения задач уголовного права.

Глава 2. ВИДЫ ПРИВИЛЕГИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

§ 1. Привилегии, обусловленные социально-демографическими признаками виновного

Уголовно-правовая и криминологическая отрасли науки традиционно различают признаки личности, значимые для решения задач уголовно-правового регулирования и предупреждения преступлений. В криминологии, использующей понятие «личность преступника», последняя понимается в качестве важнейшего элемента механизма детерминации преступлений и объекта профилактического воздействия, в связи с чем и аспект в исследовании личности смещается в сторону признаков (социальных, психологических и др.), благодаря которым становится возможным совершение преступления. В уголовном праве личность человека представлена лишь теми признаками, которые имеют значение для установления и реализации уголовной ответственности. Так, согласно нормативным предписаниям статей 19 и 20 УК РФ, уголовной ответственности подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего (в некоторых, специально оговоренных случаях четырнадцатилетнего) возраста. Этот набор признаков получил статус признаков субъекта преступления как неотъемлемого элемента основания уголовной ответственности. Остальные признаки, исходя из которых происходит дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация уголовного наказания, объединены понятием «личность виновного» (ст. 60 УК РФ). Помимо признаков субъекта преступления оно включает некоторые дополнительные характеристики человека (пол, родительский статус, отношение к труду и т.д.), хотя при этом не поглощает собой понятие личности преступника.

Этот, в принципе, общеизвестный пассаж был необходим для того, чтобы очертить границы личностных характеристик человека, совершившего преступление, которые используются (или могут использоваться) в целях

установления привилегий в уголовном праве. Внимательный анализ положений уголовного закона показывает, что признаки личности, выступающие основанием привилегий, не поглощаются полностью ни одним из обозначенных понятий. В частности, в установлении привилегий участвуют не все признаки субъекта преступления (вменяемость), а признаки личности преступника (например, характер или психотип) не участвуют в установлении привилегий вовсе. Первые являются необходимым условием ответственности, тогда как вторые не имеют к определению объема ответственности никакого отношения. Не участвуют в установлении привилегий признаки, характеризующие индивидуальные особенности личности виновного. Они значимы для назначения наказания, но на их основе не могут создаваться специальные нормативные предписания. В противном случае это означало бы закрепление личных привилегий, что не согласуется с принципом равенства граждан перед законом.

Можно заключить, что в основе установления привилегий лежат некоторые признаки субъекта преступления (возраст) и некоторые признаки личности виновного. Эти признаки носят типологический характер в том отношении, что на их основе можно выделить, обособить некоторую социальную группу, заслуживающую привилегированного подхода к определению объема уголовной ответственности. Они являются предельно ясными, легко различимыми или устанавливаемыми, могут быть выражены языковыми средствами и зафиксированы в тексте нормативного акта.

Создать четкую классификацию или типологию таких признаков весьма сложно, прежде всего, по причине динамичности уголовной политики и законодательных представлений о необходимости введения привилегий для той или иной группы; кроме того, любая градация всегда условна и относительна. В рамках первой главы диссертации мы условились выделить привилегии, оправдываемые социально-демографическими, социально-биологическими и поведенческими характеристиками виновного лица.

Демографическая подструктура или демографические характеристики личности – объемная и сложная категория. Традиционно к демографическим признакам относят возраст, пол, размер и жизненный цикл семьи, количество детей. В криминологической науке социально-демографическая подструктура личности также раскрывается посредством описания пола, возраста, образования, социального положения, материальных и бытовых условий, принадлежности к городскому или сельскому населению¹⁴⁸. Эти признаки применяются наиболее часто, что обусловлено их однозначностью и доступностью характеристик.

Несложно заметить, что количество соответствующих признаков не является исчерпывающим, а их объем включает в себя и признаки, которые соотносимы с биологическими характеристиками человека, и признаки, имеющие собственно социальную природу. С тем, чтобы более четко разграничить признаки, обладающие различной природой (хотя и пол, и возраст в праве значимы не только с биологической точки зрения, но и с позиций их социального значения), позволим себе в этом параграфе выделить в рамки отдельной группы признаки, характеризующие половозрастную структуру населения, и оставим за ними наименование демографических признаков, сознавая в данном случае всю условность этого понятия.

Демографическими признаками личности виновного, которые выступают формальным основанием для установления уголовно-правовых привилегий, являются возраст и половая принадлежность.

Проблема возраста в уголовном праве относится к числу тех, которые традиционно привлекают повышенное внимание специалистов. При этом основной акцент в ее исследовании обычно делается на вопросах

¹⁴⁸ См.: Личность преступника / ред. кол.: В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 32; Кургузкина Е.Б. Учение о личности преступника. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. – С. 120, 124–125.

ответственности лиц, не достигших совершеннолетия¹⁴⁹; напротив, влияние на ответственность так называемой «верхней возрастной границы» (старческого, престарелого возраста) исследовано намного скромнее¹⁵⁰. Что касается связи половой принадлежности виновного и уголовной ответственности, то она изучается в аспекте особенностей установления и реализации мер уголовно-правового характера в отношении женщин¹⁵¹. Понятно, что в силу многоаспектности и объемности материала в рамках настоящей диссертации невозможно в полной мере и системно осветить все вопросы, связанные с половозрастными привилегиями в уголовном праве. В связи с этим позволим себе ограничиться лишь некоторыми, на наш взгляд, наиболее значимыми проблемами, которые вытекают, прежде всего, из рассмотренных ранее конституционных требований объективности, целесообразности и соразмерности привилегий.

Возраст начала уголовной ответственности

Вопрос о возрастных границах, по достижении которых лицо может подлежать уголовной ответственности, с точки зрения рассматриваемой нами темы имеет двойственное значение. С одной стороны, возраст как обязательный признак состава преступления входит в структуру основания уголовной ответственности. С этих позиций правовые последствия совершения общественно опасного деяния лицом, не достигшим возраста

¹⁴⁹ Пожалуй, невозможно перечислить даже самые основные работы, посвященные ответственности несовершеннолетних. В связи с этим позволим себе дать далеко неполный список авторов, внесших существенный вклад в разработку темы: В.А. Авдеев, З.А. Астемиров, М.М. Бабаев, В.М. Волошин, Г.С. Гаверов, Г.М. Миньковский, А.А. Примаченок, М.А. Скрыбин, В.Н. Ткачев и др.

¹⁵⁰ Наиболее известны работы: Боровых Л.В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1993; Разумов П.В. Криминологическая характеристика геронтологической преступности и меры ее предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005.

¹⁵¹ См., в частности: Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола в уголовном праве и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин: дис. ... канд. юрид. наук. – Пятигорск, 2007; Сергеева Е.Ю. Уголовная ответственность и наказание женщин по российскому законодательству: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006; Чернышкова Л.Ю. Уравнивающий и распределяющий аспекты справедливости в сфере уголовно-правовой охраны и ответственности женщин: дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2012.

уголовной ответственности, не принадлежат к области привилегий. Здесь решается проблема не объема ответственности, а самой возможности ее реализации. С другой стороны, возраст является признаком, на основании которого законодатель определяет границы определенной демографической группы, с тем чтобы в последующем сконструировать для нее специальные правила определения объема и содержания уголовной ответственности. С этих позиций возраст, вне сомнений, выступает основанием привилегий в уголовном праве.

В современном российском законодательстве установлено две начальные возрастные границы субъекта уголовной ответственности: шестнадцать и четырнадцать лет. Сам по себе этот факт не вызывает критических нареканий. В том, что возраст ответственности должен быть установлен на нормативном уровне, сегодня, пожалуй, никто не сомневается¹⁵². Однако проблемы и разногласия начинаются чуть позже, на этапе выбора самой возрастной планки ответственности. При этом в последние годы отчетливым трендом отечественной науки стала аргументация тезиса о снижении установленного в УК РФ возраста начала ответственности. Так, В.Г. Павлов, В.А. Галкин, М.И. Кольцов, М. Нурадель настаивают на установлении уголовной ответственности за некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления с тринадцати лет¹⁵³. Л.В. Боровых, Н.А. Селезнева, Н.Г. Андрюхин, Н.В. Сараев пишут о возможности снизить возраст уголовной ответственности за тяжкие и (или) особо тяжкие

¹⁵² Потенциально возможные иные решения этого вопроса, которые предлагались в науке XIX столетия, русскими учеными были решительно отвергнуты. – См. об этом: Добрынин Н.П. О влиянии юного возраста на преступную деятельность по данным русской уголовной статистики // Журнал министерства юстиции. – 1898. – № 3 (март). – С. 115.

¹⁵³ Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. – СПб.: Лань, 2000. – С. 35; Галкин В.А. Назначение наказания в виде лишения свободы лицам, совершившим насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления в несовершеннолетнем возрасте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – С. 11; Кольцов М.И. Особенности наказания несовершеннолетних (на примере практики судов Тамбовской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007. – С. 8; Нурадель М. Проблемы совершенствования законодательства об ответственности и индивидуализации наказания несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 8.

преступления против личности до двенадцати лет¹⁵⁴. А.А. Байбарин предлагает снизить минимальный возраст ответственности до одиннадцати лет¹⁵⁵. Основные аргументы исследователей при этом заключаются в значительном количестве и неблагоприятных тенденциях общественно опасных деяний, совершенных лицами до достижения четырнадцатилетнего возраста; отсутствии надлежащей реакции законодателя на подростковую девиантность; раннем взрослении современных подростков и их способности уже в 12–13 лет осознавать не только фактическое, но и социальное значение своего поведения; имеющемся позитивном опыте некоторых зарубежных стран. Проведенный нами опрос практикующих юристов подтвердил актуальность этого тренда: по мнению 68% специалистов, возраст начала ответственности может быть снижен.

С уважением воспринимая мнение коллег, все же позволим себе заметить, что озвучиваемые юристами предложения в определенной степени являются умозрительными, субъективными, продиктованы по преимуществу соображениями, тяготеющими исключительно к уголовной политике, и не основываются на результатах глубоких социально-психологических исследований. Между тем, в п. 4.1 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних¹⁵⁶, установлено, что «в правовых системах, в которых признается понятие возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних, нижний

¹⁵⁴ Боровых Л.В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1993. – С. 13; Селезнева Н.А. Ответственность несовершеннолетних по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 6 – 7; Андрухин Н.Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: состояние и перспективы развития. – М., 2004. – С. 115 – 120; Сараев Н.В. Общественно опасные деяния лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, как криминологическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 10.

¹⁵⁵ Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – С. 18.

¹⁵⁶ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. // Международные акты о правах человека: сб. докум. / сост. и авт. вступит. ст. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2000. – С. 284 – 305.

предел этого возраста не должен устанавливаться на слишком низком уровне, учитывая аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости». Важен и официальный комментарий к этой норме, который гласит: «Использование современного подхода заключается в определении способности ребенка перенести связанные с уголовной ответственностью моральные и психологические аспекты, то есть в определении возможности привлечения ребенка, в силу индивидуальных особенностей его или ее восприятия и понимания, к ответственности за явно антиобщественное поведение. Если возрастной предел уголовной ответственности установлен на слишком низком уровне или вообще не установлен, понятие ответственности становится бессмысленным».

Таким образом, предложения о снижении возраста уголовной ответственности должны быть соотнесены не только, и даже не столько с потребностью общества в уголовно-правовом воздействии на подростковую девиантность, сколько с возможностями самих несовершеннолетних осознать социальное значение уголовной ответственности и перенести связанные с ней тяготы и лишения. Здесь, пожалуй, как нигде встает вопрос о том, чтобы меры, применяемые в отношении подростков, были соразмерны опасности не только совершаемых ими деяний, но и самой личности.

Представляется, что это обстоятельство многими юристами не учитывается в полной мере. Психологические структуры лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, крайне слабы. Поэтому любая попытка экстраполировать на них типичные отношения уголовной ответственности должна иметь под собой не эмоции, а весьма серьезные, убедительные научные аргументы. Полагаем, что на сегодняшний день таковые общественности не представлены. В связи с этим зафиксировав свою поддержку установленного в уголовном законе четырнадцати- и шестнадцатилетнего возраста начала уголовной ответственности¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Для полноты палитры научных мнений отметим, что некоторые специалисты предлагают установить 16-летний возраст ответственности в качестве единственной

Уголовно-правовые привилегии для несовершеннолетних

Зафиксировав возрастные границы несовершеннолетия, уголовный закон в самостоятельной главе (глава 14 УК РФ), а также в ряде иных статей установил правила, регламентирующие объем и содержание ответственности лиц в возрасте от 14 до 18 лет. Оправданность и необходимость таких привилегий у большинства специалистов не вызывает сомнений. Между тем некоторые нормативные предписания, как представляется, должны быть переосмыслены и, возможно, скорректированы. Основная причина состоит в их противоречивом и непоследовательном характере. В целом, заложенный в законе объем привилегий оказался, с одной стороны, несопоставимым с объемами, общественной опасностью и последствиями подростковой преступности, а потому и недостаточным (по мнению 78% опрошенных специалистов, уголовный закон излишне либерален к несовершеннолетним правонарушителям), с другой стороны, в ряде случаев законодательство требует дальнейшей гуманизации.

Отметим некоторые предписания, которые не в полной мере соответствуют конституционным критериям оправданности и соразмерности привилегий.

1. Действующий уголовный закон устанавливает единые для всех несовершеннолетних общие правила ответственности, на нормативном уровне дифференцируя лишь два вида наказания: предельную продолжительность дневной ставки обязательных работ (ч. 3 ст. 88 УК РФ) и максимальный размер наказания в виде лишения свободы (ч. 6 ст. 88 УК РФ) для подростков в возрасте 14–15 и 16–17 лет. Иные, допустимые для несовершеннолетних виды наказаний, по этому критерию законом не дифференцируются. Между тем, соблюдая последовательность и

возрастной планки, тем самым полностью вывести лиц в возрасте 14–15 лет из сферы уголовно-правового регулирования. – См., напр.: Леонов Р.А. Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 7–8.

системность, законодателю следовало бы обсудить вопрос о возведении этого исключения в разряд общего требования. Такие наказания, как штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы могут и, на наш взгляд, должны быть дифференцированы в зависимости от возраста виновного лица. Такой тезис при проведении исследования был поддержан 57% опрошенных специалистов в области уголовного права.

2. Законом установлена возможность взыскания назначенного несовершеннолетнему штрафа с его родителей или иных законных представителей с их согласия (ч. 2 ст. 88 УК РФ). Введение такого правила в декабре 2003 г. привело к резкому увеличению доли подростков, осужденных к штрафу. Если в 2003 г. она составляла 0,73% от общего числа осужденных подростков, то в 2004 г. – уже 8,2% (в 2013 г. – 11,8%). Сам по себе этот факт, несомненно, заслуживает одобрения, поскольку рост осужденных к штрафу происходит в первую очередь за счет сокращения объемов лишения свободы, назначаемого условно. Это «облегчает» и статистику, и реальное положение подростков. Между тем позитивный результат в данном случае достигается весьма несоразмерными средствами, а именно – очевидным нарушением принципов уголовного права. Очевидно, что анализируемое положение не может быть применено к несовершеннолетним, которые не имеют семью и находятся в воспитательных учреждениях, поскольку бюджеты этих учреждений не могут содержать уголовно-правовые штрафы в качестве самостоятельной строки расходов, а это отражает грубое нарушение принципа равенства несовершеннолетних в уголовном праве в зависимости от их семейного статуса. Кроме того, переложение бремени исполнения наказания на родителей и законных представителей попирает принцип вины в том его аспекте, который гарантирует именно личную, персональную ответственность виновного лица. Противоречит оно также самому понятию и целям наказания, так как наказание, согласно ст. 43 УК РФ, есть ограничение прав и свобод именно совершившего преступление, применяемое в целях его

исправления. Таким образом, установленная в ч. 2 ст. 88 УК РФ привилегия может быть оценена как несоразмерная, а потому подлежащая исключению из закона (с этим тезисом высказали солидарность 72% практикующих юристов, опрошенных при проведении исследования). Сохранить же тенденцию сокращения числа несовершеннолетних, лишенных свободы, можно за счет иных средств: предложенной нами дифференциации размеров штрафа, корректировки санкций, оптимизации практики помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение и др.

3. Значимым проявлением системы привилегий для несовершеннолетних выступает законодательно установленная возможность освобождения их от уголовного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ст. 92 УК РФ). Признавая ценность такого положения, нельзя не отметить, что его практическое воплощение далеко от оптимального¹⁵⁸. С точки зрения обоснованности и соразмерности данной привилегии, на наш взгляд, необходимо: а) решить вопрос о возможности помещения подростка в специальное учреждение не только в порядке освобождения от наказания при его назначении, но и в порядке освобождения от его отбывания, в том числе в процессе такого отбывания (предложение сформулировано с учетом мнения 64% опрошенных практикующих юристов); б) отказаться от такого условия помещения в специальное учреждение, как предварительное назначение наказания в виде лишения свободы, с тем, чтобы расширить потенциальный

¹⁵⁸ Исследуемая норма неоднократно подвергалась научному анализу, причем в значительной части критическому. См., напр.: Мамедов А.И.-о Помещение судом несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008; Боровиков С. Помещение несовершеннолетних, освобожденных от наказания, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа // Уголовное право. – 2008. – № 3; Оловенцова С.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2010; Скрипченко Н.Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013; Понятовская Т.Г. Наказания, назначаемые несовершеннолетним: снисхождение или безнаказанность? // Союз криминалистов и криминологов. – 2013. – № 1.

контингент воспитанников (тезис поддержан 42% респондентов); в) предусмотреть механизм замены пребывания в специальном учреждении всеми или большей частью видов наказаний, предусмотренных для несовершеннолетних, чтобы гарантировать незыблемость и неотвратимость применения государственных мер к правонарушителям (в пользу такого решения высказались 77% опрошенных).

4. Устанавливая правила об ответственности несовершеннолетних, законодатель ориентирован исключительно на необходимость смягчения применяемых в отношении них мер. Такой подход, вне сомнений, оправдан. Однако он не позволяет в полной мере учесть индивидуальные особенности развития личности подростков и тяжесть совершаемых ими преступлений¹⁵⁹. В реальной жизни не исключаются ситуации, когда несовершеннолетний, особенно старшего возраста (16 – 17 лет), совершает преступление с полным осознанием его социальной опасности, с полным осознанием чувства собственной ответственности за содеянное. Преступление несовершеннолетнего и его личностные характеристики могут в ряде случаев не отличаться от поступков и личности взрослых. По оценке 73% опрошенных юристов, в современной правоприменительной практике эти ситуации имеют место более чем в 20% случаев совершения преступлений несовершеннолетними. Оставлять их без надлежащей и дифференцированной реакции неоправданно, а потому полагаем, что закрепленные в УК РФ привилегии должны быть рассчитаны не просто на лиц, формально не достигших возраста 18 лет, а на лиц, уровень развития которых типичен для подростков их возраста. Соответственно, эти привилегии следует дополнить механизмом возможной отмены в случае,

¹⁵⁹ Имеющиеся в науке утверждения о том, что одной из современных тенденций подростковой преступности является смягчение характера и степени общественной опасности совершаемых ими преступлений (см.: Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних (социология преступности). – М.: Российская академия адвокатуры и нотариата, 2013. – С. 124), хотя и подтверждаются статистически, объясняются все же не реальными трансформациями самой преступности, а законодательными «играми» с оценкой опасности преступлений, как то снижение размера санкций и изменение правил категоризации преступлений.

когда уровень развития несовершеннолетнего превосходит формальные возрастные характеристики. Здесь уместно обратиться к опыту некоторых зарубежных стран. В частности, в законодательстве Голландии установлено, что в отношении лица, которое достигло возраста шестнадцати лет, но которому еще не исполнилось восемнадцать лет в то время, когда было совершено уголовное правонарушение, судья может, если он находит основания это сделать с учетом тяжести правонарушения, личности преступника или обстоятельств, при которых это правонарушение было совершено, не применять статьи об ответственности несовершеннолетних и вынести решение в соответствии с положениями, сформулированными для взрослых преступников (ст. 77-в УК Голландии). Близкую по духу и направленности норму можно зафиксировать и в отечественном уголовном законе, установив возможность распространения на лиц в возрасте 16–17 лет правил уголовной ответственности, определенных для совершеннолетних лиц молодежного возраста.

Молодежный возраст в уголовном праве

В действующем уголовном законе закреплено не имевшее аналогов в советском праве, но в некоторой степени известное праву дореволюционной России, правило о возможности реализации привилегированного режима уголовной ответственности в отношении лиц, достигших восемнадцати, но не достигших двадцати лет (условно и для краткости изложения назовем их лицами молодежного возраста). В ст. 96 УК РФ определено, что в исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности суд может применить положения главы 14 УК РФ об ответственности несовершеннолетних к лицам, совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, кроме помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа либо воспитательную колонию.

К сожалению, современная отечественная уголовно-правовая наука не располагает систематизированной, комплексной и целостной информацией о

применяемых на практике мерах уголовно-правового характера в отношении лиц молодежного возраста. По этой теме не было проведено ни одного диссертационного или иного монографического исследования. Не представляется возможным собрать информацию и на основании обобщенных данных судебной статистики, поскольку Форма 11 отчетности Судебного Департамента при Верховном Суде РФ не содержит необходимой самостоятельной графы. Опросы практикующих юристов вовсе свидетельствуют, что ст. 96 УК РФ в их повседневной работе практически не встречается (на это указали 98% респондентов).

Между тем проблема ответственности лиц молодежного возраста представляется весьма серьезной, а ее решение имеет значительный прикладной потенциал. Сегодня нет особой необходимости доказывать, что между возрастными границами несовершеннолетия и совершеннолетия не существует качественного разрыва, и что с наступлением восемнадцати лет личность становится абсолютно зрелой, ответственной, взрослой и т.д. Именно принимая во внимание условность и относительность возрастной периодизации жизни человека, законодатель предусмотрел в ч. 3 ст. 20 УК РФ правило о возможности исключения ответственности лиц, хотя и достигших возраста уголовной ответственности, но обнаруживающих отставание в психическом развитии. Предписание ст. 96 УК РФ, по сути своей, является повторением этого правила, но применительно к старшей возрастной границе несовершеннолетия.

Однако в реализации этого правила существует, как минимум, три проблемы, имеющие своим истоком качество самого нормативного предписания.

Прежде всего, это проблема законодательной характеристики основания, позволяющего распространить на лиц молодежного возраста правила об ответственности несовершеннолетних. Если в ч. 3 ст. 20 УК РФ законодатель четко описал качественные признаки личности подростка, не подлежащего уголовной ответственности, то в ст. 96 УК РФ сделал весьма

малосодержательную ссылку на «характер деяния и личности» и не уточнил критерии «исключительных случаев». Обзор мнений относительно содержания этих «исключительных случаев»¹⁶⁰ показывает, во-первых, отсутствие согласованной доктринальной позиции, а во-вторых, отчетливое стремление обосновать применение ст. 96 УК РФ теми или иными смягчающими или исключительными смягчающими наказание обстоятельствами по аналогии с положениями ст. 64 УК РФ.

На наш взгляд, такой подход не соответствует сути и природе нормативных предписаний ст. 96 УК РФ. Полагаем, что главный критерий их применения коренится в особенностях личности молодежного преступника, в степени его психологической и социальной зрелости. Это обстоятельство, как представляется, должно найти отражение непосредственно в тексте закона. При этом указание на «характер совершенного преступления» в ст. 96 УК РФ целесообразно изъять, поскольку он не предопределяет в данном случае необходимость применения правил о смягчении ответственности; характер и степень общественной опасности совершенного преступления будут учтены в общем порядке на основании положений ст. 60 и ст. 89 УК РФ.

Вторая проблема, которая дает о себе знать при анализе ст. 96 УК РФ – это собственно верхняя граница понятия «молодежный возраст». В уголовно-правовой литературе она специально практически не исследуется, тогда как в криминологии относительно границ молодежного возраста высказываются самые разные суждения.

Так, Г.Х. Ефремова молодыми правонарушителями признает группу в возрасте 18–21 года, который именуется возрастом «младшего совершеннолетия»¹⁶¹. Р.И. Панкратов, Е.Г. Тарло, В.Д. Ермаков также

¹⁶⁰ См.: Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособ. / под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2014. – С. 181–184.

¹⁶¹ Ефремова Г.Х. Криминологическая характеристика правосознания молодых правонарушителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – С. 3.

доказывают, что прочная возможность противостоять негативным влияниям окружения формируется за пределами 18-летия, как правило, к 20–21 году¹⁶². Распространить действие ст. 96 УК РФ на лиц в возрасте до 21 года предлагает А.А. Байбарин¹⁶³. Фактически на этих позициях стоит Р.А. Колониченков, когда пишет о необходимости исключения ст. 96 УК РФ с одновременной формулировкой в ч. 1 ст. 87 УК РФ правила о том, что несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось двадцати одного года¹⁶⁴.

Другие исследователи отодвигают верхнюю границу молодежного возраста еще дальше. Н.П. Попова предлагает считать «молодежью» все население в возрасте от рождения до 29 лет включительно, подразделяя его на несовершеннолетних (от рождения до 18 лет) и на совершеннолетних молодых людей (18–29 лет)¹⁶⁵. М.С. Крутер говорит о молодежи как о лицах в возрасте 18–29 лет, подразделяя эту когорту на тех, кто находится в возрасте 18–24 лет, и тех, кому 25–29 лет¹⁶⁶. В.И. Руднев пишет, что границы молодежного возраста могут быть установлены с 18 до 27 лет¹⁶⁷. А.И. Морозов аргументирует необходимость внедрения в уголовно-правовое

¹⁶² Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишённые свободы. – М.: Юрлитинформ, 2003. – С. 26.

¹⁶³ Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – С. 21.

¹⁶⁴ Колониченков Р.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних: вопросы законодательной регламентации и назначения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 10–11. Представляется все же, что формулировать в УК РФ новое, отличное от общепринятого, понятие несовершеннолетия вряд ли целесообразно, а продлить границы молодежного возраста вполне разумно.

¹⁶⁵ Попова Н.П. Преступность молодежи и криминологическая оценка экономического потенциала для противодействия ей в период реформирования России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 9, 16.

¹⁶⁶ Крутер М.С. Методологические и прикладные проблемы изучения и предупреждения преступности молодежи: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002. – С. 12–13.

¹⁶⁷ Руднев В.И. О возможности введения понятия «лицо молодежного возраста» в уголовное и другие отрасли законодательства // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 39–44.

поле широких программ воспитательного и социализирующего типа для лиц в возрасте до 30 лет¹⁶⁸.

Как видим, все исследователи продлевают молодежный возраст за границы двадцати лет, хотя и предлагают различные формулировки верхнего порога молодости. Представляется все же, что в целях собственно уголовно-правового регулирования границы молодежного возраста не обязательно должны совпадать с социально-демографическими и криминологическими. Уголовное право решает свои специфические задачи, ориентируясь в данном случае, прежде всего, на личностные особенности виновных, уровень развития которых ненамного превосходит или равен уровню развития несовершеннолетних. В связи с этим возрастная граница молодости не может быть слишком высокой. Учитывая результаты социально-криминологических и социально-психологических исследований, принимая во внимание сложившуюся организацию статистического наблюдения, полагаем возможным предложить в качестве верхнего порога молодежного возраста 24 года.

Наконец, третья проблема заключается в нормативной характеристике правовых последствий совершения преступления лицом в возрасте от 18 до 24 лет. Теоретически у законодателя есть два варианта их описания. Первый, реализованный в отечественном УК, состоит в распространении на взрослых лиц установленного возраста правил, предписанных для несовершеннолетних¹⁶⁹. Фактически это означает признание молодых людей

¹⁶⁸ Морозов А.И. Молодежный возраст как правовая и криминологическая категория // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 169 – 174.

¹⁶⁹ Строго говоря, на сегодняшний день специфика правил об ответственности молодых людей не определена. К ним могут применяться, по усмотрению суда, или общие нормы, или правила для несовершеннолетних, но при этом законодательно не исключена возможность их сочетания (причем в данном случае речь идет только об уголовно-правовых, но не о процессуальных и не уголовно-исполнительных нормах, которые вовсе не разработаны). Это порождает массу проблем, не имеющих однозначного решения: можно ли сокращать сроки судимости молодых людей, назначая им наказание по общим правилам; можно ли применить меры воспитательного воздействия в порядке освобождения от отбывания наказания, назначенного по общим правилам; можно ли возложить исполнение штрафа, назначенного по общим правилам лицу молодого

инфантильными и несоциализированными, что оправдывает и доктринальные суждения, согласно которым «основанием применения ст. 87–95 УК РФ к лицам в возрасте от 18 до 20 лет является их отставание в психофизическом развитии, в уровне их социализации»¹⁷⁰. На этой посылке основана и работа Р.И. Бабиченко, которая прямо распространяет на лиц в возрасте 18–21 года правило ч. 3 ст. 20 УК РФ и говорит об их «возрастной невменяемости»¹⁷¹. При таком подходе, очевидно, верхняя возрастная граница молодежного возраста не может быть выше 21 года.

Однако есть и второй вариант, при котором, собственно говоря, только и возможно установление 24-летней границы молодежного возраста. Он состоит в том, чтобы признать самостоятельное привилегирующее значение молодежного возраста безотносительно к тому, насколько развитым и социализированным является молодой человек. В этом случае целесообразно для соблюдения начал определенности в правовом регулировании дополнить УК РФ отдельной главой, в которой детально регламентировать виды и содержание мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам молодежного возраста. Именно этот вариант представляется нам наиболее разумным. Его реализация позволит создать систему социально обоснованных привилегированных правил в реализации ответственности лиц молодого возраста, исключит массу оценочных критериев применения закона, а следовательно и субъективизм, гарантирует гуманизацию уголовной политики и равный подход ко всем представителям исследуемой возрастной группы.

возраста, на его родителей; как повлияет применение положений главы 14 УК РФ на последующую возможность констатации рецидива и т.д.

¹⁷⁰ Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 11: Уголовная ответственность несовершеннолетних / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Изд. профессора Малинина, 2008. – С. 415.

¹⁷¹ См.: Бабиченко Р.И. Возрастная невменяемость: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 10.

Пожилой возраст субъекта преступления

Традиционные проблемы определения объема ответственности несовершеннолетних и лиц молодежного возраста в современном праве дополняются еще одной сложной задачей – установлением режима ответственности лиц пожилого, преклонного возраста. Действующий УК РФ 1996 г. предусматривает ряд мер в этом направлении. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 53¹ УК РФ принудительные работы не назначаются женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, и мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста; согласно ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ, пожизненное лишение свободы и смертная казнь не назначаются мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста. Однако эти положения носят несистемный, разрозненный характер, они слабо аргументированы в теории и не являются частью единой программы, реализуемой уголовным правом в отношении пожилых лиц.

Полагаем, сложно согласиться с В.Г. Павловым в том, что сегодня нет потребности в создании такого специального уголовно-правового механизма, в виду того, что «границы пожилого и старческого возраста условны и для каждого человека, исходя из физиологических и индивидуальных особенностей его организма и образа жизни, они будут разными»¹⁷². Возрастные границы, действительно, индивидуальны, причем не только для лиц преклонного возраста, но и для малолетних, несовершеннолетних, молодежи. Однако это не должно служить препятствием к разработке нормативных правил ответственности для престарелых лиц как для определенной, четко различимой демографической группы. Другое дело, какие элементы включить в механизм их ответственности и насколько льготным он может быть.

К решению этих вопросов отечественная наука только подходит. Между тем уже сейчас наметились серьезные расхождения среди юристов,

¹⁷² Павлов В.Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. – С. 117.

прежде всего, в вопросе о самой границе пожилого возраста. В ст. 53¹ УК РФ престарелый возраст равен пенсионному, в ст. 57 и 59 УК РФ – шестидесяти пяти годам. Пенсионный возраст выделен отдельной графой в формах статистического наблюдения Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, согласно которым удельный вес лиц пенсионного возраста среди осужденных является достаточно стабильным и составляет за последние годы в среднем около 2%¹⁷³. Для решения уголовно-правовых задач использует пенсионный возраст П.В. Разумов¹⁷⁴. В то же время А.А. Байбарин повышает его до 65 лет¹⁷⁵, О.В. Барсукова разрабатывает специальные правила ответственности лиц, достигших семидесятилетнего возраста¹⁷⁶, а Ю.М. Антонян и Т.Н. Волкова относят к преступности стариков деяния лиц, которым исполнилось 50 лет¹⁷⁷.

В каждом из этих подходов есть свое рациональное зерно. Однако представляется, что в целях решения задач уголовно-правового регулирования их необходимо не противопоставлять друг другу, а интегрировать, поскольку представленные позиции отражают два не формальных (основанных на возрасте), а существенных подхода к оценке личности человека пожилого возраста. В одном случае специалистами делается акцент на его социальной роли, и тогда на первое место выходит статус пенсионера и пенсионный возраст; в другом случае юристы обращают преимущественное внимание на состояние физического и психического

¹⁷³ См.: Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.09.2015).

¹⁷⁴ См.: Разумов П.В. Значение пожилого возраста в механизме реализации уголовной ответственности. – Ставрополь: Сервисшкола, 2005.

¹⁷⁵ Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.

¹⁷⁶ Барсукова О.В. Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста (криминологические и уголовно-правовые проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2003.

¹⁷⁷ Антонян Ю.М., Волкова Т.Н. Преступность стариков. – 2 изд., испр. – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2005.

здоровья человека, и тогда возрастные границы престарелого, старческого и т.д. возраста закономерно повышаются.

Каждый из этих аспектов личностной характеристики человека пожилого возраста заслуживает признания в качестве относительно самостоятельного основания установления привилегированного режима уголовной ответственности.

Согласимся с юристами, которые утверждают, что «постановка вопроса о закреплении в уголовном законе максимальной возрастной границы, по достижении которой лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, противоречит принципу равенства граждан перед законом, а закрепление этой возрастной границы в уголовном законе может явиться препятствием к осуществлению охраны интересов личности, общества и государства от преступных посягательств»¹⁷⁸.

Единожды приобретенная способность лица в полной мере осознавать смысл и значение совершаемых действий и руководить ими не утрачивается по достижении того или иного возраста. Однако возрастные изменения здоровья могут влиять на эту способность. Стоит различать изменения, которые имеют своей основой психические заболевания, выступающие медицинским критерием невменяемости или ограниченной вменяемости, и возрастные изменения, которые продиктованы иными заболеваниями и состояниями.

В первом случае, как верно пишет О.Д. Ситковская, сам вопрос о верхнем возрастном пороге уголовной ответственности теряет смысл, поскольку проблема переводится на уровень решения вопроса о вменяемости

¹⁷⁸ См.: Спасенников Б.А. Правовая антропология (уголовно-правовой аспект). – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. – С. 69; Разумов П.В. Значение пожилого возраста в механизме реализации уголовной ответственности. – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – С. 12; Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – С. 22; Павлов В.Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. – С. 117 и др.

– неменяемости для каждого конкретного случая¹⁷⁹. На это обращал внимание еще Р.И. Михеев, когда писал, что «вина и уголовная ответственность, например пожилых, престарелых или стариков, может исключаться в силу предусмотренных законом обстоятельств (например, вследствие неменяемости, вызванной старческим маразмом), а не в силу достижения лицом определенного возрастного предела (например, 60 или 70 лет)»¹⁸⁰.

Во втором случае, когда снижение способности к осознанию характера совершаемых действий вызвано заболеваниями и состояниями, не связанными с психическим расстройством (например, грубые нарушения памяти, внимания, баланса процессов возбуждения и торможения, вследствие атеросклеротических или иных возрастных изменений), возникает ситуация, близкая по своей правовой природе к той, что описана в ч. 3 ст. 20 УК РФ, но при этом совершенно не урегулированная в законе.

В юридической литературе уже обращалось внимание на необходимость ее разрешения. Так, П.В. Разумов предложил установить в качестве нормативной предпосылки уголовной ответственности лиц пожилого возраста правило, согласно которому «к уголовной ответственности не могут быть привлечены лица старческого возраста, если вследствие физиологического одряхления, не связанного с психическим заболеванием (расстройством), они не могли при совершении конкретного деяния осознавать значение своих действий или руководить ими»¹⁸¹. А.А. Байбарин также формулирует специальные правила для ответственности лиц престарелого возраста, которые в силу деформаций психики, вызванных возрастными изменениями необратимого характера, не связанных с психическим расстройством, не могли в полной мере осознавать

¹⁷⁹ Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М.: Норма, 1998. – С. 117.

¹⁸⁰ Михеев Р.И. Возраст: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Проблемы совершенствования борьбы с преступностью: сб. ст. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1985. – С. 12.

¹⁸¹ Разумов П.В. Значение пожилого возраста в механизме реализации уголовной ответственности. – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – С. 16.

опасность своих действий и дифференцировать эти последствия в зависимости от тяжести совершенного преступления. В случае совершения ими преступлений небольшой или средней тяжести автор предлагает исключать ответственность таких престарелых, а в случае совершения ими тяжких или особо тяжких преступлений – нет. В обеих ситуациях А.А. Байбариным предлагается установить право суда помещать таких лиц в специализированные социальные учреждения¹⁸².

Представляется, однако, что в каждом из процитированных предложений, при всей их значимости, есть некоторый недостаток. В частности, возражая П.В. Разумову, необходимо отметить, что связанные с возрастом личностные изменения не лишают лицо престарелого возраста способности осознавать социально-правовое значение своих действий (бездействия) либо руководить ими. Эта способность сохраняется, хотя ее качество снижается. Поэтому формулировки А.А. Байбарина о том, что лицо старческого возраста «не в полной мере» контролирует свое поведение, более предпочтительны. В то же время, вопреки мнению А.А. Байбарина, отметим, что уровень общественной опасности преступления сам по себе не может предопределять возможность или необходимость ответственности в ситуации, когда субъект не в полной мере осознает эту опасность и не способен в полной мере контролировать свое поведение. Следовательно, правовые последствия совершения любых деяний лицом с ослабленной в силу возраста возможностью осознавать свое поведение и руководить им, должны быть идентичны.

В порядке теоретической конструкции предлагаем установить в уголовном законе специальное правило, на основании которого было бы возможно исключать ответственность лиц пожилого возраста, которые в силу личностных изменений, не связанных с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере

¹⁸² Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – С. 22; Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста. – М.: Высшая школа, 2009. – С. 147.

осознавать характер и степень общественной опасности своего действия (бездействия) либо руководить ими. Сам возраст в данном случае целесообразно установить относительно высоким, не связывая его с возрастом выхода лица на пенсию. Исходя из существующих в демографии градаций, полагаем возможным определить его на уровне 70 лет и зафиксировать эту планку непосредственно в тексте закона.

Это правило будет отражать тот аспект привилегированного режима ответственности престарелых лиц, который детерминирован связанными с возрастом личностными особенностями. При его реализации высоко значение индивидуальных характеристик личности и, соответственно, экспертных познаний. Иное дело – особенности, обусловленные статусом пожилого лица как пенсионера. Они не должны зависеть от индивидуальных свойств и качеств виновного лица.

Именно эти особенности отражены в ст. 53¹ УК РФ, которая запрещает применять к лицам пенсионного возраста наказание в виде принудительных работ. Обоснование такого ограничения очевидно и не нуждается в специальном анализе. Между тем стоит заметить, что при регламентации иных видов наказаний, которые связаны с трудовым воздействием на осужденных (исправительные работы, обязательные работы), изъятия, предопределенные достижением ими пенсионного возраста, не установлены. У суда формально нет препятствий к тому, чтобы «принудить» к труду лиц пенсионного возраста и даже обязать их трудоустроиться. Согласно статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2014 г. из общего числа осужденных лиц пенсионного возраста исправительные работы назначены 1,5% граждан, обязательные работы – 8,4%; итого около 10% осужденных пенсионеров по приговору суда осуждаются к наказаниям, связанным с трудом¹⁸³. Представляется, что такая

¹⁸³ См.: Форма № 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2014 года» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (дата обращения: 01.09.2015).

практика должна быть скорректирована. Прежде всего, полагаем невозможным с правовой точки зрения принуждать к труду лиц, которые достигли пенсионного возраста. Единственно мыслимое здесь исключение – работающие пенсионеры. Такой подход был поддержан 45% опрошенных при проведении исследования практикующих юристов. Лишь в том случае, когда лицо пенсионного возраста работает, применение к нему исправительных работ по месту работы не будет нарушать специфических и гарантированных государством социальных прав. Во всех остальных случаях применение исправительных или обязательных работ должно быть позиционировано законодателем в качестве альтернативы, применение которой возможно в порядке замены имеющихся в санкции наказаний иным более мягким видом лишь с согласия осужденного пенсионера.

Применительно к лицам пожилого возраста имеется еще одна группа привилегированных уголовно-правовых предписаний, которые продиктованы не психолого-психиатрическими и не правовыми, а исключительно гуманистическими соображениями и которые в силу этого занимают особое место в системе норм об ответственности пожилых. Речь идет об установленном запрете на применение к мужчинам, достигшим 65-летнего возраста, наказаний в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни. Поскольку основания таких привилегий не могут быть установлены эмпирическим путем, измерены или соотнесены с иными критериями, любые рассуждения в этой области будут иметь, по большому счету, оценочный характер и отражать субъективное мнение исследователя.

На наш взгляд, существующая система в рассматриваемой части не идеальна. Прежде всего, полагаем, что из области уголовно-правовых дискуссий и законодательства необходимо полностью исключить смертную казнь как наказание жестокое и бесчеловечное. Его следует соотносить с общими принципами уголовного права, а не с отдельными категориями

осужденных. Что касается пожизненного лишения свободы, то весомых аргументов в пользу изъятия пенсионеров из сферы действия этого наказания мы не усматриваем. Во-первых, уголовно-правовые нормы (как и любые иные) должны быть рассчитаны на типовые, а не на эксклюзивные ситуации. Когда количество осужденных к пожизненному лишению свободы исчисляется десятками (в 2014 г. – 67 человек), а количество лиц старше 50 лет среди них – единицами (в 2014 г. – 1 человек, при этом он был моложе 60 лет)¹⁸⁴, создание специального нормативного предписания вряд ли целесообразно. Во-вторых, преклонный возраст сам по себе не может и не должен предопределять исключение исследуемого вида наказания, поскольку наказание назначается с учетом данных о преступлении и о личности. Возраст же в данном случае имеет малое влияние на их опасность. В-третьих, существующие в ч. 2 ст. 57 УК РФ ограничения были изначально «вписаны» в систему нормативных предписаний, установленных ч. 1 ст. 57 УК РФ и ч. 2 ст. 59 УК РФ. Когда пожизненное лишение свободы – лишь альтернатива смертной казни, совпадение ограничений и изъятий в применении этих наказаний оправданно. Однако в связи с изменением ч. 1 ст. 57 УК РФ, расширением возможностей применения пожизненного лишения свободы и приобретением им статуса подлинно самостоятельного вида наказания, жесткое следование содержания ч. 2 ст. 57 УК РФ положениям ч. 2 ст. 59 УК РФ уже не является обязательным.

Таким образом, полагаем вполне допустимым исключить из закона ограничения, связанные с неназначением мужчинам 65-летнего возраста наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Но здесь же, в порядке «компенсации» этого ужесточения закона, выразим свою солидарность с предложением О.В. Барсуковой об изменении порядка условий условно-досрочного освобождения от наказания лиц пожилого возраста. В целях повышения эффективности применения мер уголовно-правового характера в отношении лиц пожилого возраста она

¹⁸⁴ См.: Там же.

рекомендует дополнить ч. 2 ст. 79 УК РФ отдельным пунктом следующего содержания: «Лицо, достигшее во время отбывания наказания 75 лет, может быть условно-досрочно освобождено, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, даже если не выполнено условие о фактическом отбытии определенной части наказания»¹⁸⁵. Реализация такого подхода «смягчит» аргументированную выше корректировку ч. 2 ст. 57 УК РФ и будет служить вполне оправданным элементом в системе уголовно-правовых привилегий для лиц пожилого возраста.

Уголовно-правовые привилегии для женщин

Важным демографическим признаком, на основе которого создается система уголовно-правовых привилегий, является половая принадлежность субъекта преступления. При этом важно отметить, что в действующем законе привилегии установлены лишь для представителей женского пола, тогда как в отношении мужчин действуют стандартные, ординарные правила. В частности, УК РФ закрепляет запрет на применение к женщинам смертной казни и пожизненного лишения свободы (ст. ст. 57, 59 УК РФ), ограничивает применение к ним наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ, ареста (ст. ст. 49, 50, 53¹, 54 УК РФ).

Эта совокупность правовых норм уже неоднократно исследовалась в уголовно-правовой литературе, при этом общий и согласованный вывод юристов (хотя и при разных аргументах) состоит в том, что регламентация существующих изъятий из общих правил ответственности для женщин не является нарушением принципа равенства граждан перед законом, а представляет собой обоснованные и социально оправданные преференции.

Соглашаясь с этим исходным тезисом, полагаем необходимым все же уточнить вопрос относительно самого основания предоставления женщинам льгот и преимуществ в сфере уголовного права. В.Д. Филимоновым была

¹⁸⁵ Барсукова О.В. Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста (криминологические и уголовно-правовые проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2003. – С. 12.

высказана мысль о том, что установление известных изъятий из системы наказаний для женщин обусловлено «определенными психофизиологическими особенностями женщин, которые более уязвимы во взаимодействии с внешней средой, чем мужчины. По сравнению с мужчинами им тяжелее переносить такие виды наказания, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Поэтому этот запрет не может считаться как дарованная женщинам привилегия и нарушение равенства критериев определения содержания и размеров уголовной ответственности».¹⁸⁶ Видимо, на этой посылке основывается и предложение М.Т. Тащилина об ограничении максимального срока наказания в виде лишения свободы для женщин до 15 лет¹⁸⁷.

Между тем признать справедливость этих суждений в полной мере нельзя. Не углубляясь в решение сомнительной дилеммы «кому легче переносить смертную казнь», отметим, что психофизиологические особенности женщин сами по себе не могут и не должны оправдывать наличие привилегий в уголовном праве, в том числе сокращать максимальные сроки наказаний. В противном случае законодательство будет отражать идеи сексизма, снисходительно-покровительственного отношения к женщинам, а следовательно нарушать начала правового равенства граждан перед законом и судом вне зависимости от пола.

Гуманное отношение уголовного закона к женщине продиктовано не ее физиологическими или иными особенностями, а, прежде всего, социальной ролью. Пол как основание привилегий в данном случае является не столько биологическим, сколько социально-демографическим фактором. Однако здесь стоит возразить В.В. Мальцеву, который пишет, что индифферентные способу совершения преступления социальные различия, которые могут отражать социальное положение человека, в том числе его пол, не способны

¹⁸⁶ Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М., 2002. С. 88–89.

¹⁸⁷ Тащилин М.Т. Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2003. – С. 42.

повышать или понижать пределы уголовной ответственности¹⁸⁸. Представляется, и практика тому подтверждение, что социальное положение человека (в том числе пол) вполне может влиять на пределы уголовной ответственности и не будучи связанным со способом совершения преступления. Социальная роль виновного в этом случае может учитываться законодателем, исходя из иных соображений. В ситуации с предоставлением льгот и преимуществ женщинам в сфере уголовного права они восходят к началам гуманизма.

Беременность и наличие ребенка выступают в законе и в качестве специальных критериев, ограничивающих применение тех или иных видов наказаний, и в качестве обстоятельства, смягчающего уголовное наказание. Основной массив привилегий, предусмотренных для женщин в уголовном праве, как видим, обусловлен выполнением ими материнских, родительских функций. Это основание отчетливо засвидетельствовано изменениями, внесенными в ст. 82 УК РФ, согласно которым отсрочка отбывания наказания стала предоставляться не только женщинам, но и мужчинам, имеющим детей. Законодатель тем самым подтвердил: не пол виновного, а его социальная роль допускают предоставление льгот.

Оправданность такого решения определена, на наш взгляд, соотношением значимости двух «социальных эффектов»: эффекта наказания и эффекта родительства. Очевидно, что ограничивая наказания для женщин, законодатель «просчитывает» не только результативность достижения их целей, но и возможные негативные последствия реализации наказания, его издержки. В ситуации, когда эти издержки слишком высоки, снизить их, при неизменности целей наказания, можно посредством ограничения объема наказания. Это и происходит в анализируемых ситуациях. Восстановление справедливости, исправление осужденной и предупреждение преступлений при наказании беременных женщин или женщин с детьми влечет за собой с

¹⁸⁸ Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 1: Понятие уголовного права / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. – С. 262.

неизбежностью существенные социальные (и медицинские) риски для ребенка. Государство, провозгласившее конституционную охрану семьи, материнства и детства, признавшее для себя приоритет интересов ребенка в решении всех социальных и иных задач (как того требует Конвенция ООН о правах ребенка¹⁸⁹), не может эти риски игнорировать. Поэтому ограничение наказаний для женщин с детьми вполне обоснованно.

В то же время стоит обратить внимание, что привилегии для беременных и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, никак не связаны и не обусловлены характером, качеством и содержанием исполнения женщиной родительских обязанностей. Это дает основание предполагать, что данные привилегии детерминированы не только социальными представлениями о ценности родительства, но и нормативными предписаниями социального и трудового законодательства, которые защищают права женщин в сфере труда, вводя определенные ограничения и запреты на их привлечение к работе.

Если с позиций основания предоставления привилегий женщинам оценить сами привилегии, то в порядке критики надо отметить два значимых обстоятельства:

1) законодательные ограничения в видах наказаний для женщин фактически приводят к тому, что беременным и женщинам с детьми в возрасте до трех лет могут быть назначены штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение звания, чина или награды, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы. С учетом криминологической характеристики женской преступности и специфики самих наказаний в распоряжении суда реально оказываются лишь три вида наказаний: штраф, ограничение свободы и лишение свободы. Установление привилегий, таким образом, привело к

¹⁸⁹ См.: Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – М., 1993.

существенному ограничению спектра видов наказаний, которые могут быть назначены соответствующей категории женщин. В условиях, когда объем преступности беременных женщин и женщин с детьми в возрасте до трех лет крайне невысок, это обстоятельство не представляет большой проблемы (особенно при наличии ст. 82 УК РФ). Однако его всегда надо брать во внимание при оценке достаточности системы норм об ответственности женщин. Возможно, имеет смысл разработать механизм назначения «исключенных» видов наказаний с согласия женщины, можно также обсуждать вопрос о допустимости назначения исправительных работ работающим женщинам с детьми (тем более что трудовое законодательство не запрещает сам факт работы этой категории граждан). Учитывая ограниченность объема исследования, ограничимся постановочным характером предложений, оставляя их детальную проработку для последующих научных изысканий;

2) в системе нормативных привилегий для женщин есть предписания, не связанные с их социальными родительскими функциями. Речь идет о запрете на назначение женщинам смертной казни и пожизненного лишения свободы. Представляется, что соответствующие предписания закона (ст. ст. 57 и 59 УК РФ) продиктованы псевдогуманистическими соображениями. Гуманизм, оправдывающий неприменение этих видов наказаний к женщинам одним лишь фактом того, что преступник – женщина, самым грубым образом вторгается в сферу правового равенства и разрушает его. Позволим себе поддержать Т.Р. Сабитова, который пишет, что запрет на применение смертной казни к женщине только в силу того, что она женщина, не имеет под собой оснований и не может быть оправдан гуманизмом¹⁹⁰. С точки зрения обоснованности и соразмерности анализируемые нормативные предписания представляются излишними, противоречащими самой идее привилегий в уголовном праве, а потому подлежащими исключению (хотя

¹⁹⁰ Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 144–145.

отметим, что этот тезис нашел поддержку лишь у 39% опрошенных респондентов из числа практикующих юристов).

Корректировка закона в обозначенных направлениях может способствовать выравниванию гендерного баланса, оптимизации системы привилегий для женщин и лиц с родительскими обязанностями.

§ 2. Привилегии, обусловленные социально-биологическими признаками виновного

К числу биосоциальных признаков виновного, обладание которыми создает предпосылки для получения предусмотренных уголовным законом льгот и преимуществ, нами отнесены состояние здоровья, родительский статус и род деятельности. Очевидно, что это далеко не все индексы социальной характеристики личности. Однако иные возможные данные (уровень образования, место жительства, гражданство и т.д.), как показывает анализ текста закона, либо «растворены» в понятии «личность виновного» и имеют значение лишь при решении вопросов индивидуализации уголовной ответственности, либо вовсе лишены свойства оказывать влияние на ее объем. В силу этого рамки нашего исследования будут соответствующим образом ограничены.

Состояние здоровья

Состояние здоровья лица, совершившего преступление, выступает, пожалуй, одним из наиболее значимых личных обстоятельств, которое определяет содержание, объем и интенсивность уголовно-правового воздействия. Связано это, прежде всего, с идеей личной ответственности в уголовном праве, с представлением о личности (или ее правовом статусе) как объекте воздействия нормативных положений уголовного закона. В силу самой логики такого воздействия оно не может игнорировать уровень телесного или психического здоровья человека, поскольку таковое во многом предопределяет максимальный объем боли и страданий, которые человек в состоянии перенести без угрозы утраты собственной идентичности.

Необходимость создания специальных предписаний, ограничивающих объем уголовной репрессии, исходя из уровня здоровья виновного лица, была осознана законодателем по современным меркам достаточно давно, еще в эпоху средневековья, когда закладывались основы теории и практики личной виновной ответственности. Именно с этого времени берет свое начало современная относительно широкая практика учета данных о здоровье виновного для определения объема его уголовной ответственности.

Изначально такие ограничения устанавливались для лиц, не способных в силу психического здоровья осознавать смысл и значение собственных поступков, действовать с осознанием общественной опасности своего поведения и его результатов. Эта часть нормативного материала, в конечном итоге, оформилась в институты невменяемости и принудительных мер медицинского характера. Однако с учетом высказанных в первой главе настоящей работы тезисов относительно сути привилегий, которые корректируют статус участника уголовно-правовых отношений, такие предписания сегодня не могут рассматриваться как привилегирующие в подлинном смысле этого слова. В равной мере не могут рассматриваться с позиций уголовно-правовых привилегий и положения ч. 1 ст. 81 УК РФ, устанавливающей правило об освобождении от наказания лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее их возможности осознавать смысл и значение собственных действий, и о применении к ним принудительных мер медицинского характера.

В итоге, в действующем российском уголовном законодательстве к нормам, устанавливающим привилегированный режим ответственности лиц с расстройством здоровья, можно отнести ч. 2 и ч. 3 ст. 81 УК РФ, допускающую освобождение от уголовного наказания лиц, заболевших после совершения преступления «иной тяжелой болезнью» или болезнью, препятствующей исполнению обязанностей военной службы, а также ст. 82¹ УК РФ, устанавливающую специальные правила отсрочки отбывания

наказания лицам, больным наркоманией. Рассмотрим их кратко, с учетом объективной ограниченности текста настоящей работы.

Освобождение от уголовного наказания лиц, заболевших тяжелой болезнью или болезнью, препятствующей прохождению военной службы, редко ассоциируется с идеей привилегий в уголовном праве. Как правило, исследователи связывают соответствующие предписания с реализацией принципа гуманизма¹⁹¹. Вероятно, это связано с общей неразработанностью проблемы уголовно-правовых привилегий. Вместе с тем, учитывая, что одним из оснований установления привилегированных предписаний выступает собственно гуманизм, нет оснований отказывать положениям ст. 81 УК РФ в привилегирующей природе.

В соответствии с ч. 2 ст. 81 УК РФ лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания. Такое освобождение не является окончательным, поскольку, согласно ч. 4 ст. 81 УК РФ, в случае выздоровления больной осужденный может подлежать наказанию при условии, что не истекли сроки давности исполнения обвинительного приговора суда.

При анализе данных предписаний обращает на себя внимание, прежде всего, подчеркнутый в законе фактор времени возникновения болезни – «после совершения преступления». Его оценка в науке вполне определена и соответствует буквальному толкованию нормы. «Если лицо, страдающее тяжелой болезнью, совершило преступление, а болезнь не помешала этому, то оно не может рассчитывать на досрочное освобождение от наказания по этому основанию, в том числе и в тех случаях, когда осужденный не знал о наличии у него заболевания или был осведомлен, но болезнь еще не проявила

¹⁹¹ См., напр.: Ююкина М.В. Принцип гуманизма в уголовном, уголовно-исполнительном праве, уголовной политике и его реализация при назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2006. – С. 14.

себя»¹⁹². Такого же мнения придерживается 68% опрошенных нами практикующих юристов.

Между тем оставшиеся 32% специалистов отстаивают мысль, к которой, как представляется, есть основание прислушаться. Дело в том, что гуманизм уголовного законодательства не может зависеть от времени возникновения фактора, определяющего объем уголовной репрессии. Наличие тяжелой болезни в момент совершения преступления или ее возникновение во время следствия и судебного разбирательства не устраняют объективного основания для смягчения участи виновного. Подтверждением тому может служить практика признания тяжелого заболевания смягчающим наказанием обстоятельством на основании положений ч. 2 ст. 61 УК РФ. Специальные исследования показывают, что на такое обстоятельство, как инвалидность или болезнь, было сделано от 2,2% до 3,3% от общего числа ссылок на неуказанные в законе смягчающие обстоятельства¹⁹³. Это вполне ощутимые объемы.

Получается, что лица, обнаруживающие признаки тяжелой болезни на момент совершения преступления, могут претендовать только на смягчение наказания, тогда как лица, заболевшие после осуждения – на досрочное освобождение от отбывания наказания. Нарушение начал равенства граждан и дискриминация по признаку времени возникновения болезни в данном случае очевидна и, на наш взгляд, не требует специальных доказательств.

Не меняет нашей позиции и то обстоятельство, что болезнь до осуждения оценивается как элемент характеристики личности виновного, влияющий на объем наказания, а болезнь после осуждения – как фактор,

¹⁹² См.: Ткачевский Ю.М. Освобождение от наказания в связи с болезнью // Законодательство. – 2000. – № 10. – С. 57; Грачева Ю.В. Источники судебного усмотрения в институтах освобождения от уголовной ответственности и от наказания. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 210.

¹⁹³ См.: Чечель Г.И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – С. 56; Мясников О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике – М.: Юрлитинформ, 2002. – С. 188; Качан М.И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2007. – С. 110.

препятствующий отбыванию наказания. Дело в том, что речь в данном случае может идти об идентичных патологиях, в частности тех, что определены специальным перечнем, утвержденным постановлением Правительства РФ от 06 февраля 2004 г. № 54 (в ред. от 04 сентября 2012 г., № 882) «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от наказания в связи с болезнью»¹⁹⁴. Вне зависимости от времени их возникновения они обладают общим объективным свойством – делают достижение целей уголовного наказания невозможным, а само наказание, с учетом характеристики состояния виновного, превращают в бесчеловечное и жестокое обращение, как оно определяется ст. 3 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод¹⁹⁵.

В связи с этим представляется целесообразным пересмотреть сложившийся подход и унифицировать правовые последствия обнаружения у лица, совершившего преступление, тяжелой болезни. Сделать это возможно за счет корректировки текста закона. В частности, в ч. 2 ст. 81 УК РФ следует указать на «лицо, страдающее иной тяжелой болезнью» (такая формула предложена в процитированной работе Ю.В. Грачевой) либо на «лицо, у которого выявлено заболевание, препятствующее отбыванию уголовного наказания». Последняя редакция представляется нам более удачной. Она не акцентирует внимание на субъективных переживаниях болезни самим осужденным, не несет в себе эмоциональной окраски, обращает внимание на необходимость официального документирования болезни (она должна быть «выявлена»). К тому же она согласуется с формулировкой закона, которая использована законодателем в ч. 3 ст. 92 УК РФ для описания аналогичной, по сути, проблемы.

Вопрос относительно унификации правовых последствий наличия болезни возникает и в связи с сопоставительным анализом ч. 2 и ч. 3 ст. 81

¹⁹⁴ Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 7, ст. 524; 2012. – № 37, ст. 5002.

¹⁹⁵ См.: Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод: заключена 04 ноября 1950 г. // Совет Европы и Россия: сб. докум. / сост.: Л.И. Брычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзвиков; отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. – М.: Юрид. лит., 2004.

УК РФ. В ч. 3 ст. 81 УК РФ содержится императивное предписание об освобождении от наказания военнослужащего, отбывающего некоторые виды воинских наказаний, в случае возникновения у него болезни, делающей его негодным к прохождению воинской службы. В литературе превалирует позитивная оценка этого положения, в том числе со ссылкой на то, что «наказание военнослужащих ... во многом подчинено задаче обеспечения установленного порядка прохождения военной службы»¹⁹⁶, в связи с чем невозможность прохождения лицом военной службы делает бессмысленным само воинское наказание. Между тем в таких суждениях стоит соблюдать осторожность. Уголовное наказание преследует исключительно свои, уголовно-правовые и уголовно-политические, цели и никак не связано с решением задач, вытекающих из существа военной службы. В связи с этим наличие заболевания, в силу которого лицо перестает быть субъектом военно-правовых отношений, не может автоматически влечь за собой исключение этого лица из субъектов уголовно-правового отношения. Статусы осужденного и военнослужащего не совпадают и сосуществуют параллельно. Другое дело, что исключение лица из числа годных к военной службе (а не сама болезнь как таковая) препятствует применению к нему воинского уголовного наказания. В этом случае неизбежно увольнение с военной службы и отдельное, самостоятельное решение о судьбе назначенного ранее воинского наказания. Очевидно, что оно должно быть заменено иным наказанием, причем, как представляется, не обязательно более мягким, как это предполагается в действующем законе. К примеру, арест, отбываемый военнослужащим на гауптвахте, в случае его увольнения со службы, может быть исполнен в учреждениях для гражданских лиц, а содержание в дисциплинарной воинской части – в местах, предназначенных для отбывания лишения свободы. Однозначная и категоричная замена неотбытого наказания более мягким видом, а тем более освобождение от

¹⁹⁶ Мальцев ВВ. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. – С. 190.

отбывания наказания военнослужащих в рассматриваемом случае нарушает принцип равенства граждан и создает для них неоправданные преимущества.

В науке высказаны некоторые предложения по совершенствованию закона, основанные на критической оценке ч. 3 ст. 81 УК РФ. В частности, О.В. Жданова пишет: «Возможность безусловного освобождения от дальнейшего отбывания наказания военнослужащих в случае заболевания, делающего их негодными к военной службе (ч. 3 ст. 81 УК РФ), противоречит существующим основополагающим идеям уголовного права и целям уголовного наказания, законодатель неоправданно не учитывает степень возможной общественной опасности совершенного военнослужащим преступления». В связи с этим автор предлагает применять данное основание освобождения военнослужащих от уголовного наказания лишь в отношении лиц, совершивших преступления небольшой тяжести¹⁹⁷. Однако представляется, что это полумера, лишь несколько смягчающая остроту противоречия рассматриваемого предписания принципам уголовного права. На наш взгляд, при наличии ч. 2 ст. 81 УК РФ, а также с учетом положений ч. 3 ст. 54 УК РФ и ст. 55 УК РФ, предписания ч. 3 ст. 81 УК РФ могут быть безболезненно исключены из закона, с одновременной проработкой вопроса о замене для исследуемой категории лиц воинских наказаний иными, так называемыми «общеуголовными». При таком подходе разумная гуманистическая привилегия, связанная с болезнью, не будет входить в противоречие с требованиями справедливости, равенства и недискриминации.

Итак, наличие выявленного тяжелого заболевания влечет за собой освобождение от отбывания уголовного наказания. В существующей формуле закона следует обратить внимание, что законодатель предусмотрел различную степень обязательности освобождения от наказания на основании ч. 2 и ч. 3 ст. 81 УК РФ. В первом случае оно является факультативным, во

¹⁹⁷ Жданова О.В. Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 11.

втором – обязательным. С учетом высказанных ранее положений относительно перспектив ч. 3 ст. 81 УК РФ можно в первом приближении предположить, что освобождение военнослужащих от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью должно стать диспозитивным, а замена воинских наказаний общеуголовными в данном случае – императивной.

Между тем вопрос о диспозитивной природе освобождения от наказания по болезни является дискуссионным. Многие специалисты, следуя буквальному толкованию закона, указывают, что при решении вопроса об освобождении от наказания суд должен учитывать целый ряд обстоятельств, связанных с характеристикой личности виновного и его поведения¹⁹⁸. Однако более обоснованной представляется позиция В.В. Мальцева, который, также отталкиваясь от результатов буквального толкования, указывает, что не связанные с болезнью обстоятельства не должны иметь значения при применении ч. 2 ст. 81 УК РФ¹⁹⁹. Для их учета законодатель предусматривает иные правовые возможности (условно-досрочное освобождение и др.). Здесь же главное (и единственное) основание – состояние здоровья осужденного, которое препятствует отбыванию уголовного наказания. С учетом требований гуманизма такое освобождение должно быть императивным.

Суд должен смягчить правовое положение осужденного больного, однако диспозитивность целесообразно оставить в части решения вопроса о том, каким именно образом такое смягчение должно происходить. Сегодня закон предусматривает лишь один вариант – освобождение от отбывания наказания. Вместе с тем, учитывая, что осужденные могут отбывать различные виды наказаний (от штрафа до лишения свободы), могут быть осуждены за совершение преступлений самых различных категорий тяжести, могут иметь разную степень исправления и представлять разную степень

¹⁹⁸ См., напр.: Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. – В 3 т. Т. 1: Общая часть. – 2 изд., испр. и доп. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 617-618. Автор главы – Е.В. Кобзева.

¹⁹⁹ Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. – С. 183.

опасности для общества, вероятно, имеет смысл в целях обеспечения начал законности и справедливости установить возможность выбора судом варианта поведения: либо освобождать осужденного от отбывания наказания, либо заменять неотбытое наказание более мягким видом – с учетом состояния здоровья осужденного.

Переходя к анализу привилегий, установленных для лиц, больных наркоманией, имеет смысл ограничить рамки анализа только теми аспектами установления и реализации ст. 82¹ УК РФ, которые имеют непосредственное отношение к теме, к вопросу о соотношении привилегий и равенства в уголовном праве.

Оцениваемые сквозь призму заявленной проблематики предписания ст. 82¹ УК РФ вызывают некоторые нарекания. Прежде всего, обратим внимание, что отсрочка отбывания наказания «в обмен» на лечение и медицинскую и социальную реабилитацию предоставляется далеко не всем лицам, испытывающим проблемы с применением психоактивных веществ. Из общего массива таких лиц исключены лица:

- злоупотребляющие наркотическими средствами, которым не установлен официально диагноз «наркомания»;

- имеющие диагноз «токсикомания» или «алкоголизм». В специальной литературе уже отмечено, что из медико-правовой природы наркомании следует нестабильность диагноза «наркомания» и возможность его трансформации в токсикоманию, равно как и наоборот. Это непосредственно определяется нормотворческой практикой Правительства РФ по формированию списков наркотиков. Например, постановлением Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. № 144 сильнодействующее вещество «гаммабутиролактон» было исключено из одноименного списка веществ и включено в перечень психотропных веществ (Список III)²⁰⁰.

²⁰⁰ Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. № 144 (в ред. от 01 октября 2012 г., № 1002) «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом наркотических средств,

Поэтому с момента вступления данного постановления в силу злоупотребление указанным веществом следует диагностировать как наркомания с автоматическим наделением осужденного правом на отсрочку от отбывания наказания в порядке ст. 82¹ УК, которого он был ранее лишен в связи с диагностированным заболеванием токсикоманией. То есть право на замену уголовного наказания лечением является производным от вида заболевания, определяемого по результатам проведения судебно-наркологической экспертизы. Подобные нормы представляются в некотором смысле наркостимулирующими, поскольку заключают в себе «выгоду» быть потребителем наркотиков, нежели любых иных психоактивных (наркотикодействующих) препаратов. Ведь в случае привлечения потребителя наркотиков к уголовной ответственности он наделяется правом выбирать отбытие наказания или прохождение курса обязательного лечения, в то время как больные токсикоманией или алкоголизмом таким правом не обладают. Несоответствие в уголовно-правовых последствиях для страдающих тождественными видами заболеваний разумным признать нельзя, учитывая, что при применении условного осуждения возможность назначения обязательного лечения не зависит от вида вещества, которым лицо злоупотребляет²⁰¹;

- совершившие иные, кроме указанных в ст. 82¹ УК РФ, преступления, в том числе связанные с оборотом наркотических средств, небольшой или средней тяжести, в состоянии наркотического возбуждения;

- осужденные к иным, кроме лишения свободы, видам уголовного наказания. Э.Н. Жевлаков пишет, что крайне сложно объяснить, чем руководствовался законодатель, предоставляя отсрочку отбывания наказания лишь лицам, осуждаемым к лишению свободы. Перечисленные в ст. 82¹ УК

психотропных веществ и их прекурсоров» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 10, ст. 1232; 2012. – № 41, ст. 5624.

²⁰¹ См.: Кухарук В.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: вопросы теории и реализации [Электронный ресурс] // Юридические исследования. – 2013. – № 1. – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_366.html (дата обращения: 29.11.2014).

преступления с учетом изменений в ст. 15 УК РФ, внесенных федеральным законом от 7 декабря 2011 г., относятся к преступлениям небольшой тяжести²⁰². Но суды редко назначают по ним наказание в виде реального лишения свободы, хотя такая возможность ст. 56 УК РФ им предоставлена. В отношении иных преступлений небольшой тяжести лишение свободы может быть назначено лишь при наличии отягчающих обстоятельств или если этот вид наказания предусмотрен как единственный в санкции статьи Особенной части УК РФ. Таким образом, допуская отсрочку, по общему правилу, лишь за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, ограничивая применение лишения свободы за эти преступления с одновременным предоставлением отсрочки лишь осужденным к лишению свободы, мы попадаем в «замкнутый круг», а применение ст. 82¹ УК РФ существенно ограничивается²⁰³. От себя добавим, что принципиально не меняет оценок и введение в УК РФ ст. 72¹, устанавливающей возможность суда назначить лицам, больным наркоманией, и осужденным к иным видам наказаний, дополнительной меры в виде лечения и курса реабилитации. Эта норма вводит неоправданные различия между осужденными к лишению свободы и осужденными к иным видам наказаний, а равно между совершившими преступления, составляющие оборот наркотиков и иные посягательства;

- совершившие преступления не впервые. Адаптируя к теме рекомендации, данные в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», можно утверждать, что впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо: а) совершившее одно или несколько преступлений из числа указанных в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ, ни за одно

²⁰² См.: Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г., № 431-ФЗ) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. – 2011. – 09 дек.; 2013. – 30 дек.

²⁰³ См.: Жевлаков Э.Н. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 23–28.

из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности²⁰⁴;

- изъявившие желание пройти курс лечения и реабилитации в негосударственных и немуниципальных клиниках. Согласно ст. 55 Федерального закона от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 03 февраля 2015 г., № 7-ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах», профилактика и диагностика наркомании, медицинская реабилитация больных наркоманией осуществляются в медицинских организациях, получивших лицензию на указанный вид деятельности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Но лечение больных наркоманией проводится только в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения. При этом приватизация и передача в доверительное управление медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения, оказывающих наркологическую помощь, запрещаются²⁰⁵.

Изъятие весьма внушительной категории граждан из сферы действия привилегирующих положений закона требует пояснений, прежде всего, с

²⁰⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.

²⁰⁵ Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2, ст. 219; 2015. – № 6, ст. 885.

точки зрения соответствия таких ограничений социальным основаниям привилегии.

Представляется, что установление весьма льготного режима уголовной ответственности лиц, больных наркоманией, преследовало широкие социальные цели, выходящие за пределы собственно уголовно-правового регулирования. Руководитель Следственного департамента ФСКН России С.П. Яковлев прямо признался: «Мы предлагаем не рассматривать уголовное наказание для наркопотребителей как самоцель, а лишь как дополнительный правовой механизм, способный побудить таких лиц к отказу от потребления наркотиков и добровольному выбору лечения. Цель – это обеспечение правопослушного поведения и отказ от потребления наркотических средств или психотропных веществ, а также стимулирование лиц, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества, к обращению в добровольном порядке в лечебно-профилактические учреждения для прохождения медико-реабилитационной процедуры избавления от наркотической зависимости»²⁰⁶.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу отношения представителей ФСКН к уголовному наказанию, заметим, что сама по себе идея «лечения в обмен на наказание» вполне разумна. Однако ее реализация в действующем уголовном законодательстве, мягко говоря, далека от совершенства.

Стоит отметить, что международное сообщество, документы которого часто служат основанием реформирования УК РФ, не исключает альтернативы «лечение или наказание», но предлагает принципиально иной подход к ее реализации в законе. Прежде всего, оно различает преступления, образующие часть наркобизнеса («торговли наркотиками»), и преступления, совершенные лицами, злоупотребляющими наркотическими средствами. При этом Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических

²⁰⁶ Лечение от наркозависимости как альтернатива уголовному наказанию (выступление руководителя Следственного департамента ФСКН России Яковлева С.П. 05.10.2011 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speech_public/2011/1005/223515160/detail.shtml (дата обращения: 01.11.2014).

средств и психотропных веществ крайне сдержанно подходит к возможности освобождения от наказания лиц, участвующих в торговле наркотиками, допуская замену их наказания принудительным лечением лишь в случаях «малозначительных нарушений»²⁰⁷. Резолюция (73) 6 Комитета министров Совета Европы от 19 января 1973 г. «О вопросах наказания в связи с злоупотреблениями наркотиками» также провозглашает: «Уголовное право должно предусматривать суровые санкции за профессиональную торговлю наркотиками. Закон должен быть сформулирован таким образом, чтобы допускать возможность лечения и реабилитации либо в пределах уголовно-исправительных учреждений, либо за их пределами, а также в период опеки после лишения свободы»²⁰⁸.

Иное дело, уголовная политика в области противодействия малозначительным преступлениям, которые совершаются лицами, злоупотребляющими наркотиками. Упомянутая Резолюция Комитета министров Совета Европы провозгласила: «В зависимости от национальных обстоятельств должна рассматриваться возможность разрешения прокурорам и судьям прекращать разбирательства по делам в отношении лиц, зависимых от наркотиков, которые соглашаются на лечение и дальнейшую опеку, или в отношении которых принято административное или судебное решение о принудительном лечении».

Здесь, как видно, нет ограничений в отношении круга совершенных зависимым лицом преступлений (это могут быть и кражи, и мошенничество, и побои, и др.). Но очевидно, что это преступления, не представляющие большой общественной опасности. К тому же Резолюция указала на необходимость того, чтобы при принятии решения по рассматриваемой

²⁰⁷ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: заключена 20 декабря 1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994.

²⁰⁸ Резолюция (73) 6 Комитета министров Совета Европы «О вопросах наказания в связи с злоупотреблением наркотиками»: принята 19 января 1973 г. // Совет Европы и Россия: сб. докум. – М.: Юрид. лит., 2004.

категории дел «прокуроры и судьи имели доступ к соответствующей информации о личности преступника и его биографии».

Таким образом, возможность замены наказания лечением и опекой не исключена для лиц, совершивших преступления и злоупотребляющих наркотиками. Однако при принятии решения должны учитываться опасность (а не вид сам по себе) преступления и особенности личности виновного (а не назначенное ему наказание, факт совершения преступления впервые или диагноз).

На основании изложенного можно резюмировать, что установленные УК РФ ограничения по предоставлению отсрочки отбывания наказания лицам, больным наркоманией, не согласовываются с социальными предпосылками и международными рекомендациями для соответствующей меры²⁰⁹, что превращает сами эти ограничения в неоправданные основания дискриминации больных лиц, трансформирует разумную идею ограничения карательного воздействия медико-реабилитационными мероприятиями в субъективно окрашенный и, по сути, неконституционный механизм создания преимуществ для отдельных категорий лиц.

²⁰⁹ В науке отмечаются и иные негативные аспекты исследуемой правовой нормы. В частности, отмечается, что рискоемкость идеи отсрочки отбывания наказания больным наркоманией наблюдается в неопределенности вопроса о том, к какому моменту – совершения преступления или вынесения обвинительного приговора суда – должно наличествовать болезненное пристрастие лица к немедицинскому употреблению наркотических средств или психотропных веществ. Исследователи справедливо задаются вопросами: Не нарушит ли принцип справедливости то обстоятельство, что лицо, на момент совершения преступления страдавшее наркоманией, но самостоятельно прошедшее курс лечения и к моменту вынесения приговора суда не являющееся наркозависимым, потеряет право на льготу? Не будет ли подобное положение УК РФ антистимулом к лечению наркозависимости, дабы оставить свою болезнь «про запас» на случай раскрытия преступления и привлечения к уголовной ответственности, чтобы выгодно «обменять» грозящее уголовное наказание в виде лишения свободы на лечение? Не приведет ли, с другой стороны, стремление лиц избавиться от реального отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы за совершение наркопреступлений к сознательному злоупотреблению наркотическими средствами или психотропными веществами, несмотря на отсутствие заболевания на момент совершения преступления? См.: Тихонова С.С., Бачурина Т.А. Современная концепция уголовной ответственности лиц, больных наркоманией // Современное российское уголовное законодательство: состояние, тенденции и перспективы развития с учетом требований динамизма, преемственности и повышения экономической эффективности (к 15-летию принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года). – Н. Новгород, 2012. – С. 154–161.

Исправление ситуации, на наш взгляд, требует приведения норм российского уголовного закона в соответствие с международными рекомендациями и распространение механизма лечения, установленного ст. 82¹ УК РФ, на всех лиц, больных наркоманией или токсикоманией, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. О возможности такого решения заявили 57% из числа опрошенных при проведении исследования практикующих юристов. При этом соответствующая норма должна носить диспозитивный характер, а ее применение не должно исключать возможности сочетания мер уголовно-правового характера с гражданско-правовыми механизмами возмещения вреда.

Родительский статус

Особое место в ряду уголовно-правовых привилегий занимают те, что обусловлены родительским статусом лица, совершившего преступление. Анализ норм действующего УК РФ позволяет выявить две группы таких предписаний.

Первая состоит в ограничениях на применение к женщинам, имеющим детей в возрасте до трех (четырнадцати) лет, некоторых видов уголовных наказаний, в частности, обязательных работ (ч. 4 ст. 49 УК РФ), исправительных работ (ч. 5 ст. 50 УК РФ), принудительных работ (ч. 7 ст. 53¹ УК РФ) и ареста (ч. 2 ст. 54 УК РФ).

Вторая группа привилегий представлена одной нормой, установленной ст. 82 УК РФ, которая регламентирует порядок и основания предоставления отсрочки отбывания наказания женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, а также мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным его родителем.

Уже первый, самый приблизительный анализ этих нормативных предписаний позволяет выявить различный подход уголовного законодателя к определению круга лиц, претендующих на привилегии в связи с осуществлением родительских обязанностей. Большая и содержательная дискуссия, развернувшаяся по поводу первоначальной редакции ст. 82 УК

РФ, допускавшей применение отсрочки только в отношении женщин с детьми²¹⁰, завершилась, как известно, распространением действия данной нормы и на мужчин. Однако законодатель принял половинчатое решение. Во-первых, он допустил применение отсрочки отбывания наказания только к тем мужчинам – отцам, которые являются единственным родителем ребенка, и, во-вторых, не вошел в обсуждение вопроса о возможности ограничения применения видов наказаний, предусмотренных ст. ст. 49, 50, 53¹, 54 УК РФ, для мужчин с родительскими обязанностями.

Между тем такое положение вещей требует отдельной и самостоятельной оценки. Вопрос о правовой природе, основаниях и целесообразности установления ограничений в применении отдельных наказаний для женщин с детьми и возможности распространения этих ограничений на мужчин в нашей литературе практически не обсуждается. Должно быть очевидно, что в основе таких законодательных установлений – не сам по себе пол осужденной, а именно ее родительская функция, наличие ребенка, нормальное воспитание и содержание которого требуют и родительского присутствия, и сохранения заработка родителей. Руководствуясь принципом наилучшего обеспечения прав ребенка при осуществлении мероприятий в рамках уголовной политики (что

²¹⁰ См., напр.: Буякевич Т.С. Уголовно-правовые, криминологические и пенитенциарные проблемы отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995; Тюшнякова О.В. Отсрочка отбывания наказания женщинам как мера уголовно-правового воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2002; Гаджирамазанова П.К. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2002; Стеничкин Г.А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, как уголовно-правовая мера, не связанная с изоляцией от общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003; Кацуба С.А. Институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: уголовно-правовые и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003; Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола в уголовном праве и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин: дис. ... канд. юрид. наук. – Пятигорск, 2007; и др.

непосредственно предписано Конвенцией ООН о правах ребенка²¹¹), государство отказывается от реализации своего права на применение некоторых видов наказаний, полагая более значимым сохранение детско-родительских контактов и материальное благополучие ребенка.

Такой подход, на первый взгляд, совершенно разумный, тем не менее, создает некоторые значимые трудности и в практике реализации уголовной ответственности, и в деле защиты интересов детей.

Во-первых, как правильно отмечается в литературе, «стереотипное представление о правах женщин как совокупности льгот, обусловленных физиологическими особенностями пола и репродуктивной функцией, в условиях игнорирования принципа гендерного равенства ведет к умалению равных возможностей мужчин, оказавшихся в одинаковых социальных условиях в трудовых, семейных и иных отношениях»²¹². Отказ государства от предоставления льгот в части неприменения некоторых видов наказаний к мужчинам с родительскими обязанностями не может быть оправдан конституционными принципами дифференциации уголовной ответственности и представляет собой вполне откровенную дискриминацию. В связи с этим есть предпосылки к распространению исследуемых ограничений и на мужчин.

Однако ограничение правоприменителя в выборе видов наказаний для женщин с детьми имеет и сугубо уголовно-правовые негативные последствия, связанные с тем, что для них существенным образом сужается сфера возможной индивидуализации уголовного наказания. По сути, законодатель предусматривает для них только штраф и лишение свободы, причем, если лишение свободы для них может быть отсрочено на основании

²¹¹ См.: Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – М., 1993.

²¹² Исаева Н.В. Гендерная идентичность как фактор обеспечения прав человека // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. – СПб., 2005. – С. 188.

ст. 82 УК РФ, то уплата штрафа – нет, а это уже является отражением неравного (ухудшенного) положения женщин по сравнению с мужчинами.

В связи с этим возникает некоторая коллизия: законодатель должен сделать выбор между требованиями равенства и требованиями надлежащей дифференциации уголовной ответственности. На наш взгляд, последнее в рассматриваемом случае имеет решающее значение. С учетом мнения 74% опрошенных при подготовке диссертации практикующих юристов есть основание обсудить вопрос о «снятии» ограничений в применении некоторых видов наказаний для женщин с детьми. Во-первых, законодатель уже сделал некоторый шаг в этом направлении, когда в 2003 г. снизил возраст ребенка, наличие которого дает право на льготу, с восьми до трех лет²¹³. Во-вторых, удельный вес осужденных женщин с детьми в возрасте до трех лет относительно невелик, а потому коррекция закона не приведет в этой части к серьезным проблемам. Распространение на женщин с детьми в возрасте до трех (четырнадцати) лет возможности назначения обязательных, исправительных, принудительных работ и ареста создаст отношения равенства мужчин и женщин в рассматриваемой сфере. Причем это не повлечет ухудшения или нарушения интересов детей, поскольку за судом сохранится обязанность учета данных о личности виновного, в том числе родительского статуса, при назначении наказания, при определении его срока и размера удержаний из заработной платы. Более того, в некоторых случаях, когда исправительные работы будут назначаться женщинам с детьми, не имеющим места работы, можно прогнозировать и некоторое улучшение материального обеспечения детей.

²¹³ Надо признать, что в науке в это время высказывались и прямо противоположные суждения, в частности, о необходимости внести изменения в ч. 4 ст. 49 УК РФ (обязательные работы), ч. 5 ст. 53 УК РФ (ограничение свободы), ч. 2 ст. 54 УК РФ (арест), указав, что запрещается применять данные виды наказаний к женщинам, имеющим малолетних детей в возрасте до четырнадцати лет. – См. об этом: Кацуба С.А. Институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003. – С. 9.

Что касается предписаний об отсрочке отбывания лишения свободы лицам с родительскими обязанностями, то здесь обратим внимание на несоответствующую социальным основаниям нормы дискриминацию мужчин и женщин. Последние находятся в откровенно приоритетном положении, имея возможность получить отсрочку вне зависимости от того, являются они единственным или не единственным родителем ребенка²¹⁴. Кроме того, закон вольно или невольно дискриминирует мужчин и в ситуации, когда указывает на то, что они должны выступать «родителем» ребенка, тогда как в отношении женщин такой оговорки нет; отсрочка предоставляется «женщине, имеющей ребенка», строго говоря, вне зависимости от того, является она его родительницей либо же ребенок ею усыновлен или находится на воспитании в качестве приемного. Таким образом, здесь уже имеет место и дискриминационное отношение к самим несовершеннолетним в зависимости от того, каково правовое основание их проживания с лицом, совершившим преступление.

Представляется, что в целях обеспечения полного соответствия социальных оснований предоставления отсрочки лицам с родительскими обязанностями ее нормативному воплощению в тексте закона имеет смысл скорректировать положения ст. 82 УК РФ с тем, чтобы: а) установить возможность предоставления отсрочки мужчинам наравне с женщинами, то есть вне зависимости от того, являются ли они «единственным родителем» (с таким предложением согласились 47% опрошенных нами практикующих юристов); б) предусмотреть возможность отсрочки отбывания наказания для лиц, совершивших преступление, вне зависимости от того, находятся ли на их попечении и воспитании родные дети, усыновленные лица, лица,

²¹⁴ Попутно заметим, что сам термин «единственный родитель ребенка» нельзя признать удачным. У ребенка, по определению, два родителя – мать и отец. Другое дело, что в силу разных обстоятельств (смерть, развод родителей) ребенок может проживать и воспитываться только одним из родителей. Неопределенность закона в отношении того, кого же из мужчин признавать единственным родителем (вдовца или разведенного мужчину, чья бывшая жена и в состоянии, и обязана воспитывать ребенка, если не лишена родительских прав) может создать основание для субъективной интерпретации.

находящиеся под опекой или попечительством, а также переданные на воспитание в приемную семью (этот тезис был поддержан 76% респондентов).

Род деятельности

Одной из значимых социальных характеристик личности выступает род ее занятий или деятельности. Опосредованно он указывает на уровень образования, чувство социальной ответственности, круг общения, уровень общей культуры и в целом, если допустимо будет так выразиться, на уровень социальной «полезности» и «значимости» человека. Не учитывать эти обстоятельства в процессе установления и реализации уголовной ответственности было бы в корне не правильно. Потому Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений определил, что «конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации принципам справедливости и гуманизма противоречило бы законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего преступления лица»²¹⁵.

Общее правило оценки рода занятий человека в уголовном праве сформулировать весьма сложно, поскольку личность оценивается всегда в едином комплексе ее социально значимых характеристик. Вместе с тем внимательный анализ текста закона и правоприменительной практики позволяет выявить двойственность такой оценки. С одной стороны, закон недвусмысленно выражает прямую зависимость между значимостью

²¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 3.

выполняемой работы и объемом ответственности лица: чем более значима работа и должность, тем больший спектр требований к поведению, тем больше оснований для применения уголовно-правовых норм к нарушителям. С другой стороны, сам факт наличия работы зачастую признается судами смягчающим наказанием обстоятельством, а лица, занимающие ответственные должности в значимом производстве или сфере услуг и управления, как правило, положительно характеризуются, а потому не признаются представляющими большой опасности для общества и заслуживающими сурового наказания. Такой подход к оценке рода деятельности подтвержден мнением 78% опрошенных практикующих юристов.

Вывод об амбивалентности оценок, как мы указали, есть результат комплексного анализа и закона, и практики его применения. Если же ограничиться только текстом самого УК РФ, то найти в нем свидетельства возможности смягчения уголовно-правовых последствий совершения преступления для лиц, занимающихся тем или иным видом деятельности, крайне непросто. Как правило, закон признает совершение преступления при исполнении профессиональных функций квалифицирующим обстоятельством, но никак не наоборот²¹⁶. Однако в 2011 г. в текст закона была включена норма, анализ которой свидетельствует о существенном изменении позиции законодателя. Речь идет о ст. 76¹ УК РФ, установившей обязанность правоприменителя освобождать от уголовной ответственности лиц, которые впервые совершили преступления в сфере экономической деятельности и возместили ущерб потерпевшим и государству²¹⁷.

На первый взгляд, эта норма продиктована идеями гуманизации уголовной ответственности и стремлением внедрить в отечественное

²¹⁶ Подробнее см.: Мирошниченко Н.В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций. – М.: Юрлитинформ, 2014.

²¹⁷ См.: Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г., № 431-ФЗ) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. – 2011. – 09 дек.; 2013. – 30 дек.

уголовное право отдельные элементы концепции восстановительного правосудия²¹⁸. Однако при ближайшем рассмотрении, особенно с учетом мотивов включения исследуемой статьи в текст закона, эта благопристойная идея таит в себе весьма негативный подтекст.

В.В. Тарасенко пишет, что мотивом для введения статьи в закон послужила необходимость пополнения федерального бюджета, утратившего свою былую мощь в связи с финансово-экономическим кризисом 2008–2010 гг.²¹⁹ Однако, по нашему мнению, это лишь косвенный мотив. Официально заявленной в Пояснительной записке к законопроекту, провозглашенной с высоких политических трибун и доктринально обоснованной в Концепции модернизации уголовного законодательства²²⁰, стала цель защиты бизнеса и стимулирования предпринимательской активности за счет ослабления уголовно-правового давления. Разработчики закона, видимо, отталкивались от того, что широкое применение УК РФ в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, существенно тормозит развитие экономики страны. Но, как верно отметил Ю.Е. Пудовочкин, этот посыл далек от истины, поскольку, во-первых, основная масса преступлений, зарегистрированных по нормам главы 22 УК РФ, имеет малое отношение

²¹⁸ Комментируя и оправдывая положения анализируемой статьи, О.А. Чеснокова пишет: «Одни преступления посягают на жизнь и здоровье человека и наступившие последствия в данном случае нейтрализовать невозможно, а другие преступления посягают на собственность и экономические интересы государства, когда возмещение причиненного ущерба ликвидирует наступившие последствия» (Чеснокова О.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 3 (164). – С. 45). Не вступая в большую полемику с автором, отметим, что даже при совершении экономических преступлений возмещению может подлежать только часть последствий. Последствия же нематериальные, состоящие в дезорганизации правовых отношений, нарушении существующего порядка, установленного правом, возмещению, даже в порядке ст. 76¹ УК РФ, не подлежат.

²¹⁹ Тарасенко В.В. Презумпция утраты лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 1. – С. 184.

²²⁰ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010; Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011.

собственно к бизнесу, а во-вторых, УК применяется не к лицам, занимающимся бизнесом, а к лицам, в чьих действиях есть состав преступления²²¹.

Тем не менее реализация в уголовном законе правила об императивном освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших некоторые преступления в сфере экономической деятельности (в совокупности с последовавшей за этим дифференциацией уголовной ответственности за мошенничество и формулированием привилегированных составов хищения при осуществлении предпринимательской деятельности), убедительно свидетельствует о том, что в закон внедрены нормы, создающие основу для установления льготного, привилегированного способа реагирования государства на уголовно-правовой конфликт с ним отдельных категорий граждан, а именно – лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Опрошенные в процессе подготовки исследования практикующие юристы в большинстве своем (64%) признали, что ст. 76¹ УК РФ есть проявление привилегий по отношению к преступникам из числа предпринимателей.

Как верно пишет В.В. Тарасенко, «законодатель ... дает возможность «сверхбогатым» людям совершать уголовно наказуемые деяния в экономической сфере, не думая о правовых последствиях. Получается, что «де юре» лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет, возместив ущерб государству и выплатив денежное возмещение, утратит признак общественной опасности, хотя «де-факто» лицо не ощутило на себе никаких мер государственного воздействия и не перестало быть общественно опасным». При этом лица, имеющие низкий уровень дохода и не имеющие

²²¹ Пудовочкин Ю.Е. О грядущих изменениях уголовного закона (в порядке доктринального заключения на проект Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») [Электронный ресурс] // Сайт Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – URL: [http://sartraccc.ru/i.php?filename=Pub/pudovochkin\(09-11-11\).htm&oper=read_file](http://sartraccc.ru/i.php?filename=Pub/pudovochkin(09-11-11).htm&oper=read_file) (дата обращения: 15.10.2014).

возможности возместить причиненный ущерб, ставятся в неравное положение с лицами, имеющими более высокий доход, что напрямую нарушает ч. 1 ст. 19 Конституции РФ. Получаются своего рода экономические отношения, возникающие между лицом, нарушившим уголовно-правовой запрет, и государством, что, конечно, не может привести к восстановлению социальной справедливости, а также исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых преступлений²²².

Законодатель предлагает «экономическому преступнику» возместить ущерб в обмен на отказ государства от уголовного преследования. Тем самым конфликт преступника с законом низводится до уровня нарушения контрактных обязательств. Степень вины лица, совершившего преступление, причины и условия преступления, личность виновного и многое другое, что составляет важнейшие критерии вынесения справедливого, индивидуализированного уголовно-правового решения (и что прямо или косвенно предусмотрено в иных нормах об освобождении от уголовной ответственности в связи с позитивным постпреступным поведением), не имеет значения. Равно как не имеет значения, насколько доказан объем причиненного вреда. При этом игнорируется факт причинения вреда публичным интересам правопорядка. И как следствие всего этого – аннулируется превентивный потенциал уголовно-правовых запретов.

В нашу задачу не входит анализ ст. 76¹ УК РФ с точки зрения ее роли в реализации уголовной политики именно в экономической сфере²²³. Возможно, некие механизмы возмещения причинения вреда в данном случае и полезны, и целесообразны. Мы акцентируем внимание лишь на вопросе о

²²² Тарасенко В.В. Презумпция утраты лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 1. – С. 185.

²²³ Обстоятельное освещение данный вопрос получил в работе: Князьков А.А., Соловьев О.Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях: технико-юридические аспекты законодательной и правоприменительной практики. – Рязань: Концепция, 2014.

социальной обусловленности этого предписания и его соответствии принципу равенства граждан.

Получается, однако, что ст. 76¹ УК РФ нарушает этот принцип, минимум, дважды: во-первых, ставя в неравное положение лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, по отношению к лицам, выполняющим иные виды профессиональной деятельности, в случае совершения ими равнозначных преступлений; а во-вторых, дискриминируя уже самих предпринимателей по признакам их имущественного статуса²²⁴.

С таким положением вещей вряд ли можно согласиться. Убеждены, что создание льгот для предпринимательского сословия в сфере уголовно-правового регулирования – опасное и неконституционное направление уголовной политики. Подтверждает этот тезис и постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа»²²⁵, которым фактически признано неконституционным установление преференций и льгот в реализации уголовной ответственности лишь на том основании, что само преступление совершается в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Опросы, проведенные при подготовке исследования, показывают, что 85% из числа практикующих юристов негативно оценивают положения ст. 76¹ УК РФ. С учетом мнения профессионалов, принимая во внимание приведенные выше аргументы, а также учитывая наличие в УК РФ достаточного числа норм, позволяющего в должной мере учитывать позитивное постпреступное

²²⁴ А.Г. Кудрявцев в связи с этим пишет: «для лиц, искренне пожелавших освободиться от уголовной ответственности, но не имеющих значительных финансовых ресурсов, нет никакой возможности сделать это». – См.: Кудрявцев А.Г. Действительные и кажущиеся противоречия уголовно-правовой политики в регламентации вопросов освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 3 (7). – С. 35.

²²⁵ Рос. газета. – 2014. – 24 дек.

поведение лиц, совершивших запрещенные УК РФ деяния, полагаем, что анализируемая норма должна быть из закона исключена.

§ 3. Привилегии, обусловленные постпреступным поведением виновного

К числу тезисов, не вызывающих сегодня особых возражений, относится положение о том, что государство обладает достаточно широкой автономией и свободой в реализации принадлежащего ему права на уголовное наказание, в определении целей, направлений и средств уголовной политики. Эта свобода, среди прочего, проявляется и в дифференцированном использовании, пожалуй, главного уголовно-политического средства – уголовной ответственности и наказания. Государство самостоятельно, руководствуясь как принципами уголовного права, так и иными политико-правовыми соображениями более общего свойства, устанавливает правила, в соответствии с которыми решает основной вопрос уголовного права: применять или не применять в том или ином конкретном случае уголовную ответственность, и если да, то в каком объеме. Важное место в ряду обстоятельств, определяющих ответ на этот вопрос, принадлежит тем, что связаны с идеей компромисса в борьбе с преступностью.

Компромисс в той или иной форме существовал всегда, косвенным подтверждением чему служит известная народная мудрость и пословица «Повинную голову меч не сечет». Однако наиболее полное воплощение и развернутое теоретическое обоснование идея компромисса получила в 90-е годы прошлого столетия в связи с разработкой и принятием ныне действующего УК РФ.

Согласно общепринятой точке зрения, компромисс представляет собой взаимные уступки государства и лица, совершившего преступление: государство полностью или частично поступает своим правом на наказание преступника в обмен на некие социально значимые действия с его стороны. Как пишет Х.Д. Аликперов, «соблюдение интересов виновного и

возможность разумного смягчения его участи в рамках и на основе закона в обмен на положительный посткриминальный поступок в ряде случаев обеспечивают оптимальные результаты как с точки зрения их справедливости, так и с точки зрения обеспечения или восстановления целостности объектов правоохраны, компенсации причиненного вреда, экономии сил и средств правоохранительных органов»²²⁶.

Такой общий подход нашел отражение в дефиниции компромисса, предложенной А.И. Терских. Она указывает, что уголовно-правовой компромисс есть правоотношение, возникающее между лицом, совершившим преступление, и государством по поводу совершенного преступления, в результате которого достигается соглашение о прекращении (смягчении) уголовно-правового воздействия со стороны государства на лицо, совершившее преступление, в пределах уголовно-правовой нормы в обмен на совершение последним определенных в законе положительных посткриминальных поступков²²⁷.

Будучи единой в этом общем подходе, наука, тем не менее, демонстрирует несовпадающие позиции в определении того, какие именно нормы считать предписаниями, допускающими компромисс в борьбе с преступностью.

Широко известна позиция Х.Д. Аликперова, который различает поощрительные нормы уголовного закона и нормы, допускающие компромисс. Он, в частности, пишет, что под нормами уголовного законодательства, допускающими компромисс в борьбе с преступностью, следует понимать нормы Общей и Особенной части уголовного закона, в которых лицу, совершившему преступление, гарантируется освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания в обмен на совершение таким лицом поступков, определенных в законе. Отличие от поощрительных

²²⁶ Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: автореф. ... д-ра юрид. наук. – М., 1992. – С. 11.

²²⁷ Терских А.И. Компромисс в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – С. 8.

норм состоит, среди прочего, в том, что таковые предусматривают либо условное неприменение наказания, либо сокращение срока наказания, либо смягчение режима его отбывания; причем поощрительные нормы учитывают главным образом постсудебное, пенитенциарное и постпенитенциарное поведение осужденного, тогда как для применения норм, допускающих компромисс, решающее значение имеет непосредственное прикриминальное поведение, посткриминальное поведение или поведение в период производства по делу²²⁸. Х.Д. Аликперов относит к обсуждаемым нормам те, что устанавливают последствия добровольного отказа от преступления, выполнение действий, предусмотренных в примечаниях к статьям Особенной части Уголовного кодекса, раскаяния, явки с повинной, активного способствования раскрытию преступления, возмещения вреда, давности.

Противоположную позицию в исходных теоретических параметрах занимает Ю.В. Голик, который не проводит принципиальных различий в компромиссе и стимулировании. Он пишет, что меры уголовно-правового поощрения всегда означают «устранение обременений», которое может выступать в виде обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности, смягчающего условия отбывания наказания, досрочно освобождающего от отбывания наказания, досрочно освобождающего от правовых последствий ранее совершенного преступления (снятие судимости)²²⁹. Дословно воспроизводит это положение И.А. Семенов, который усматривает поощрение в ч. ч. 2 и 4 ст. 31 УК РФ; ч. 1 ст. 37, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 39, ч. 1 ст. 41, ч. ч. 1 и 2 ст. 42 УК РФ; п. п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ; ч. 3 ст. 73 УК РФ; ч. 1 ст. 74 УК РФ; ч. 1 ст. 75 УК РФ; ст. 76 УК РФ; ч. ч. 1 и 5 ст. 79 УК РФ; ч. 1 ст. 80 УК РФ; ч. 5 ст. 86 УК РФ, а также в

²²⁸ Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: автореф. ... д-ра юрид. наук. – М., 1992. – С. 15, 17, 19.

²²⁹ Голик Ю.В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата. – М., 1994. – С. 24.

примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, предусматривающих специальное основание освобождения от ответственности²³⁰.

Иной набор предписаний компромиссного характера предлагает А.П. Фильченко, относя к ним добровольный отказ от совершения преступления, прекращение делящегося преступления, сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, его предотвращение либо пресечение, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, выполнение действий, составляющих обстоятельства, смягчающие наказание, выход на сотрудничество с правоохранительными органами, признание вины в совершении преступления²³¹.

Вероятно, список разночтений можно продолжить. Каждая из представленных и оставшихся за рамками анализа позиций, вне сомнений, имеет право на существование, равно как каждая из них может считаться справедливой лишь при согласии с теми исходными посылками и допущениями, которые формулируют их авторы.

С точки зрения темы, исследуемой в настоящей работе, представляется возможным заметить, что различия между поощрением и компромиссом в уголовном праве, которые в реальности существуют (очевидно, что компромисс всегда предполагает поощрение, хотя поощрение возможно и без компромисса), в нашем случае не имеют принципиального значения.

Привилегии всегда имеют некоторое основание. В том случае, когда они связаны с постпреступным поведением виновного лица, они выступают одновременно и как поощрение позитивной направленности такого поведения, и как средство его стимулирования, и как компромисс. В данном случае не важно, на какой стадии постпреступных отношений происходит «обмен» поведения на привилегию. Важно, чтобы это поведение было именно постпреступным.

²³⁰ Семенов И.А. Поощрительные нормы в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 14, 18.

²³¹ Фильченко А.П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – Вып. 2 (20). – С. 251–259.

Учитывая это, сложно согласиться с юристами, которые к компромиссам и поощрениям в уголовном праве относят нормы о добровольном отказе от преступления. В случае добровольного недоведения начатого преступления до конца отсутствует основание для привлечения лица к уголовной ответственности. Отказ от ответственности здесь выступает не льготой и не поощрением, а закономерной констатацией действия принципа законности: есть основание – может быть ответственность, нет основания – ответственности быть не может. Что касается способности нормы о добровольном отказе стимулировать позитивное поведение, то оно ничем не отличается от аналогичного действия всех иных норм уголовного права (норма об ответственности за любое преступление стимулирует к позитивному некриминальному поведению, а нормы о неоконченном преступлении стимулируют прерывать преступление на ранних стадиях).

По этим же причинам и в равной мере сложно согласиться с позицией о признании компромиссными и поощрительными норм о необходимой обороне, крайней необходимости и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Здесь, как представляется, нет ни стимулов, ни поощрений, а самое главное – нет постпреступного поведения.

Наконец, вызывает критику и предложение считать постпреступным поведением, заслуживающим поощрения, признание вины. Такой подход вызван фактом закрепления в УПК РФ самостоятельной Главы 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением». Удовлетворение ходатайства обвиняемого о применении особого порядка принятия судебного решения влечет за собой актуализацию ч. 5 ст. 62 УК РФ, в соответствии с которой срок или размер наказания в этом случае сокращается не менее чем на одну треть максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, а в случае, указанном в статье 226.9 УПК РФ – не менее чем на одну вторую.

Однако истинное предназначение ч. 5 ст. 62 УК РФ не в том, чтобы стимулировать и поощрять признание вины как таковое. Эта норма появилась в уголовном законе как материальное подтверждение процессуальных предписаний. С тем, чтобы понять ее природу, следует обратиться к первоисточнику, в данном случае – к УПК РФ.

Глава 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме», в которой расположена ст. 226.9 УПК, и Глава 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» в реальности не предназначены для того, чтобы стимулировать то или иное одобряемое поведение лица, совершившего преступление. В их основе, как представляется (и этот тезис подтвержден 73% опрошенных специалистов из числа практикующих юристов), лежат соображения, связанные с экономией процессуальных средств и бюджетных расходов. Государство позволяет себе с согласия лица, совершившего преступление, и при неизменности гарантий прав потерпевшего от преступления ограничиться минимальным набором процессуальных действий, тем самым сэкономив некоторую часть возможных расходов, гарантируя виновному в обмен на его согласие с такой экономией, сокращение срока возможного наказания.

Важно обратить внимание, что текстуально такой обмен оформлен в процессуальном законодательстве весьма своеобразно. В ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ и ч. 1 ст. 314 УПК РФ предусмотрено, что дознание в сокращенной форме и особый порядок судебного разбирательства иницируются по ходатайству подозреваемого или обвиняемого. Получается, что именно лицо, совершившее преступление, стимулирует государство к экономии средств. Маскировочный и притворный характер такого решения представляется очевидным. Если бы речь шла только о заинтересованности лица, совершившего преступление, в сокращении срока возможного наказания, то полагаем вполне достаточным было бы наличие положений ч. 1 ст. 62 УК РФ, ст. 75 УК РФ, ст. 76 УК РФ и примечаний к статьям Особенной части УК

РФ, которые предусматривают и сокращение срока наказания, и освобождение от уголовной ответственности как по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести (они составляют основу ст. 226.1 УПК РФ), так и по делам о тяжких преступлениях (особый порядок судебного разбирательства по ним допускается Главой 40 УПК РФ). Соответствующие статьи, действительно, стимулировали бы лицо, совершившее преступление, к позитивным действиям в интересах потерпевшего и общества. Однако в ч. 5 ст. 62 УК РФ государство, на наш взгляд, в большей степени проявляет заботу о своих собственных интересах. Следовательно, и инициатива сокращенного дознания и упрощенного судопроизводства должна исходить от государства. Лицо же, совершившее преступление, наделяется в этом случае правом санкционировать или несанкционировать сокращение процессуальных и бюджетных средств. Очевидно, что к решению собственно уголовно-правовых задач исправления преступников, предупреждения преступлений, возмещения вреда конструкция, обозначенная в ч. 5 ст. 62 УК РФ, не имеет отношения. Мы в данном случае не оспариваем ее необходимость или целесообразность. Мы лишь утверждаем, что эта конструкция не имеет отношения к поощрениям, компромиссам и не может рассматриваться как составная часть системы привилегий в уголовном праве.

Продолжая общий анализ льготных предписаний, обусловленных позитивным постпреступным поведением, находим возможным выступить с критической оценкой позиции, в соответствии с которой к таковым нормам следует относить положения закона об условно-досрочном освобождении от наказания и о замене наказания более мягким видом. Несмотря на то, что внешне соответствующие предписания выглядят как установление льготы для лиц, отбывающих наказание, на деле в их основе лежат совершенно иные основания, нежели у привилегий. Положения ст. ст. 79 и 80 УК РФ отражают действие так называемой прогрессивной системы исполнения

уголовных наказаний²³². В данном случае «облегчение» уголовно-правовых последствий совершения преступления вызывается необходимостью стимулировать исправление осужденных и определяется степенью их исправления в результате применения тех или иных мер со стороны администрации исправительных учреждений и уголовно-исполнительной инспекции. Иными словами, в основе решений о сокращении срока и замене наказания – по большей части, уголовно-исполнительные цели и задачи. Здесь не происходит «обмен» заслуг преступника на поощрение со стороны государства. Даже действия, связанные с возмещением ущерба потерпевшему, которые с недавнего времени рассматриваются в качестве обязательного условия для применения ст. 79 УК РФ, не связаны непосредственно с предоставлением льготы, не корреспондируют ей, но лишь учитываются в общем массиве обстоятельств, предусмотренных соответствующей нормой.

По этим же соображениям нецелесообразно рассматривать в ряду уголовно-правовых привилегий положения закона о досрочном снятии судимости.

Таким образом, на основании этого краткого и от того, возможно, неполного анализа, представляется возможным в свете проблем, рассматриваемых в настоящей диссертации, ограничить перечень *привилегий, обусловленных позитивным постпреступным поведением виновного лица, нормативными предписаниями, предусмотренными ч. ч. 1–4 ст. 62 УК РФ, ст. 76 УК РФ, а также примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающими специальные основания освобождения от уголовной ответственности.*

В качестве общего свойства всех этих привилегий выступает положительное посткриминальное поведение субъекта преступления, то есть предусмотренное уголовно-правовой нормой непреступное общественно

²³² См.: Аванесов Г.А. Изменение условий содержания осужденных (прогрессивная система). – М.: ВНИИ МООП СССР, 1968; Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний: учебное пособие. – М.: Зерцало, 1997.

полезное, сознательно-волевое проявление активности лицом после совершения им преступления, влекущее устранение или смягчение уголовно-правового обременения.

Эта активность вполне проявляется в двух основных направлениях: возмещение причиненного преступлением вреда и помощь в раскрытии преступлений. Первое закономерно ассоциируется с жертвой преступления, второе – с государством. Важно подчеркнуть, что эти направления устойчиво коррелируют задачам уголовного права: восстановлению социальной справедливости и предупреждению преступлений (хотя должно быть очевидным, что такое четкое дифференцирование в чистом виде вряд ли возможно).

Если исходить из того, что любое преступление причиняет вред и конкретным лицам (потерпевшим), и государству в целом (правопорядку), и что соотношение этих видов последствий не является единым в различных преступлениях, то при конструировании уголовной политики и уголовно-правовых средств воздействия на преступность разумно дифференцированно оценивать усилия виновного лица по возмещению причиненного вреда, по-разному расставляя приоритеты такого возмещения и гарантируя виновному некоторые уголовно-правовые привилегии «в обмен» на такое возмещение. При этом вполне обоснованными будут следующие закономерности:

- чем больше государство заинтересовано в возмещении вреда, тем интенсивнее (объемнее, значимее) привилегии;
- в возмещении какого именно вреда в большей степени заинтересовано государство, такое возмещение и будет иметь решающее значение в определении привилегии.

Анализируя через призму этих теоретических положений предписания действующего уголовного закона, нетрудно заметить, что:

- положения ст. 76 УК РФ в значительной степени представляют собой государственную привилегию лицам, возместившим вред потерпевшему от преступления;

- положения ч. ч. 1–4 ст. 62 УК РФ, а также примечания к статьям Особенной части УК РФ об освобождении от ответственности в большей мере связаны с установлением привилегий для лиц, которые оказывают содействие государству в решении уголовно-правовых задач предупреждения преступлений.

Особняком располагается ст. 75 УК РФ, которая в качестве условий освобождения от уголовной ответственности перечисляет действия, связанные и с возмещением вреда потерпевшему, и с оказанием помощи государству в расследовании преступлений. Тем самым норма находится как бы между обозначенными направлениями. Ее специфическое положение состоит и в том, что указанные разновидности действий сами по себе не являются достаточными для освобождения от ответственности. Принятие такого решения возможно по закону только в том случае, когда правоприменитель убедится, что в силу выполнения указанных действий лицо, совершившее преступление, перестало быть общественно опасным. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указал, что при решении вопроса об утрате лицом общественной опасности необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности. При этом признание лицом своей вины без совершения действий, предусмотренных указанной нормой, не является деятельным раскаянием²³³. Можно, таким образом, утверждать, что в ст. 75 УК РФ отражен «обмен» государственной привилегии в виде освобождения от уголовной ответственности на самостоятельное (без участия государства) достижение лицом, совершившим преступление, всех задач уголовно-правового регулирования: не только восстановления справедливости и предупреждения преступлений, но и исправления виновного. По большому счету, такой

²³³ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.

«обмен» сложно назвать привилегий в подлинном смысле слова, поскольку при достижении целей и задач уголовно-правового регулирования реализация ответственности (главного средства решения этих задач) становится просто нецелесообразной. Если лицо, совершившее преступление, возместило причиненный вред или иным образом загладило ущерб от преступления, если оно оказало содействие государству в изобличении и раскрытии преступления, если, наконец, это лицо перестало быть общественно опасным, потребность в разветвленной, специально организованной, экономически затратной деятельности государства по реализации ответственности отпадает. Формально (да и по существу) получается, что виновный в преступлении самостоятельно выполнил то, что по закону и логике вещей должно было выполнить государство. Учитывая, что в такой ситуации происходит не «обмен» постпреступного поведения на некую привилегию, а полное признание факта выполнения уголовно-правовой деятельности государства лицом, совершившим преступление, с последующим «зачетом» этой деятельности, предписания ст. 75 УК РФ не будут рассматриваться в контексте темы уголовно-правовых привилегий.

Итак, обратимся к непосредственному анализу тех положений закона, которые определяются нами как проявление уголовно-правовых привилегий, обусловленных позитивным постпреступным поведением лица, совершившего преступление.

Прежде всего, это поведение виновного, которое состоит в возмещении или заглаживании вреда, причиненного потерпевшему от преступления (ст. 76 УК РФ).

Согласно закону, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Основные вопросы, связанные с применением этой нормы, разъяснены в упомянутом ранее постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. Не повторяя известных

истин и не углубляясь в исследование теории и практики применения ст. 76 УК РФ²³⁴, осветим лишь те аспекты толкования данной нормы, которые непосредственно связаны с темой диссертации. Речь идет, в частности, о соблюдении эквивалентности «обмена» привилегии на постпреступные действия.

В юридической литературе нет единства мнений относительно того, как соотносятся друг с другом действия по примирению и заглаживанию вреда, каким именно должно быть «заглаживание», возможно ли заглаживание вреда без примирения, по всем ли преступлениям возможно освобождение от ответственности в связи с примирением, должно ли такое освобождение носить диспозитивный характер. Отсутствие единой позиции в данном случае отражает различия в понимании целевой установки и правовой природы предписаний ст. 76 УК РФ²³⁵ и с этой точки зрения вполне закономерно. Обращение же к практике применения данной нормы свидетельствует о наличии некоторых устойчивых подходов:

- примирение и заглаживание вреда понимаются как самостоятельные действия (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г.);

- заглаживание вреда означает не только полное возмещение ущерба, но также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, содержание и размер которых определяются потерпевшим (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г.);

²³⁴ См., напр.: Давыдова Е.В. Примирение с потерпевшим в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2001; Симонова Е.А. Примирение с потерпевшим в Российском законодательстве и теории. – Саратов: Изд-во СГАП, 2004; Плиско Р.К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009; Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности (с учетом обобщения судебной практики). – М.: Проспект, 2010.

²³⁵ Обзор подходов см.: Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 304 и следующие.

- заглаживание вреда может быть произведено не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе, с его согласия или одобрения, другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий, например, в связи с заключением под стражу, отсутствием у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г.);

- при разрешении вопроса об освобождении от ответственности следует учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г.);

- принимая решение, следует оценить, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 г. № 25 (в ред. от 23 декабря 2010 г., № 31) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»²³⁶).

Анализ показывает, что освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ, будучи правом государства, используется, исходя из необходимости решения не только частных задач восстановления прав потерпевшего лица, но и более общих задач уголовно-правового регулирования (учитывая необходимость защиты интересов общества и государства). Такой подход совершенно оправдан, учитывая публичную

²³⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 2; 2011. – № 2.

природу уголовного права и недостаточность исключительно компенсаторных средств для разрешения уголовно-правового конфликта.

Исходя из этого, сложно признать справедливыми высказываемые в научной литературе предложения о трансформации исследуемого предписания из диспозитивного в императивное и ограничение сферы его применения исключительно случаями тех преступлений, которые причиняют вред частным интересам конкретных потерпевших (физических или юридических лиц)²³⁷. Реализация таких предложений фактически означает едва ли не насильственное преобразование публичного уголовно-правового механизма регулирования общественных отношений в механизм частно-правовой, при котором государству отводится роль пассивного наблюдателя процедуры улаживания конфликта между преступником и потерпевшим. Между тем в ситуациях, когда государство считает достаточным именно такое «горизонтальное» урегулирование претензий, оно не включает процедуру криминализации общественно опасных деяний, оставляя их в исковом поле гражданского права. Если и когда государство считает компенсацию недостаточной мерой для разрешения конфликта, оно устанавливает за правонарушение уголовную ответственность. Как указал Конституционный Суд РФ: «Введение законом уголовной ответственности за то или иное деяние является свидетельством достижения им такого уровня общественной опасности, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование государственных сил и средств. В связи с этим именно государство, действующее в публичных интересах защиты нарушенных преступлением прав граждан, восстановления социальной справедливости, общего и специального предупреждения правонарушений, выступает в качестве стороны возникающих в результате совершения преступления уголовно-правовых отношений, наделенной

²³⁷ См. об этом: Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 309; Артеменко Н.В., Минькова А.М. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Российский судья. – 2007. – № 6. – С. 12.

правом подвергнуть лицо, совершившее преступление, публично-правовым по своему характеру мерам уголовно-правового воздействия. Публичный характер уголовного права и складывающихся на его основе отношений не исключает, что при установлении общественной опасности и, соответственно, преступности деяния, посягающего на права и законные интересы конкретного лица, а значит, и при решении вопроса о возбуждении уголовного преследования следует учитывать как существенность нарушения этих прав и законных интересов для самого потерпевшего, так и оценку им самим тяжести причиненного ему вреда и адекватности подлежащих применению к виновному мер правового воздействия. Определяя в рамках своих дискреционных полномочий, применительно к каким предусмотренным уголовным законом деяниям и в какой степени при решении вопроса о возбуждении и последующем осуществлении уголовного преследования подлежит учету позиция лица, в отношении которого такое деяние совершено, федеральный законодатель не должен, однако, придавать этой позиции решающее значение применительно к деяниям, которые хотя и совершаются в отношении конкретных лиц, но по своему характеру не могут не причинять вред обществу в целом, а также правам и интересам других граждан и юридических лиц. Иное означало бы безосновательный отказ государства от выполнения возложенных на него функций по обеспечению законности и правопорядка, общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина и переложение этих функций на граждан»²³⁸.

Таким образом, полагаем правильной позицию, при которой мнение потерпевшего не является решающим фактором применения положений ст. 76 УК РФ. Однако такой тезис с необходимостью влечет за собой постановку и решение еще одного вопроса: насколько возможно

²³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и октябрьского районного суда города Мурманска» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.

освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением по делам о преступлениях, в результате которых вред причиняется не конкретным лицам, а обществу или государству в целом. Верховный Суд РФ, как представляется, занимает здесь неопределенную позицию: с одной стороны, в процитированных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ не делаются исключения в применении ст. 76 УК РФ по таким делам, но с другой стороны, практика по конкретным делам свидетельствует в ряде случаев об обратном²³⁹. Проведенный опрос практикующих юристов подтверждает эту неопределенность: 48% респондентов, принявших участие в исследовании, полагают, что освобождение от ответственности на основании ст. 76 УК РФ возможно только по делам, где установлен конкретный потерпевший, тогда как оставшиеся 52% не исключают такой возможности и по иным преступлениям.

Представляется, что в решении этого актуального вопроса надо отталкиваться от природы исследуемой нормы и самой идеи привилегий, основанных на компромиссе. Как видно, проблема возникает в двух основных ситуациях: совершение двухобъектных преступлений, когда наряду с интересами государства и (или) общества причиняется вред конкретному потерпевшему (например, при совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ), и совершение однообъектного преступления, при котором персонифицированный потерпевший отсутствует (например, ст. 316 УК РФ). Соответственно, и решаться она должна дифференцированно.

²³⁹ В Определении Верховного Суда РФ от 20 декабря 2007 г. № 10-О07-22 по делу К., осужденного по ст. 316 УК РФ, указано: «В соответствии со ст. 76 УК РФ освобождение от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой тяжести, возможно, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Как видно из данной нормы, такое освобождение допустимо лишь по делам о преступлениях, посягающих на законные права и интересы конкретных лиц, потерпевших от преступлений. Совершенное же К. укрывательство преступлений является преступлением против правосудия. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам данной категории противоречит смыслу закона». – См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 7.

Полагаем, что в отсутствие потерпевшего вопрос о примирении с ним лишается и оснований, и смысла. Поэтому по преступлениям, не связанным с причинением конкретного вреда конкретным потерпевшим, примирение объективно невозможно. Компромисс в данном случае может быть достигнут за счет совершения виновным лицом иных действий (например, предусмотренных в ст. 62 УК РФ).

Что касается примирения по делам о двухобъектных преступлениях, то здесь ситуация иная. А.В. Бриллиантов пишет, что «в указанных случаях не только невозможно достичь примирения относительно основного объекта, но и примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства, а значит, преступление в целом не теряет своей общественной опасности, и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено»²⁴⁰. В приведенной цитате вызывает несогласие многое, если не все. Во-первых, примирение осуществляется не относительно того или иного объекта, а с потерпевшим; во-вторых, примирение вовсе необязательно устраняет причиненный вред (закон требует лишь заглаживания); в-третьих, даже при полном возмещении вреда, даже по однообъектным преступлениям, совершенное преступление не теряет своей общественной опасности (на то это и постпреступные действия виновного). Таким образом, приведенные аргументы не представляются убедительными.

На наш взгляд, сама возможность примирения с потерпевшим по делам о двухобъектных преступлениях не исключается. Но вопрос о том, является ли такое примирение и заглаживание вреда достаточным основанием для освобождения от уголовной ответственности, остается вопросом оценки факта. Решаться он должен с учетом тех рекомендаций, которые сформулировал Пленум Верховного Суда РФ в упоминавшемся постановлении от 27 июня 2013 г. Если с учетом всех обстоятельств дела

²⁴⁰ Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности (с учетом обобщения судебной практики). – М.: Проспект, 2010. – С. 87.

правоприменитель сочтет эквивалентным обмен привилегии на совершенные виновным постпреступные действия, освобождение от ответственности может состояться. Если совершенного будет недостаточно для применения ст. 76 УК РФ, у правоприменителя остается возможность учесть постпреступное поведение виновного в качестве обстоятельства, смягчающего уголовное наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также снизить ему максимальный размер уголовного наказания (ст. 62 УК РФ).

Полагаем, что соответствующее правило может и должно стать нормативным предписанием. В ст. 76 УК РФ целесообразно предусмотреть часть вторую следующего содержания: «В случае, если при совершении преступления, причиняется вред исключительно интересам общества или государства, освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным частью первой настоящей статьи, не допускается».

При всей закономерности такого разрешения ситуации остается один существенный нюанс: степень усмотрения правоприменителя в оценке действий, состоящих в примирении. В настоящее время решение правоприменителя об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ не зависит от вида совершенного преступления (в частности, от содержания нарушенного объекта). Предложения специалистов о придании императивного характера освобождению по делам о преступлениях частного и частно-публичного обвинения²⁴¹, исходя из обозначенного выше подхода Конституционного Суда РФ, вряд ли могут быть поддержаны безоговорочно. Но даже если и признать их обоснованность, если согласиться с тем, что такое соответствующее законодательное решение ограничит широту дискреции правоприменителя, остается открытым вопрос об основаниях и пределах диспозитивности при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности по делам о

²⁴¹ См.: Голик Ю. Институт примирения с потерпевшим нуждается в совершенствовании // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 21; Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути их решения. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2004. – С. 110–115.

преступлениях публичного обвинения, при совершении которых причиняется вред не только конкретному потерпевшему, но и интересам общества и государства. Выбор в пользу применения ст. 76 УК РФ или ст. 62 УК РФ в данном случае не предопределяется законом и фактически остается целиком на усмотрение правоприменителя.

Исследование текста закона и практики его применения показывает, что между основаниями, установленными ч. 1 ст. 62 УК РФ и ст. 76 УК РФ, в части, где совпадает категория совершенного преступления и факт его совершения в первый раз, есть два различия: во-первых, ст. 62 УК РФ применяется при отсутствии отягчающих обстоятельств, тогда как применение ст. 76 УК РФ не зависит от их наличия; во-вторых, ст. 62 УК РФ не требует собственно примирения, тогда как для применения ст. 76 УК РФ оно необходимо. Трудно найти сколько-нибудь разумные обоснования таких различий. Между тем их логика должна быть ясной: более масштабные привилегии (ст. 76 УК РФ) требуют больших усилий со стороны лица, совершившего преступление, и больше условий, нежели привилегии менее масштабные (ч. 1 ст. 62 УК РФ).

Следуя этой закономерности, можно считать обоснованной необходимость корректировки закона. Стоит более четко разграничить основания применения ст. 76 УК РФ и ч. 1 ст. 62 УК РФ. Думается, что применение положений ч. 1 ст. 62 УК РФ не должно быть связано с отсутствием отягчающих обстоятельств по делу. В то же время это условие следует включить в диспозицию ст. 76 УК РФ.

При таком подходе существенная льгота в виде освобождения от уголовной ответственности будет требовать соблюдения большего числа условий: совершение преступления впервые, совершение преступления небольшой или средней тяжести, совершение преступления в отношении конкретного потерпевшего, отсутствие по делу отягчающих обстоятельств, примирение с потерпевшим, заглаживание вреда. Отсутствие этих условий

повлечет применение менее масштабной льготы – сокращение максимально возможного наказания.

Перейдем к анализу привилегий, обусловленных постпреступными позитивными действиями в интересах государства.

Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ, при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 62 УК РФ в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств²⁴² срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ²⁴³.

²⁴² Ряд специалистов обосновывает мысль о необходимости отказа от этого ограничительного условия. В частности, П.В. Агапов настаивает на исключении из ч. 2 ст. 62 УК РФ указания на отсутствие отягчающих обстоятельств. – См.: Агапов П.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве как средство повышения эффективности противодействия организованной преступной деятельности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IX междунар. науч.-практ. конф. (26-27 января 2012 г.). – М.: Проспект, 2012. – С. 96–97.

Аналогичное мнение аргументирует С.С. Ключников: «Досудебное соглашение о сотрудничестве выступает в качестве объективной и субъективной причины существенного снижения общественной опасности личности виновного, что порождает необходимость смягчения наказания ... без ограничений». – См.: Ключников С.С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 18.

²⁴³ Теоретическая основа специальных начал назначения наказания, связанных с обязательным его смягчением, представлена в доктрине уголовного права, в частности, следующими трудами: Благов Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. – М.: Юрлитинформ, 2007; Степашин В.М. Специальные правила назначения наказания и мер уголовно-правового характера. – М.: Юрлитинформ, 2012; Ниценко Р.А. Назначение наказания: обязательные смягчение и усиление: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014; Бавсун М.В., Николаев К.Д., Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2015.

Учитывая, что вопросы, связанные с применением п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, пусть и пунктирно, обозначены нами ранее, сосредоточим внимание, с учетом направленности данного раздела исследования, на применении п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. В нем речь идет о таких смягчающих наказание обстоятельствах, как явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления. Также обратимся к назначению наказания при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, под которым УПК РФ понимает соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором они согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Обязательство совершить эти действия должно быть зафиксировано документально²⁴⁴, а факт их реального выполнения – подтвержден прокурором. Сами действия состоят в содействии обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Во многом они идентичны тем, что поименованы в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Указанные действия лица, совершившего преступление, призваны содействовать обеспечению оперативности и качества деятельности государства по раскрытию и предупреждению преступлений. Виновный оказывает помощь государству, последнее, в свою очередь, гарантирует в обмен на это сокращение объема уголовного наказания.

А.И. Долгова, рассматривая такой компромисс как своего рода сделку между государством и преступником, наделила ее вынужденным характером во имя более оптимальных результатов борьбы с преступностью. Такими результатами, согласно ее мнению, являются: 1) реализация принципа

²⁴⁴ Отсутствие соответствующих документов исключает применение ч. 2 ст. 62 УК РФ. – См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 ноября 2010 г. № 49-О10-157 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 5.

неотвратимости уголовной ответственности в тех ситуациях, когда вне компромисса это оказывается невозможным или крайне затруднительным: а) получение достаточных оснований для начала реализации уголовной ответственности (возбуждения уголовного дела, начала уголовного преследования) и б) получение достаточных доказательств для привлечения преследуемого в уголовном порядке лица к ответственности (составления обвинительного заключения, вынесения обвинительного приговора); 2) пресечение совершаемого преступления, предупреждение дальнейшего продолжения преступной деятельности, предотвращение совершения более тяжкого преступления, чем уже содеянное²⁴⁵.

Сопоставление предписаний ч. 1 и ч. 2 ст. 62 УК РФ показывает, что основное различие между ними (кроме размера понижения максимального наказания) состоит в формальном наличии или отсутствии соглашения о сотрудничестве. В связи с этим возникает вопрос о том, в каких случаях такое соглашение возможно или необходимо. Учитывая, что решение вопроса о его заключении находится в исключительном ведении государства (прокурор самостоятельно принимает решение об удовлетворении ходатайства о заключении соглашения), можно утверждать, что заключение соглашения возможно и необходимо в том случае, когда без активной деятельности подозреваемого или обвиняемого само государство не может (или не может оперативно, или не может экономически эффективно) выполнить обязанности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В данном случае все зависит не от вида совершенного преступления и его опасности для общества, не от личности виновного, а от фактических обстоятельств дела и реальной перспективы достижения цели соглашения.

Представляется (и с этим согласились 74% опрошенных при подготовке диссертации практикующих юристов), что заинтересованность

²⁴⁵ Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2002. – С. 383.

государства в заключении соглашения о сотрудничестве наиболее высока по делам о расследовании преступлений, совершаемых организованной группой или иными формами групповых образований. Однако это не дает оснований для того, чтобы связывать саму возможность такого соглашения с институтом соучастия²⁴⁶. Основой для подобных выводов используются положения ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ, согласно которым положения главы закона о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности. Вместе с тем здесь нет запрета на заключение соглашения в ситуации совершения преступления лицом единолично (например, когда такое лицо оказывает существенную помощь в расследовании, когда оно выдает имущество, добытое преступным путем, и тем самым, кстати, во многом способствует предупреждению деяний, предусмотренных статьями 174, 174¹, 175 УК РФ).

Главное в решении вопроса о заключении соглашения о сотрудничестве, а следовательно и в самой возможности применения ч. 2 ст. 62 УК РФ, разграничении оснований применения этой нормы и ч. 1 ст. 62 УК РФ состоит в том, насколько государство нуждается в помощи со стороны подозреваемого или обвиняемого. Этот вопрос является вопросом оценки факта и не может быть предельно конкретно урегулирован на нормативном уровне. Полагаем, что усмотрение правоприменителя в данном случае вполне оправданно, тем более принимая во внимание, что решения о заключении соглашения о сотрудничестве проходят серьезный «фильтр»: ходатайство подозреваемого может быть не удовлетворено следователем и обжаловано; ходатайство и представление следователя могут быть не

²⁴⁶ См., напр.: Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013. – С. 9; Ниценко Р.А. Назначение наказания: обязательные смягчение и усиление: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 105.

удовлетворены прокурором и обжалованы; представление прокурора может быть не удовлетворено судом и обжаловано. Как видим, закон предусматривает сложный и разветвленный механизм, позволяющий максимально гарантировать и интересы лица, совершившего преступление, и интересы государства. Такая система «сдержек и противовесов» оправдывает, на первый взгляд, весьма широкие рамки усмотрения правоприменителя, делающего выбор между ч. 1 и ч. 2 ст. 62 УК РФ при совершении виновным внешне идентичных действий.

Завершая анализ вопросов, связанных с исследованием привилегий, обусловленных постпреступным поведением виновного, обратимся к феномену примечаний к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающим специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

В действующем УК РФ, по нашим подсчетам, освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний предусмотрено в 33 статьях Особенной части. Специальными исследованиями убедительно доказано, что они закрепляются для: 1) обнаружения преступлений и преступников с целью побуждения их к отказу от дальнейшей преступной деятельности, тем самым предупреждения преступлений в будущем; 2) стимулирования виновных к отказу от дальнейшей преступной деятельности; 3) предупреждения других (в том числе и в отношении которых исследуемые основания не предусмотрены), часто более тяжких преступлений, а также их пресечения и раскрытия; 4) защиты более важных или «равных» общественных отношений по сравнению с теми, что нарушены преступлениями; 5) предупреждения организованной преступной деятельности²⁴⁷.

И хотя в науке можно встретить резко критические оценки таких примечаний²⁴⁸, практика доказывает их известную эффективность и

²⁴⁷ Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности. – 2-е изд., перераб. и доп. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 47–48.

²⁴⁸ См., напр.: Тороп Ю.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности // Российский юридический журнал. – 2000. – № 4. – С. 143.

целесообразность. По мнению 79% опрошенных при подготовке исследования практикующих юристов, такие примечания оправданны и необходимы. Полагаем, что к этому мнению стоит прислушаться. Сами примечания условно можно разделить на четыре группы:

1) предполагают прекращение лицом преступной деятельности (освобождение потерпевших, выход из состава группы, сдачу предметов) и не требуют от них иных активных действий (примечания к статьям 126, 200¹, 205⁵, 206, 208, 222, 223, 282¹, 282², 307 УК РФ);

2) требуют активных действий в виде возмещения причиненного вреда и способствования раскрытию преступления (примечание к ст. 178 УК РФ);

3) полагают достаточным для освобождения от ответственности возмещения причиненного вреда (примечания к статьям 198, 199, 199¹ УК РФ);

4) это самая объемная группа – предполагают совершение виновным активных действий, в той или иной степени направленных на оказание помощи следствию в обнаружении, раскрытии и предотвращении преступлений (примечания к статьям 127¹, 184, 204, 205, 205¹, 205³, 205⁴, 210, 212, 228, 228³, 275, 276, 278, 282³, 291, 291¹, 322², 322³ УК РФ).

В каждом из этих случаев происходит обмен государственной привилегии в виде освобождения от уголовной ответственности на некие позитивные действия со стороны лица, совершившего преступление. При этом в зависимости от ситуации этот обмен предполагает различные действия со стороны виновного. Государство же оценивает их достаточность, руководствуясь собственными соображениями, связанными со значимостью последствий преступления, опасностью посягательства и личности виновного, направленностью уголовно-правового запрета, сложностью расследования преступлений и т.д. Немаловажную роль в установлении примечаний, позволяющих освободить от ответственности, играет фактор материальной экономии, предполагающий возможность достижения целей уголовно-правового регулирования за счет минимальных затрат.

Мы не видим своей задачей детальный анализ каждого из выделенных примечаний или их системы в целом²⁴⁹. Вместе с тем некоторые соображения, связанные с возможными направлениями оптимизации этой системы, основанными на необходимости соблюдения начал системности и последовательности, позволим себе высказать:

- сопоставляя примечания к статьям 126, 127¹ и 206 УК РФ, обнаруживаем, что освобождение от уголовной ответственности за торговлю людьми, помимо освобождения потерпевших, требует осуществления действий, направленных на способствование раскрытию преступления. Учитывая социально-криминологическую «близость» данных преступлений, особую ценность свободы и безопасности человека как приоритетного объекта уголовно-правовой охраны, полагаем, что условия освобождения от уголовной ответственности в данных случаях должны быть идентичными. Дополнительное условие в ст. 127¹ УК РФ (очевидно, рассчитанное на то, чтобы выявить, как правило, сложно разветвленную систему торговли людьми), на наш взгляд, препятствует надлежащей охране личности. В рамках дилеммы «человек» - «интересы расследования» приоритет всегда должен отдаваться первому, поэтому условия освобождения от уголовной ответственности в рассматриваемых нормах должны быть идентичны;

- в примечаниях к статьям 205⁵, 282¹, 282² УК РФ освобождение от уголовной ответственности требует элементарного прекращения участия в преступной группе. Между тем в соответствии с теоретическими постулатами освободить от ответственности можно лишь то лицо, которое можно к ней привлечь. Если же органам предварительного расследования лицо, участвующее в преступной группе, неизвестно, освобождение его от ответственности объективно невозможно. Следовательно, прекращение

²⁴⁹ См. об этом: Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006; Ермакова Е.Д. Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2006; Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2013 и др.

участия в группе должно сопровождаться, на наш взгляд, добровольным сообщением в орган, уполномоченный на возбуждение уголовного дела, факта такого участия в прошлом. Близкое по смыслу условие установлено в примечании к статье 205⁴ УК РФ. Полагаем, что оно должно быть воспроизведено и в рассматриваемом случае;

- в примечаниях, требующих оказания содействия правоохранительным органам в качестве условия освобождения от уголовной ответственности, законодатель, как представляется, не всегда обоснованно, использует различные словесные обороты. В частности, если примечания к статьям 127¹, 205, 205¹, 205³, 212, 275, 322², 322³ УК РФ требуют «способствования» раскрытию преступлений, то примечания к статьям 204, 210, 228, 228³, 291, 291¹ УК РФ – уже «активного способствования». Некоторые примечания выдвигают в качестве условия «предупреждение преступления» или «предотвращение дальнейшего ущерба», другие – нет. В отдельных случаях законодатель специально подчеркивает необходимость выявления иных, причастных к преступной деятельности, лиц. Полагаем, что при всех возможных и допустимых различиях в основаниях освобождения от уголовной ответственности, общий подход должен быть все же единым. В связи с этим возможная унификация исследуемых оснований должна включать в себя: минимизацию использования оценочных признаков²⁵⁰ (исключение указания на «активность» способствования) и отказ от возложения на виновных лиц ответственности за результативность деятельности правоохранительных органов (предотвращение ущерба, предупреждение преступлений). При таком подходе, как представляется, системные начала специальных примечаний и их компромиссный характер будет выражены наиболее полно.

²⁵⁰ Следует отметить, что в вопросах, связанных с использованием уголовным законодателем оценочных признаков, мы всецело опираемся на воззрения научного руководителя. – См.: Кобзева Е.В. Теория оценочных признаков в уголовном законе. – М.: Юрлитинформ, 2009.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая проведенное исследование, считаем необходимым подвести его основные и некоторые промежуточные итоги. Для этого сгруппируем сформулированные нами выводы и предложения с учетом задач, разрешавшихся на конкретном этапе исследовательского процесса.

I. Зарождение и развитие привилегий в отечественном уголовном праве

Привилегии в уголовном праве возникают, утверждаются и во многом определяются социальным и правовым статусом личности, связаны с осознанием индивидуальной и индивидуализированной ответственности на началах равенства и дифференциации. В силу этого гуманизм привилегий состоит не только (а возможно, и не столько) в самом факте установления льгот и преференций для некоторых категорий правонарушителей, сколько в создании лично ориентированной системы мер уголовно-правового воздействия.

В силу того, что на всем протяжении истории статус личности не был неизменным, а взгляд на человека во многом эволюционировал от сословно-классовой призмы к лично-индивидуальной, привилегии, отражая эту динамику, развивались в направлении от сословных к персональным. При этом построение лично ориентированной системы уголовно-правовых мер с необходимостью вступало в определенное противоречие с принципом равенства граждан перед законом, что потребовало корректировки механизма предоставления привилегий – от индивидуализации наказания в суде к дифференциации уголовной ответственности непосредственно в законе.

В содержательном отношении привилегии также менялись в соответствии с взглядом на человека и его достоинство: преференции, обусловленные исключительно сословно-классовой принадлежностью, были постепенно элиминированы, а их место заняли факторы, связанные исключительно с личностными особенностями правонарушителя, которые продиктованы сегодня нравственно-гуманистическими и уголовно-утилитарными соображениями. Эти предпосылки и тенденции стали

историческим фоном и предтечей современного уголовного законодательства, которое в целом выдержано в русле общей логики развития уголовно-правовых привилегий.

II. Понятие, значение и классификация привилегий в современном уголовном праве России

Предпринятые научным сообществом попытки разграничить привилегии и льготы на содержательном уровне не являются удачными. Поэтому в качестве теоретической основы для построения теории привилегий в уголовном праве была взята позиция о единой природе привилегий и льгот: между ними нет принципиальных различий, эти слова вполне могут использоваться в качестве синонимов, в том числе в юридической, нормативной лексике.

Правовые привилегии представляют собой особое юридическое средство, форму проявления дифференциации правового регулирования общественных отношений. Они состоят в полном или частичном освобождении от исполнения определенных обязанностей, предоставлении некоторых преференций, дополнительных прав и преимуществ. Будучи правомерными исключениями, основания, объем и порядок предоставления которых установлены в нормативных правовых актах с соблюдением всех демократических процедур нормотворчества, привилегии могут использоваться как для «сглаживания» фактического неравенства отдельных субъектов правоотношений, в создании для них более благоприятных условий, так и для стимулирования и поощрения определенного поведения.

Привилегии в уголовном праве обладают следующими отличительными характеристиками (особенностями):

1) привилегии есть средство уголовно-правовой дифференциации. Привилегии в уголовном праве не включают в свою область дифференциацию оснований уголовной ответственности и не входят в число признаков состава преступления. Они направлены на дальнейшую дифференциацию содержания, формы и объема уже установленной

уголовным законом ответственности и находят свое выражение в дифференциации ответственности, не отражаясь на наказании, и в дифференциации самого уголовного наказания;

2) *привилегии меняют содержание, объем, форму уголовной ответственности лишь в одном направлении – в сторону облегчения правового статуса лица, совершившего преступление.* Привилегии не создают режим благоприятствования общегражданскому статусу личности, они не «работают» до момента признания лица виновным в совершении преступления. Привилегии корректируют статус лица, который выступает субъектом уголовно-правовых отношений и который совершил преступное деяние. При этом категорией, парной привилегиям, может служить лишь условная категория стандарта ответственности. Она выступает «мерилом» по отношению и к привилегиям, и к ситуациям усиления ответственности;

3) *привилегия может и должна фиксироваться непосредственно в тексте закона.* Основной массив уголовно-правовых привилегий должен быть закреплён в тексте Уголовного кодекса как главном источнике отрасли, определяющем основания и пределы наказуемости общественно опасных деяний. Кроме того, учитывая гуманитарно-правовой заряд привилегий, они могут устанавливаться в источниках общего и более высокого уровня: Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах РФ. Все остальные нормативные акты (равные по месту в иерархии УК РФ и подчиненные ему) не могут содержать предписаний, формирующих уголовно-правовые привилегии.

Образуя изъятия из статуса лица, совершившего преступление, привилегии в содержательном отношении могут быть представлены либо корректировкой объема и интенсивности правоограничений и обязанностей (специальные привилегии), либо предоставлением некоторых дополнительных прав и преимуществ (дополнительные привилегии). Специальные нормы-привилегии обладают приоритетом по отношению к общим нормам и применяются вместо них, поэтому они всегда императивны,

а объем судейского усмотрения в их реализации сведен к минимуму. Дополнительные привилегированные предписания применяются вместе с общими в зависимости от конкретной ситуации, и область дискреции правоприменителя здесь относительно высока;

4) *привилегии в уголовном праве имеют материально-правовое содержание.* Они корректируют содержание, форму, объем ответственности, но не дают гарантий от самой уголовной ответственности, отличаясь тем самым от иммунитетов. Иммунитет не влияет на объем и содержание ответственности, не исключает самого материально-правового отношения ответственности, а лишь устанавливает барьеры от уголовной юрисдикции государства, при этом не исключая возможности осуществления в отношении обладающего иммунитетом лица уголовной юрисдикции другой страны;

5) *привилегии должны быть функциональны, в противном случае они утрачивают качество социальной обусловленности и превращаются в неоправданные и субъективные преференции.* Компенсаторная функция уголовно-правовых привилегий ориентирована на то, чтобы облегчить переживание тягот и бремени уголовной ответственности лицами, обладающими теми или иными демографическими или социальными признаками, в силу которых эти тяготы переживаются особенно тяжело. Компенсация состоит не в выравнивании возможностей этих лиц по сравнению с иными, не в укреплении их защитных сил, а в сокращении самого бремени ответственности. В этом неравенстве объема содержания и форм проявляются гуманистические начала и справедливость уголовного права. Стимулирующая функция привилегий тесно связана с утилитарными началами уголовного права, со стремлением решить его задачи посредством «обмена» определенного (желаемого) позитивного постпреступного поведения виновного на сокращенный объем уголовно-правовых последствий. Такие стимулы способствуют не только, и даже не столько, наилучшему удовлетворению интересов субъекта преступления, сколько

приоритетному обеспечению интересов потерпевшего и государства как сторон уголовного правоотношения.

Привилегия в уголовном праве – это установленное в уголовном законе или правовых источниках более высокого уровня юридическое средство дифференциации содержания и формы уголовной ответственности, направленное на уменьшение объема и интенсивности правоограничений и обязанностей либо предоставление некоторых дополнительных прав и преимуществ лицу, совершившему преступление, продиктованное гуманистическими или утилитарными соображениями в интересах сбалансированного удовлетворения интересов личности, общества и государства.

Привилегии в уголовном праве могут быть классифицированы в зависимости от: уровня нормативного акта, в котором они установлены; степени конкретизации уголовно-правового содержания; основного метода регулирования; предмета регулирования, на который направлены привилегии; формы реализации; субъектов, на которых распространяются привилегии; характера применения; продолжительности действия; основной функции. Классификация уголовно-правовых привилегий позволяет глубже проникнуть в их сущность и механизм действия, систематизировать их многообразие.

Типология привилегий в уголовном праве строится, исходя из формальных оснований их предоставления. Все привилегии связаны с особенностями личности и поведения виновного субъекта, но в структурном отношении они вполне отчетливо распадаются на три основных блока: привилегии, обусловленные социально-демографическими признаками, социально-биологическими признаками и постпреступным поведением субъекта.

III. Привилегии и принципы уголовного права

Идея, претендующая на статус отраслевого принципа права, должна пронизывать собой и подчинять себе все содержание правовых норм и

практику их применения. Кроме того, она должна предполагать системное единство с иными принципами права, в противном случае она не может и не должна иметь принципиального значения для всей отрасли. С этих позиций оправдывать наличие привилегий в уголовном праве ограничительным толкованием принципа равенства, как это делают некоторые специалисты в области уголовного права, с методологической точки зрения неправильно.

Право предстает в качестве особой сферы общественных отношений, в которой люди позиционированы как равные; им гарантированы равное отношение, равные условия для деятельности, равное воздаяние за ее результаты, равная ответственность. Право признает фактическое неравенство, исходит из него, но все же оно не консервирует, не закрепляет, не поддерживает его. Напротив, оно искусственно создает «пространство равенства». Создавая правовой статус личности, моделируя возможную и желаемую реальность, право не может игнорировать реальных различий между людьми, а потому в целях создания равных правовых статусов оно вынуждено ограничивать возможности одних и, напротив, усиливать возможности других людей. При таком подходе привилегии должны рассматриваться не как изъятия из принципа равенства, не как внеправовой феномен, обусловленный началами гуманизма и справедливости, а как неотъемлемая часть права, как элемент создаваемого правом механизма, который направлен на то, чтобы обеспечить равенство всех участников правоотношений.

Привилегии, таким образом, не подрывают, но создают равенство в праве. Они ориентированы на то, чтобы обеспечить равенство в социально-психологическом восприятии ответственности неравными субъектами, а также чтобы стимулировать субъектов к социально полезной деятельности. В этом отношении привилегии компенсируют и неравные возможности в переживании бремени ответственности, и усилия, затраченные виновным лицом на достижение социально полезного результата.

Обладая правовой природой, предусмотренные уголовным законом привилегии в реализации ответственности отдельных категорий граждан являются частью уголовного права, элементом устанавливаемого и поддерживаемого им общественного и правового порядка. Они находятся в системном единстве со всеми исходными положениями отрасли: являются социально обоснованными, отражают равенство граждан, гуманизм и справедливость уголовно-правового регулирования и обеспечивают тем самым режим законности.

IV. Виды привилегий в уголовном праве России

Демографическими признаками личности виновного, которые выступают формальным основанием для установления уголовно-правовых привилегий, являются возраст и половая принадлежность.

К числу биосоциальных признаков виновного, обладание которыми создает предпосылки для получения предусмотренных уголовным законом льгот и преимуществ, относятся состояние здоровья, родительский статус и род деятельности.

Привилегии, обусловленные позитивным постпреступным поведением виновного лица, представлены нормативными предписаниями, предусмотренными ч. ч. 1–4 ст. 62 УК РФ, ст. 76 УК РФ, а также примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающими специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

В целях совершенствования уголовного закона и практики его применения необходима реализация следующих рекомендаций:

- штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы, назначаемые несовершеннолетним, целесообразно дифференцировать в зависимости от возраста виновного лица;
- установленная в ч. 2 ст. 88 УК РФ привилегия в виде возможности уплаты штрафа, назначенного несовершеннолетнему, его родителями, должна быть оценена как несоразмерная, нарушающая принципы уголовного права, а потому подлежащая исключению из закона;

- помещение несовершеннолетнего, совершившего преступление, в специальное воспитательное учреждение закрытого типа целесообразно не только в порядке освобождения от назначения наказания, но и в порядке освобождения от его отбывания, при этом следует отказаться от такого условия помещения в специальное учреждение, как предварительное назначение наказания в виде лишения свободы, и предусмотреть механизм замены пребывания в специальном учреждении всеми или большей частью видов наказаний, предусмотренных для несовершеннолетних;

- установленные в законе привилегии для несовершеннолетних следует дополнить механизмом возможной их отмены в случае, когда уровень развития несовершеннолетнего превосходит формальные возрастные характеристики;

- следует признать самостоятельное привилегирующее значение молодежного возраста безотносительно к тому, насколько развитым и социализированным является молодой человек; в этом случае для соблюдения начал определенности в правовом регулировании УК РФ целесообразно дополнить отдельной главой, в которой детально регламентировать виды и содержание мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам молодежного возраста (от 18 до 24 лет);

- необходимо установить в законе правило о возможности исключать ответственность лиц пожилого возраста (старше 70 лет), которые в силу личностных изменений, не связанных с психическим расстройством, не могли во время совершения общественно опасного деяния осознавать характер и степень общественной опасности своих действий (бездействия) либо руководить ими;

- допустимо исключить из закона ограничения, связанные с неназначением лицам, достигшим 65-летнего возраста, наказания в виде пожизненного лишения свободы. При этом ч. 2 ст. 79 УК РФ следует дополнить предписанием о том, что лицо, достигшее во время отбывания наказания 75 лет, может быть условно-досрочно освобождено, если судом

будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, даже если не выполнено условие о фактическом отбытии определенной части наказания;

- необходимо разработать механизм назначения беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, «исключенных» видов наказаний (обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ) с согласия самой женщины;

- неназначение пожизненного лишения свободы женщинам с точки зрения обоснованности и соразмерности предоставляемой привилегии представляется излишним, противоречащим самой идее привилегий в уголовном праве, а потому подлежащим исключению;

- целесообразно унифицировать правовые последствия наличия у лица, совершившего преступление, тяжелой болезни в момент совершения преступления или во время следствия и судебного разбирательства, для чего в ч. 2 ст. 81 УК РФ следует указать на «лицо, у которого выявлено заболевание, препятствующее отбыванию уголовного наказания»;

- при наличии ч. 2 ст. 81 УК РФ, а также с учетом положений ч. 3 ст. 54 УК РФ и ст. 55 УК РФ предписания ч. 3 ст. 81 УК РФ могут быть безболезненно исключены из закона, с одновременной проработкой вопроса о замене для исследуемой категории лиц воинских наказаний иными, так называемыми «общеуголовными»;

- следует распространить механизм лечения от наркомании, установленный ст. 82¹ УК РФ, на всех лиц, больных наркоманией или токсикоманией, в случае совершения ими преступления небольшой или средней тяжести;

- целесообразно скорректировать положения ст. 82 УК РФ с тем, чтобы установить возможность предоставления отсрочки мужчинам наравне с женщинами, то есть вне зависимости от того, являются ли они «единственным родителем», а также предусмотреть возможность отсрочки наказания лицам, совершившим преступление, вне зависимости от того,

состоят ли на их попечении и воспитании родные дети, усыновленные, находящиеся под опекой или попечительством, а также переданные на воспитание в приемную семью;

- принимая во внимание наличие в УК РФ достаточного числа норм, позволяющего в должной мере учитывать позитивное постпреступное поведение лиц, совершивших запрещенные УК РФ деяния, ст. 76¹ УК РФ должна быть из закона исключена;

- необходимо четко разграничить основания применения ст. 76 УК РФ и ч. 1 ст. 62 УК РФ, для этого применение положений ч. 1 ст. 62 УК РФ не должно быть связано с отсутствием отягчающих обстоятельств по делу, в диспозицию ст. 76 УК РФ это условие, напротив, целесообразно включить;

- условия применения примечаний к статьям 126, 127¹ и 206 УК РФ должны быть идентичными и не требовать совершения со стороны виновного действий, направленных на оказание помощи следствию;

- в примечаниях к статьям 205⁵, 282¹, 282² УК РФ целесообразно предусмотреть дополнительное условие в виде добровольного сообщения в орган, уполномоченный на возбуждение уголовного дела, о факте участия в преступной группе;

- в примечаниях к статьям 210, 228, 228³, 291, 291¹ УК РФ необходимо исключить оценочный признак «активное» в описании действий по способствованию раскрытию преступлений; в этих примечаниях, а также в примечаниях к статьям 127¹, 205, 205¹, 205³, 212, 275, 322², 322³ УК РФ необходимо исключить действия по предотвращению ущерба и предупреждению преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**I. Нормативные правовые акты**

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21.07.2014 г., № 11-ФКЗ) [Текст] // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31, ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [Текст] // Дискриминация вне закона : сб. докум. / отв. ред. А. Я. Капустин. – М., 2003.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. [Текст] // Дискриминация вне закона : сб. докум. / отв. ред. А. Я. Капустин. – М., 2003.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. [Текст] // Дискриминация вне закона : сб. докум. / отв. ред. А. Я. Капустин. – М., 2003.
5. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин : принята Генеральной Ассамблеей ООН 07 ноября 1967 г. [Текст] // Дискриминация вне закона : сб. докум. / отв. ред. А. Я. Капустин. – М., 2003.
6. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. [Текст] // Международные акты о правах человека : сб. докум. / сост. и авт. вступит. ст. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М. : Норма, 2000.
7. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : заключена 20 декабря 1988 г. [Текст]

// Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994.

8. Конвенция ООН о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. [Текст] // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – М., 1993.
9. Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод : заключена 04 ноября 1950 г. [Текст] // Совет Европы и Россия : сб. докум. / сост. : Л. И. Брычева, М. В. Виноградов, Д. В. Юзвиков ; отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. – М. : Юрид. лит., 2004.
10. Резолюция (73) 6 Комитета министров Совета Европы «О вопросах наказания в связи с злоупотреблением наркотиками» : принята 19 января 1973 г. [Текст] // Совет Европы и Россия : сб. докум. / сост. : Л. И. Брычева, М. В. Виноградов, Д. В. Юзвиков ; отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. – М. : Юрид. лит., 2004.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г., № 267-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954; 2015. – № 29 (ч. I), ст. 4393.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г., № 265-ФЗ) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I), ст. 4921; 2015. – № 29 (ч. I), ст. 4391.
13. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г., № 260-ФЗ) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2, ст. 198; 2015. – № 29 (ч. I), ст. 4386.
14. Федеральный закон от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 03 февраля 2015 г., № 7-ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2, ст. 219; 2015. – № 6, ст. 885.

15. Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (с изм. и доп. от 07 декабря 2011 г., № 420-ФЗ) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50, ст. 4848; 2011. – № 50, ст. 7362.
16. Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г., № 431-ФЗ) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Текст] // Рос. газета. – 2011. – 09 дек.; 2013. – 30 дек.
17. Постановление Правительства РФ от 06 февраля 2004 г. № 54 (в ред. от 04 сентября 2012 г., № 882) «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от наказания в связи с болезнью» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 7, ст. 524; 2012. – № 37, ст. 5002.
18. Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. № 144 (в ред. от 01 октября 2012 г., № 1002) «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 10, ст. 1232; 2012. – № 41, ст. 5624.
19. Приказ Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 (в ред. от 22 августа 2014 г., № 178) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [Текст] // Рос. газета. – 2009. – 14 авг.; 2014. – 05 сент.

II. Судебные акты

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» [Текст] // Рос. газета. – 2014. – 24 дек.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации" (в ред. ст. 12 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации") в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М.Ш. Орлова, Х.Ф. Орлова и З.Х. Орловой» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26, ст. 2876.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и октябрьского районного суда города Мурманска» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.
23. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 3.
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. от 05 марта 2013 г., № 4) «О применении судами общей

- юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12; 2013. – № 5.
25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 (в ред. от 03 декабря 2013 г., № 33) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 4; 2014. – № 2.
26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 г. № 25 (в ред. от 23 декабря 2010 г., № 31) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 2; 2011. – № 2.
27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 7.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 (в ред. 23 декабря 2010 г., № 31) «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 1; 2011. – № 2.
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.
30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 02 апреля 2013 г., № 6) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4; 2013. – № 6.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 (в ред. от 03 марта 2015 г., № 9) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 7; 2015. – № 5.
32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.
33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.
34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.

III. Исторические правовые акты

35. Договор Руси с Византией 911 г. [Текст] // Памятники русского права. Вып. первый : Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952.
36. Краткая редакция Русской Правды [Текст] // Памятники русского права. Вып. первый : Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952.
37. Новгородская судная грамота [Текст] // Памятники русского права. Вып. второй : Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1953.

38. Псковская судная грамота [Текст] // Памятники русского права. Вып. второй : Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1953.
39. Пространная редакция Русской Правды [Текст] // Памятники русского права. Вып. первый : Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952.
40. Судебник 1497 г. [Текст] // Памятники русского права. Вып. четвертый : Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956.
41. Судебник 1550 г. [Текст] // Памятники русского права. Вып. четвертый : Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956.
42. Уставная книга Разбойного приказа 1616–1617 гг. [Текст] // Памятники русского права. Вып. пятый : Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959.
43. Боярский приговор 17 февраля 1625 г. [Текст] // Памятники русского права. Вып. пятый : Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959.
44. Соборное Уложение 1649 г. [Текст] // Памятники русского права. Вып. шестой : Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / под ред. К. А. Софроненко – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957.

45. Артикул воинский Петра I 1716 г. [Текст] // Памятники русского права. Вып. восьмой : Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1961.
46. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. [Текст] // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова. – М.: Юрид. лит., 1987.
47. Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. [Текст] // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова. – М.: Юрид. лит., 1987.
48. Сенатский Указ от 23 августа 1742 г. [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1830. – Т. 11, ст. 8601.
49. Указ от 26 июня 1765 г. «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и о различении наказания по степени возраста преступника» [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1830. – Т. 17, ст. 12424.
50. Декрет ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [Текст] // Декреты Советской власти. Т. I. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957.
51. Декрет СНК от 08 мая 1918 г. «О взяточничестве» [Текст] // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А. А. Герцензон ; под ред. И. Т. Голякова. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1953.
52. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. [Текст] // Сборник документов по истории уголовного законодательства

СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А. А. Герцензон ; под ред. И. Т. Голякова. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1953.

53. Основные начала уголовного законодательства СССР и Союзных Республик от 31 октября 1924 г. [Текст] // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А. А. Герцензон ; под ред. И. Т. Голякова. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1953.
54. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1922. – № 15, ст. 153.
55. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1926. – № 80, ст. 600.
56. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 591.

IV. Монографии, учебники, ученые пособия

57. Аванесов, Г. А. Изменение условий содержания осужденных (прогрессивная система) [Текст] / Г. А. Аванесов. – М. : ВНИИ МОП СССР, 1968. – 149 с.
58. Андрюхин, Н. Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: состояние и перспективы развития [Текст] / Н. Г. Андрюхин. – М. : ВНИИ МВД России, 2004. – 153 с.
59. Антонов, А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности [Текст] / А. Г. Антонов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. – 270 с.
60. Антонян, Ю. М. Преступность стариков [Текст] / Ю. М. Антонян, Т. Н. Волкова. – 2 изд., испр. – Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2005. – 160 с.

61. Астемиров, З. А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания : учебное пособие [Текст] / З. А. Астемиров. – Махачкала : ИПЦ ДГУ, 2000. – 180 с.
62. Бавсун, М. В. Методологические основы уголовно-правового воздействия [Текст] / М. В. Бавсун. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 200 с.
63. Бавсун, М. В. Смягчение наказания в уголовном праве [Текст] / М. В. Бавсун, К. Д. Николаев, В. Б. Мишкин. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 192 с.
64. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для юрид. вузов и факультетов [Текст] / М. В. Баглай. – М. : Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 752 с.
65. Белогриц-Котляревский, Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части [Текст] / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Киев : Типо-литография И. И. Чоколова, 1903. – 618 с.
66. Бибик, О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации [Текст] / О. Н. Бибик. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 243 с.
67. Благов, Е. В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания [Текст] / Е. В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 288 с.
68. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 704 с.
69. Бриллиантов, А. В. Освобождение от уголовной ответственности (с учетом обобщения судебной практики) [Текст] / А. В. Бриллиантов. – М. : Проспект, 2010. – 112 с.
70. Бытко, Ю. И. Справедливость и право : лекция [Текст] / Ю. И. Бытко. – Саратов, 2005. – 212 с.
71. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права [Текст] / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 640 с.

72. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право. Общая часть : учебник [Текст] / Р. Р. Галиакбаров. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 1999. – 448 с.
73. Генрих, Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика [Текст] / Н. В. Генрих. – М. : Норма, 2011. – 320 с.
74. Георгиевский, Э. В. Формирование и развитие общих положений Древнерусского уголовного права [Текст] / Э. В. Георгиевский. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 320 с.
75. Грачева, Ю. В. Источники судейского усмотрения в институтах освобождения от уголовной ответственности и от наказания [Текст] / Ю. В. Грачева. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 240 с.
76. Дуюнов, В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика [Текст] / В. К. Дуюнов. – М. : Научная книга, 2003. – 520 с.
77. Дурягин, И. Я. Гражданин и закон [Текст] / И. Я. Дурягин. – М. : Юрид. лит., 1989. – 368 с.
78. Евлоев, Н. Д. Дифференциация уголовной ответственности и наказания за неосторожные преступления: проблемы теории и практики [Текст] / Н. Д. Евлоев. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2009. – 624 с.
79. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 3. Запрещение пыток. Прецеденты и комментарии [Текст] / С. А. Разумов, Ю. Ю. Берестнев. – М. : Российская акад. правосудия, 2002. – 115 с.
80. Елизарова, И. А. Уголовно-правовое значение международных иммунитетов : лекция [Текст] / И. А. Елизарова. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003. – 28 с.
81. Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути их решения [Текст] / А. В. Ендольцева. – М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2004. – 231 с.

82. Есаков, Г. А. Уголовно-правовое воздействие [Текст] / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. И. Чучаев. – М. : Проспект, 2013. – 288 с.
83. Жалинский, А. Э. Избранные труды [Текст] / А. Э. Жалинский. – В 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – Т. 2 : Уголовное право. – 591 с.
84. Забрянский, Г. И. Криминология несовершеннолетних (социология преступности) [Текст] / Г. И. Забрянский. – М. : Российская академия адвокатуры и нотариата, 2013. – 352 с.
85. Звечаровский, И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика [Текст] / И. Э. Звечаровский. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 100 с.
86. Иванов, Н. Г. Модельный уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1 [Текст] / Н. Г. Иванов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 143 с.
87. Иванчин, А. В. Состав преступления : учебное пособие [Текст] / А. В. Иванчин. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 128 с.
88. Иванчин, А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве [Текст] / А. В. Иванчин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 208 с.
89. Качан, М. И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве [Текст] / М. И. Качан. – Армавир : ИП Шурыгин В. Е., 2007. – 192 с.
90. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права [Текст] / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1988. – 176 с.
91. Кибальник, А. Г. Иммуниеты в уголовном праве [Текст] / А. Г. Кибальник. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 1999. – 176 с.

92. Князьков, А. А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях: технико-юридические аспекты законодательной и правоприменительной практики [Текст] / А. А. Князьков, О. Г. Соловьев. – Рязань : Концепция, 2014. – 212 с.
93. Кобзева, Е. В. Теория оценочных признаков в уголовном законе [Текст] / Е. В. Кобзева. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 264 с.
94. Козюк, М. Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования : учебное пособие [Текст] / М. Н. Козюк. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. – 89 с.
95. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. А. А. Чекалин. – М. : Юрайт, 2002. – 1015 с.
96. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере [Текст]. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 195 с.
97. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права [Текст] / В. П. Коняхин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 348 с.
98. Криминология : учебник для вузов [Текст] / под общ. ред. А. И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: Инфра-М, 2002. – 784 с.
99. Кристи, Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике [Текст] / Н. Кристи / под общ. ред. Я. И. Гилинского. – СПб. : Алетейя, 2011. – 164 с.
100. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве [Текст] / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
101. Кургузкина, Е. Б. Учение о личности преступника [Текст] / Е. Б. Кургузкина. – М. : ВНИИ МВД России, 2002. – 212 с.

102. Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов. В 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало, 2002. – 624 с.
103. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика [Текст] / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М. : Норма, 1998. – 296 с.
104. Личность преступника [Текст] / ред. кол. : В. Н. Кудрявцев, Г. М. Миньковский, А. Б. Сахаров. – М. : Юрид. лит., 1975. – 272 с.
105. Лопашенко, Н. А. Введение в уголовное право : учебное пособие [Текст] / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 224 с.
106. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика [Текст] / Н. А. Лопашенко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 339 с.
107. Луничев, Е. М. Статус несовершеннолетнего в уголовном праве России [Текст] / Е. М. Луничев. – М. : Проспект, 2012. – 144 с.
108. Малько, А. В. Льготная и поощрительная правовая политика [Текст] / А. В. Малько. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 233 с.
109. Малько, А. В. Льготы в российском праве (проблемы теории и практики) [Текст] / А. В. Малько, И. С. Морозова. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 274 с.
110. Мальцев, В. В. Принципы уголовного права [Текст] / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 266 с.
111. Мальцев, В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве [Текст] / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВА МВД России, 2004. – 212 с.
112. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства [Текст] /

- Б. Н. Миронов. – В 2 т. Т. 2. – 2 изд., испр. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – 583 с.
113. Мирошниченко, Н. В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций [Текст] / Н. В. Мирошниченко. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 384 с.
114. Михайлов, К. В. Уголовно-правовой институт освобождения от наказания [Текст] / К. В. Михайлов. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 312 с.
115. Михеев, В. С. Льготное пенсионное обеспечение в СССР [Текст] / В. С. Михеев. – М. : Юрид. лит., 1984. – 176 с.
116. Мясников, О. А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике [Текст] / О. А. Мясников. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 240 с.
117. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций [Текст] / А. В. Наумов. – В 3 т. Т. 1 : Общая часть. – 4 изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 710 с.
118. Наумов, А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации : коммент. судеб. практики и доктрин. толкование [Текст] / А. В. Наумов ; под ред. Г. М. Резника. – М. : Волтерс Клувер , 2005. – 926 с.
119. Немировский, Э. Я. Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного Кодекса СССР. Части Общая и Особенная [Текст] / Э. Я. Немировский. – Одесса : Вторая гос. тип., 1924. – 368 с.
120. Нерсесянц, В. С. Философия права [Текст] / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 1999. – 652 с
121. Ображиев, К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права [Текст] / К. В. Ображиев. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 504 с.

122. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
123. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие [Текст] / под ред. А. В. Галаховой. – М. : Норма, 2014. – 736 с.
124. Павлов, В. Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом [Текст] / В. Г. Павлов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. – 374 с.
125. Павлов, В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность [Текст] / В. Г. Павлов. – СПб. : Лань, 2000. – 192 с.
126. Панкратов, Р. И. Дети, лишённые свободы [Текст] / Р. И. Панкратов, Е. Г. Тарло, В. Д. Ермаков. – М. : Юрлитинформ, 2003. – 256 с.
127. Познышев, С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания [Текст] / С. В. Познышев. – М. : Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1908. – 185 с.
128. Полный курс уголовного права. – В 5 т. Т. 1 : Преступление и наказание [Текст] / под ред. А. И. Коробеева. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с.
129. Примаченок, А. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть [Текст] / А. А. Примаченок. – 7-е изд., изм. и доп. – Минск : Молодежное, 2010. – 136 с.
130. Пудовочкин, Ю. Е. Учение об основах уголовного права : лекции [Текст] / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 240 с.
131. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. [Текст] / отв. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Наука, 1986. – 288 с.
132. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. [Текст] / отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М. : Наука, 1992. – 312 с.

133. Разгильдиев, Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация [Текст] / Б. Т. Разгильдиев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – 232 с.
134. Разумов, П. В. Значение пожилого возраста в механизме реализации уголовной ответственности [Текст] / П. В. Разумов. – Ставрополь : Сервисшкола, 2005. – 56 с.
135. Рогова, Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности [Текст] / Е. В. Рогова. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 344 с.
136. Рожнов, А. А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.) [Текст] / А. А. Рожнов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 512 с.
137. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси [Текст] / отв. ред. В. Л. Янин. – М. : Юрид. лит., 1984. – 432 с.
138. Российское уголовное право : учебник [Текст]. – В 2 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: Инфра-М, 2003. – 623 с.
139. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. – В 3 т. Т. 1: Общая часть. – 2 изд., испр. и доп. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 720 с.
140. Сабитов, Р. А. Уголовно-правовое регулирование посткриминального поведения [Текст] / Р. А. Сабитов. – Челябинск : Изд-во Челяб. юрид. ин-та МВД России, 2011. – 388 с.
141. Сабитов, Т. Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание [Текст] / Т. Р. Сабитов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 192 с.
142. Сергеевич, В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права [Текст] / В. И. Сергеевич / под ред., с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 488 с.

143. Сидоренко, Э. Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования [Текст] / Э. Л. Сидоренко. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 496 с.
144. Симонова, Е. А. Примирение с потерпевшим в Российском законодательстве и теории [Текст] / Е. А. Симонова. – Саратов : Изд-во СГАП, 2004. – 124 с.
145. Ситковская, О. Д. Психология уголовной ответственности [Текст] / О. Д. Ситковская. – М. : Норма, 1998. – 285 с.
146. Словарь иностранных слов и выражений [Текст] / авт.-сост. Е. С. Зенович. – М. : Агентство «КРПА «Олимп»; Изд-во АСТ, 2002. – 778 с.
147. Словарь по уголовному праву [Текст] / отв. ред. А. В. Наумов. – М. : Изд-во Бек, 1997. – 702 с.
148. Спасенников, Б. А. Правовая антропология (уголовно-правовой аспект). [Текст] / Б. А. Спасенников. – Архангельск : Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. – 302 с.
149. Степашин, В. М. Специальные правила назначения наказания и мер уголовно-правового характера [Текст] / В. М. Степашин. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 520 с.
150. Сундурова, О. Ф. Усиление уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации [Текст] / О. Ф. Сундурова / науч. ред. В. А. Якушин. – Тольятти : ВУиТ, 2006. – 160 с.
151. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Общая часть [Текст] / Н. С. Таганцев. – В 2 т. Т. 2. – 2 изд., пересм. и доп. – СПб. : Гос. типография, 1902. – 656 с.
152. Теория государства и права : учебник [Текст] / под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Юрайт-Издат, 2006. – 544 с.

153. Ткачевский, Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний : учебное пособие [Текст] / Ю. М. Ткачевский. – М. : Зерцало, 1997. – 144 с.
154. Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки [Текст] / – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 49 с.
155. Уголовное законодательство Союза ССР и Союзных Республик [Текст]. – В 2 т. Т. 1 / отв. ред. Ф. И. Калинычев. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1963. – 656 с.
156. Уголовное право. Общая часть : учебник [Текст] / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М. : Новый Юрист, КноРус, 1997. – 592 с.
157. Уголовное право России : учебник для вузов. – В 2 т. Т. 1: Общая часть [Текст] / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. – В 2 т. Т. 1. – М. : Норма, 1999. – 639 с.
158. Уголовное право России. Общая часть [Текст] / под ред. Ф. Р. Сундурова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2003. – 750 с.
159. Уголовное право России. Общая часть : учебник [Текст] / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – СПб. : Изд-во Юрид. фак-та С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. – 1064 с.
160. Уголовное право. Общая часть : учебник [Текст] / отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4 изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. – 720 с.
161. Уголовное право. Практический курс [Текст] / под общ. ред. Р. А. Адельханяна, под науч. ред. А. В. Наумова. – 2 изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 752 с.
162. Фефелов, П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права [Текст] / П. А. Фефелов. – Свердловск : Среднеуральское книжное изд-во, 1970. – 144 с.
163. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением [Текст] / И. Я. Фойницкий. – М. : Добросвет-2000, Городец, 2000. – 464 с.

164. Чередниченко, Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации [Текст] / Е. Е. Чередниченко. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.
165. Черри, Р. Р. Развитие карательной власти в древних общинах [Текст] / Р. Р. Черри / пер. с англ. предисл. и примеч. П. И. Люблинского. – 2 изд.– М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 112 с.
166. Четвернин, В. А. Введение в курс общей теории права и государства [Текст] / В. А. Четвернин. – М. : Ин-т гос. и права РАН, 2003. – 120 с.
167. Чечель, Г. И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания [Текст] / Г. И. Чечель / науч. ред. И. С. Ной. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – 166 с.
168. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 1 : Понятие уголовного права [Текст] / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб. : Изд. профессора Малинина, 2005. – 734 с.
169. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 11 : Уголовная ответственность несовершеннолетних [Текст] / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб. : Изд. профессора Малинина, 2008. – 448 с.

V. Научные статьи

170. Агапов, П. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве как средство повышения эффективности противодействия организованной преступной деятельности [Текст] / П. В. Агапов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : матер. IX междунар. науч.-практ. конф. (26-27 января 2012 г.). – М. : Проспект, 2012. – С. 93–96.
171. Артеменко, Н. В. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим [Текст] / Н.В. Артеменко, А.М. Минькова // Российский судья. – 2007. – № 6. – С. 43–46.

172. Боровиков, С. Помещение несовершеннолетних, освобожденных от наказания, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа [Текст] / С. Боровиков // Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 93–98.
173. Ведяхин, В. М. Правовые стимулы: понятие, виды [Текст] / В. М. Ведяхин // Известия вузов. Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 50–55.
174. Волошин, В. М. Некоторые проблемы дифференциации уголовного наказания несовершеннолетних [Текст] / В. М. Волошин // Российский судья. – 2008. – № 2. – С. 11–13.
175. Волошин, И. А. Принцип равенства граждан в уголовном праве: сравнительный анализ законодательства Украины и России [Текст] / И. А. Волошин // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия : Юридические науки. – Т. 25 (64). – 2012. – № 2. – С. 194–198.
176. Голик, Ю. Институт примирения с потерпевшим нуждается в совершенствовании [Текст] / Ю. Голик // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 20–21.
177. Даев, В. Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности [Текст] / В. Г. Даев // Известия вузов. Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 48–52.
178. Добрынин, Н. П. О влиянии юного возраста на преступную деятельность по данным русской уголовной статистики [Текст] / Н. П. Добрынин // Журнал министерства юстиции. – 1898. – № 3 (март). – С. 113–152.
179. Жевлаков, Э. Н. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией [Текст] / Э. Н. Жевлаков // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 23–28.
180. Звечаровский, И. Э. Стимулирование в праве: понятие и структурные элементы [Текст] / И. Э. Звечаровский // Известия вузов. Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 112–117.

181. Исаева, Н. В. Гендерная идентичность как фактор обеспечения прав человека // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире [Текст] / под ред. О. Ю. Малиновой, А. Ю. Сунгурова, Н. В. Исаева. – СПб., 2005. – С. 154–165.
182. Казимирчук, В. П. Выступление на «круглом столе» по теме «Власть, демократия, привилегии» [Текст] / В. П. Казимирчук // Вопросы философии.. – 1991. – № 7. – С. 1–15.
183. Кленова, Т. В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве [Текст] / Т. В. Кленова // Государство и право. – 1997. – №1. – С. 54–59.
184. Козюк, М. Н. Правовое равенство и привилегия депутатской неприкосновенности [Текст] / М. Н. Козюк // Личность и власть : межвуз. сб. науч. работ. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ВШ МВД РФ, 1995. – С. 162–172.
185. Кравченко, И. И. Выступление на «круглом столе» по теме «Власть, демократия, привилегии» [Текст] / И. И. Кравченко // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 1–15.
186. Кудрявцев, А. Г. Действительные и кажущиеся противоречия уголовно-правовой политики в регламентации вопросов освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления [Текст] / А. Г. Кудрявцев // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 3 (7). – С. 29–38.
187. Лапаева, В. В. Содержание формального принципа правового равенства [Текст] / В. В. Лапаева // Права человека и современное государственно-правовое развитие : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Светланов. – М. : Ин-т государства и права РАН, 2007. – С. 131–153.
188. Малько, А. В. Льготы в праве: общетеоретический аспект [Текст] / А. В. Малько // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 37–47.

189. Малько, А. В. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот [Текст] / А. В. Малько, И. С. Морозова // Известия вузов. Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 143–156.
190. Мальцев, В. В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение [Текст] / В. В. Мальцев // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 98–102.
191. Межуев, В. М. Выступление на «круглом столе» по теме «Власть, демократия, привилегии» [Текст] / В. М. Межуев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 1–15.
192. Михеев, Р. И. Возраст: уголовно-правовые и криминологические проблемы [Текст] / Р. И. Михеев // Проблемы совершенствования борьбы с преступностью : сб. ст. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 1985. – С. 3–17.
193. Морозов, А. И. Молодежный возраст как правовая и криминологическая категория [Текст] / А. И. Морозов // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 169–174.
194. Поленина, С. В. Закон как средство реализации задач правового государства [Текст] / С. В. Поленина // Теория права: новые идеи. – Вып. 3 / редкол.: Л. Н. Завадская, Н. С. Малеин, М. М. Славин. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1993. – С. 13–22.
195. Понятовская, Т. Г. Наказания, назначаемые несовершеннолетним: снисхождение или безнаказанность? [Текст] / Т. Г. Понятовская // Союз криминалистов и криминологов. – 2013. – № 1. – С. 80–84.
196. Руднев, В. И. О возможности введения понятия «лицо молодежного возраста» в уголовное и другие отрасли законодательства // Журнал российского права [Текст] / В. И. Руднев. – 2005. – № 5. – С. 39–44.
197. Суменков, С. Ю. Привилегия как политико-правовая категория [Текст] / С. Ю. Суменков // Право и политика. – 2002. – № 5. – С. 65–70.

198. Тарасенко, В. В. Презумпция утраты лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности [Текст] / В. В. Тарасенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. – 2014. – № 1. – С. 182–187.
199. Тихонова, С. С. Современная концепция уголовной ответственности лиц, больных наркоманией [Текст] / С. С. Тихонова, Т. А. Бачурина // Современное российское уголовное законодательство: состояние, тенденции и перспективы развития с учетом требований динамизма, преемственности и повышения экономической эффективности (к 15-летию принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года). – Н. Новгород, 2012. – С. 119–122.
200. Ткачевский, Ю. М. Освобождение от наказания в связи с болезнью [Текст] / Ю. М. Ткачевский // Законодательство. – 2000. – № 10. – С. 52–61.
201. Тороп, Ю. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности [Текст] / Ю. В. Тороп // Российский юридический журнал. – 2000. – № 4. – С. 143–144.
202. Филимонов, В. Д. Принцип равенства граждан перед законом в уголовном праве [Текст] / В. Д. Филимонов // Уголовное право в XXI веке : матер. междунар. науч. конф. на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : ЛексЭст, 2002. – С. 223–227.
203. Фильченко, А. П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования [Текст] / А. П. Фильченко // Вестник Пермского университета. Серия : Юридические науки. – 2013. – Вып. 2 (20). – С. 251–259.
204. Чеснокова, О. А. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности [Текст] / О. А. Чеснокова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 3 (164). – С. 45–48.

205. Яни, П. С. Толкование уголовного закона [Текст] / П. С. Яни // Вестник Московского Университета. Серия 11 : Право. – 2012. – № 4. – С. 55–75.
206. Яни, П. С. Освобождение от ответственности за подготовку к теракту [Текст] / П. С. Яни // Российская юстиция. – 2012. – № 2. – С. 26–30.

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

207. Аликперов, Х. Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : автореф. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Х. Д. Аликперов. – М., 1992. – 36 с.
208. Алексиева, Б. Б. Тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Б. Б. Алексиева. – М., 2006. – 25 с.
209. Андриенко, В. А. Равенство граждан по признаку пола в уголовном праве и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В. А. Андриенко. – Пятигорск, 2007. – 171 с.
210. Антонов, А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А. Г. Антонов. – Рязань, 2013. – 381 с.
211. Артамонов, Н. В. Советское законодательство о льготах гражданам в связи с выполнением воинской обязанности и вопросы его совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н. В. Артамонов. – М., 1974. – 24 с.
212. Афанасьев, В. В. Иммунитеты и привилегии международных организаций социалистических государств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В. В. Афанасьев. – М., 1984. – 25с.
213. Бабаян, Н. Н. Реализация принципа равенства перед законом в Российском уголовном законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н. Н. Бабаян. – Ростов-на-Дону, 2010. – 27 с.

214. Бабиченко, Р. И. Возрастная невменяемость: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р. И. Бабиченко. – СПб., 2004. – 18 с.
215. Байбарин, А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. А. Байбарин. – Краснодар, 2009. – 27 с.
216. Бакулина, Л. В. Правовой статус и обеспечение личных и социально-экономических прав осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л. В. Бакулина. – Казань, 2000. – 247 с.
217. Барсукова, О. В. Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста (криминологические и уголовно-правовые проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О. В. Барсукова. – Владивосток, 2003. – 27 с.
218. Боровых, Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л. В. Боровых. – Екатеринбург, 1993. – 174 с.
219. Бриллиантов, А. В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А. В. Бриллиантов. – М., 1998. – 19 с.
220. Буданова, М. А. Процессуальные льготы в доказывании в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. А. Буданова. – Саратов, 2011. – 30 с.
221. Бужкевич, Т. С. Уголовно-правовые, криминологические и пенитенциарные проблемы отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т. С. Бужкевич. – М., 1995. – 21 с.
222. Бырдин, Е. Н. Правовое равенство граждан и его обеспечение в Российском государстве : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е. Н. Бырдин. – М., 2002. – 158 с.

223. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. В. Васильевский. – Н. Новгород, 2000. – 23 с.
224. Верина, Г. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Г. В. Верина. – Саратов, 2003. – 54 с.
225. Гаджирамазанова, П. К. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / П. К. Гаджирамазанова. – Махачкала, 2002. – 163 с.
226. Галкин, В. А. Назначение наказания в виде лишения свободы лицам, совершившим насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления в несовершеннолетнем возрасте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В. А. Галкин. – Саратов, 2005. – 26 с.
227. Голик, Ю. В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы) : дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата [Текст] / Ю. В. Голик. – М., 1994. – 53 с.
228. Давыдова, Е. В. Примирение с потерпевшим в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е. В. Давыдова. – Ставрополь, 2001. – 150 с.
229. Ермакова, Е. Д. Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е. Д. Ермакова. – Рязань, 2006. – 24 с.
230. Ефремова, Г. Х. Криминологическая характеристика правосознания молодых правонарушителей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Г. Х. Ефремова. – М., 1973. – 20 с.

231. Жданова, О. В. Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О. В. Жданова. – М., 2008. – 22 с.
232. Иванов, А. А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. А. Иванов. – Челябинск, 2013. – 25 с.
233. Кайшев, А. В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. В. Кайшев. – М., 2006. – 182 с.
234. Камаев, И. А. Роль льгот в правовом регулировании трудовых отношений рабочих и служащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И. А. Камаев. – М., 1984. – 21 с.
235. Каплин, М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. Н. Каплин. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.
236. Кацуба, С. А. Институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. А. Кацуба. – Рязань, 2003. – 26 с.
237. Ключников, С. С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. С. Ключников. – Краснодар, 2013. – 27 с.
238. Колодий, А. Ф. Социальная справедливость и ее проявления через отношения равенства и неравенства: теория, уроки государственно-административного социализма, перспективы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук [Текст] / А. Ф. Колодий. – М., 1992. – 21 с.
239. Колониченков, Р. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних: вопросы законодательной регламентации и назначения наказания :

- автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р. А. Колониченков. – Ростов-на-Дону, 2009. – 27 с.
240. Кольцов, М. И. Особенности наказания несовершеннолетних (на примере практики судов Тамбовской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. И. Кольцов. – Тамбов, 2007. – 26 с.
241. Красильников, А. В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. В. Красильников. – М., 2006. – 22 с.
242. Крутер, М. С. Методологические и прикладные проблемы изучения и предупреждения преступности молодежи : дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / М. С. Крутер. – М., 2002. – 445 с.
243. Лактаева, А. Ю. Принцип равенства перед законом, его реализация при назначении наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. Ю. Лактаева. – Самара, 2010. – 25 с.
244. Леонов, Р. А. Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р. А. Леонов. – М., 2011. – 28 с.
245. Мамедов, А. И. Помещение судом несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. И. Мамедов. – М., 2008. – 24 с.
246. Маркарян, С. А. Мотивы как основание дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (проблемы конструирования квалифицирующих признаков) : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. А. Маркарян. – М., 2012. – 26 с.
247. Морозова, И. С. Льготы в российском праве: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И. С. Морозова. – Саратов, 1999. – 27 с.

248. Морозова, И. С. Теория правовых льгот : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / И. С. Морозова. – Саратов, 2007. – 46 с.
249. Ниценко, Р. А. Назначение наказания: обязательные смягчение и усиление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р. А. Ниценко. – М., 2014. – 32 с.
250. Нурадель, М. Проблемы совершенствования законодательства об ответственности и индивидуализации наказания несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. Нурадель. – М., 2008. – 23 с.
251. Оловенцова, С. Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. Ю. Оловенцова. – Рязань, 2010. – 24 с.
252. Пашкова, Г. Г. Льготы в праве социального обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Г. Г. Пашкова. – Томск, 2004. – 26 с.
253. Пирвагидов, С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран-участниц Содружества Независимых Государств : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. С. Пирвагидов. – Ставрополь, 2002. – 16 с.
254. Плиско, Р. К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р. К. Плиско. – Владивосток, 2009. – 29.
255. Попова, Н. П. Преступность молодежи и криминологическая оценка экономического потенциала для противодействия ей в период реформирования России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н. П. Попова. – М., 2008. – 27 с.
256. Разумов, П. В. Криминологическая характеристика геронтологической преступности и меры ее предупреждения : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / П. В. Разумов. – Ставрополь, 2005. – 192 с.

257. Сараев, Н. В. Общественно опасные деяния лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, как криминологическая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н. В. Сараев. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.
258. Селезнева, Н. А. Ответственность несовершеннолетних по уголовному праву России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н. А. Селезнева. – М., 2004. – 22 с.
259. Семенов, И. А. Поощрительные нормы в уголовном законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И. А. Семенов. – М., 2002. – 160 с.
260. Семенова, И. С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И. С. Семенова. – Саратов, 2004. – 184 с.
261. Сергеева, Е. Ю. Уголовная ответственность и наказание женщин по российскому законодательству: гендерный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е. Ю. Сергеева. – Саратов, 2006. – 22 с.
262. Скрипченко, Н. Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Н. Ю. Скрипченко. – М., 2013. – 44 с.
263. Соколова, Е. С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированного и полупривилегированных сословий (середина XVII – середина XIX веков) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е. С. Соколова. – Екатеринбург, 1995. – 17 с.
264. Стеничкин, Г. А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, как уголовно-правовая мера, не связанная с изоляцией от общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Г. А. Стеничкин. – М., 2003. – 21 с.

265. Суменков, С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. Ю. Суменков. – Саратов, 2002. – 26 с.
266. Тарханов, И. А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения) : дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / И. А. Тарханов. – Казань, 2002. – 458 с.
267. Тащилин, М. Т. Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / М. Т. Тащилин. – Краснодар, 2003. – 54 с.
268. Терских, А. И. Компромисс в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. И. Терских. – Екатеринбург, 2013. – 29 с.
269. Тилежинский, Е. В. Равенство как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е. В. Тилежинский. – Н. Новгород, 2006. – 27 с.
270. Титова, М. В. Налоговые льготы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. В. Титова. – СПб., 2004. – 33 с.
271. Тюшнякова, О. В. Отсрочка отбывания наказания женщинам как мера уголовно-правового воздействия : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О. В. Тюшнякова. – Самара, 2002. – 227 с.
272. Черкашина, О. А. Налоговые льготы как правовой институт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О. А. Черкашина. – М., 2007. – 18 с.
273. Чернышкова Л.Ю. Уравнивающий и распределяющий аспекты справедливости в сфере уголовно-правовой охраны и ответственности женщин: дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2012. – 217 с.
274. Шапиро, И. М. Юридическое равенство как правовая реальность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И. М. Шапиро. – СПб., 2012. – 26 с.

275. Ююкина, М. В. Принцип гуманизма в уголовном, уголовно-исполнительном праве, уголовной политике и его реализация при назначении наказания : дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М. В. Ююкина. – Тамбов, 2006. – 230 с.

VII. Электронные ресурсы

Интернет-сайты

276. Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL : <http://vsrf.ru/>
277. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал [Электронный ресурс]. – URL : <http://sudrf.ru/>
278. Справочная правовая система «Право.ru» [Электронный ресурс]. – URL : <http://docs.pravo.ru/>
279. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/>

Отдельные интернет-источники

280. Зайков, Д. Е. Правовое (формальное) равенство и законное неравенство в современных условиях [Электронный ресурс] / Д. Е. Зайков // Saldo.ru : бухгалтерский сервер. – URL : http://saldo.ru/article.ru.html?pub_id=9541 (дата обращения: 18.04.2014).
281. Керенский, В. А. Духовенство как сословие: его права и привилегии [Электронный ресурс] / В. А. Керенский // Богослов.ru : научно-богословский портал. – URL : <http://www.bogoslov.ru/text/1079223.html> (дата обращения: 01.08.2014).
282. Кухарук, В. В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: вопросы теории и реализации [Электронный ресурс] / В. В. Кухарук // Юридические исследования. – 2013. – № 1. – URL : http://e-notabene.ru/lr/article_366.html (дата обращения: 29.11.2014).

283. Лечение от наркозависимости как альтернатива уголовному наказанию (выступление руководителя Следственного департамента ФСКН России Яковлева С.П. 05.10.2011 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speech_public/2011/1005/223515160/detail.shtml (дата обращения: 01.11.2014).
284. Назаренко, Н. А. Категория «таможенная льгота» в современном таможенном праве [Электронный ресурс] / Н. А. Назаренко // Юридическая библиотека ЮРИСТЛИБ. – URL : http://www.juristlib.ru/book_4044.html (дата обращения: 06.08.2014).
285. Пудовочкин, Ю. Е. О грядущих изменениях уголовного закона (в порядке доктринального заключения на проект Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») [Электронный ресурс] / Ю. Е. Пудовочкин // Сайт Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – URL : [http://sartraccc.ru/i.php?filename=Pub/pudovochkin\(09-11-11\)htm&oper=read_file](http://sartraccc.ru/i.php?filename=Pub/pudovochkin(09-11-11)htm&oper=read_file) (дата обращения: 15.10.2014).
286. Шелевер, Н. В. Соотношение правового иммунитета с льготами и привилегиями по законодательству Украины [Электронный ресурс] / Н. В. Шелевер // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2013. – № 6. – URL: <http://www.jurnal.org/articles/2013/uri84.html> (дата обращения: 06.08.2014).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анкета для проведения экспертного опроса

1. Допустимы ли, по Вашему мнению, привилегии в уголовном праве:

- допустимы – 10%,
- абсолютно недопустимы – 27%,
- возможны лишь в строго определенных условиях – 43%,
- затрудняюсь с ответом – 20%.

2. Привилегии в праве – это:

- нечто, что государство устанавливает для обладающих властью или приближенных к власти лиц – 65%,
- оправданные задачами правового регулирования изъятия из общего правового порядка – 35%.

3. По Вашему мнению, уголовный закон в отношении несовершеннолетних:

- адекватен – 20%,
- излишне либерален – 78%,
- недостаточно гуманен – 2%.

4. Установленный в законе возраст начала уголовной ответственности:

- адекватен и оправдан – 28%,
- может быть снижен – 68%,
- может быть повышен – 4%,
- затрудняюсь с ответом – 0%.

5. В Общей части уголовного закона штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы, устанавливаемые в отношении несовершеннолетних:

- должны быть дифференцированы в зависимости от возраста несовершеннолетнего лица – 57%,
- не должны дифференцироваться в зависимости от возраста несовершеннолетнего лица – 30%,

- затрудняюсь с ответом – 23%.

6. Установленная в 2 ст. 88 УК РФ привилегия в виде возможности уплаты назначенного несовершеннолетнему штрафа, является:

- адекватной и обоснованной – 25%,
- неоправданной и несоразмерной – 72%,
- затрудняюсь с ответом – 3%.

7. В порядке совершенствования практики помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, считаете ли Вы целесообразным:

- решить вопрос о возможности помещения подростка в специальное учреждение не только в порядке освобождения от назначения наказания, но и в порядке освобождения от его отбывания, в том числе и в процессе отбывания

- да – 64%,
- нет – 36%;

- отказаться от такого условия помещения в специальное учреждение, как предварительное назначение наказания в виде лишения свободы, с тем, чтобы расширить потенциальный контингент воспитанников

- да – 42%,
- нет – 58%;

- предусмотреть механизм «обратной» замены пребывания в специальном учреждении всеми или большей частью видов наказаний

- да – 77%,
- нет – 23%.

8. Как часто, по Вашей оценке, преступление несовершеннолетнего и его личностные характеристики не отличаются от поступков и личности взрослых?

- не более чем в 20% случаев – 15%,
- более чем в 20% случаев – 73%,
- более чем в 50% случаев – 12%.

9. Как часто в Вашей работе встречается применение ст. 96 УК РФ?

- практически не встречается – 98%,
- встречается редко – 2%,
- встречается часто – 0%.

10. Можно ли, по Вашему мнению, предложить законодателю распространить на работающих пенсионеров уголовные наказания, связанные с обязательным привлечением к труду?

- да – 45%,
- нет – 55%,
- затрудняюсь ответить – 0%.

11. Согласны ли Вы с тем, что запрет на применение смертной казни к женщинам оправдан и обоснован?

- да – 54%,
- нет – 39%,
- затрудняюсь ответить – 7%.

12. Если лицо, страдающее тяжелой болезнью, совершило преступление, и болезнь не помешала этому, может ли оно рассчитывать на досрочное освобождение от наказания по этому основанию?

- да – 22%,
- нет – 68%,
- затрудняюсь ответить – 10%.

13. Согласны ли Вы с тем, что механизм лечения, установленный ст. 82¹ УК РФ, может быть распространен на всех лиц, больных наркоманией или токсикоманией, совершивших преступления небольшой или средней тяжести?

- да – 57%,
- нет – 40%,
- затрудняюсь ответить – 3%.

14. Считаете ли Вы возможным при совершенствовании закона обсудить вопрос о «снятии» ограничений в применении некоторых видов наказаний для женщин с детьми?

- да – 74%,
- нет – 18%,
- затрудняюсь ответить – 8%.

15. Согласны ли Вы с тем, что условия предоставления отсрочки наказания для лиц, имеющих детей, должны быть идентичными для мужчин и женщин?

- да – 47%,
- нет – 42%,
- затрудняюсь ответить – 11%.

16. Согласны ли Вы с тем, что отсрочка наказания для лиц, имеющих детей, не должна ставиться в зависимость от того, являются ли дети родными, усыновленными или взятыми на воспитание?

- да – 76%,
- нет – 2%,
- затрудняюсь ответить – 22%.

17. Верно ли утверждение, что лица, занимающие ответственные должности в значимом производстве или сфере услуг и управления, как правило, положительно характеризуются, а потому не заслуживают сурового наказания?

- да – 78%,
- нет – 22%,
- затрудняюсь ответить – 0%.

18. Согласны ли Вы с утверждением, что ст. 76¹ УК РФ есть проявление привилегий по отношению к преступникам из числа предпринимателей?

- да – 64%,
- нет – 30%,
- затрудняюсь ответить – 6%.

19. Предписания Главы 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» продиктованы, по Вашему мнению:

- принципом гуманизма – 7%,
- экономией процессуальных средств и бюджетных расходов – 73%,
- иными причинами – 20%.

20. Заинтересованность государства в заключении соглашения о сотрудничестве наиболее высока по делам о расследовании преступлений:

- террористических – 80%,
- коррупционных – 75%,
- совершаемых в группе – 74%.

21. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности в примечаниях к статьям особенной части УК РФ, по Вашему мнению:

- эффективны и целесообразны – 79%,
- излишни – 5%,
- затрудняюсь ответить – 16%.

22. Освобождение от ответственности на основании ст. 76 УК РФ возможно по делам:

- где установлен конкретный потерпевший – 48%,
- по любым делам – 52%,
- затрудняюсь ответить – 0%.